

**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского**

**Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России**

**Научно-художественный журнал
№ 11 – 2011**

ПЕРЕВОДЧИК

**Чита
ЗабГГПУ
2011**

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407
П 8.3.

Главный редактор

О. В. Стельмак к.ф.н., доц. кафедры английского языка ФИЯ ЗабГГПУ,
руководитель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет:

А. В. Ващенко д.ф.н., проф., заведующий кафедрой сравнительных
литератур и культур МГУ;
Т. В. Воронченко д.ф.н., проф., директор НИИ филологии и
межкультурной коммуникации ЗабГГПУ;
М. В. Константинов д.ист.н., профессор кафедры истории ЗабГГПУ

Редакционная коллегия: Т. И. Суханова, Л. В. Эмирзиади, О. Н. Терёшин,
С. В. Науменко

Переводчик: науч.-худож. журн. (Печатный орган Забайкальского
регионального отделения Союза переводчиков России). Вып. 11 / Забайкал. гос.
гум.-пед. ун-т; гл. ред. О. В. Стельмак. – Чита, 2011. – 254 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также
для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит
читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского
регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы.
Раздел «Дебют» представляет молодых одарённых переводчиков. Американистов
и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа»
(ред. д.ф.н., проф. Т. В. Воронченко). Раздел «Лексикография» может оказаться
полезным для переводчиков-практиков. Разделы «Земля Даурская» (ред. к.ф.н.,
доц. Т. И. Суханова) и «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзи-
иади) адресованы краеведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие
разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы,
конкурсы!!!», «Памятные даты», «Перлы переводчиков». Приложение к журналу
включает выборочно оригиналы поэтических произведений, переводы которых
печатаются в номере.

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407

© ЗабГГПУ, 2011

Содержание

Информация

VII съезд Союза переводчиков России (28–30 мая 2010 года).....	5
Правление СПР (2010–2013 гг.).....	11

Новые переводы поэзии и прозы

Поэзия

Андрей Сапёлкин. Арриго Бойто. Вступительная статья и перевод с итальянского.....	15

Николай Переяслов. Мотивы современной грузинской поэзии. Лирика. Вступительная статья и перевод с грузинского.....	19

Элегия в память о мистере Роберте Бёрнсе, прославленном шотландском поэте (У. Г. Рид). Монодия на смерть Роберта Бёрнса (предположительно Р. Лохор). Предисловие и перевод с английского Евгения Фельдмана.....	33

Ольга Стельмак. Single-poem Success (из архива одного стихотворения). Перевод с английского.....	39

Сернуда Луис. Лирика. Перевод с испанского Михаила Финкеля.....	46

Чарующий мир малтийской поэзии. Поэтические переводы с малтийского Ирины Ковалёвой, Ивана Белокрылова, Леонида Володарского.....	48

Чезаре Павезе – грани поэтического таланта. Предисловие и перевод с итальянского Натальи Сухановой.....	54

Светлана Герасимова. Мой Китс. Вступительная статья и перевод лирики с английского.....	59

Кристина Джорджина Россетти. Стихи. Перевод с английского Валентины Брилёвой.....	67

Проза

Марио Луци. Рассказы. Перевод с итальянского Натальи Сухановой.....	71

Из сокровищницы норвежской литературы. Рассказы Кнута Гамсунна и Эвы Себерг. Афоризмы Марион Коксвик. Предисловие и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой.....	85

Лина Нейгауз. Из книги «Вариации прекрасного». Часть III. Перевод с русского на английский Анны Крушельницкой	98

Дебют

Дарья Белокрылова. Поэтические переводы с итальянского, французского и корейского языка.....	103

«Американа»	
Елена Принеслик. Жизнь в ритме фламенко: роман Аны Кастильо «Очисти мою любовь, как луковичку».....	107
Марина Мальцева. Образ мексикано-американской семьи: универсальное и специфическое (по произведениям Д. Гилба).....	116
В копилку переводчика	
Ашот Сагратян. На скорости света.....	128
Николай Воропаев. К проблеме овладения базовым арсеналом прецедентных имён китайскоязычного дискурса в процессе подготовки специалистов переводчиков.....	130
Ольга Флешлер. Что нужно для перевода сказок?.....	146
Земля Даурская	
Михаил Константинов. «Для пользы и удовольствия будущих археологов». Перевод с русского на английский Ольги Ушниковой.....	153
Виктор Балабанов. События и толки. Год 1915. Из книги «Стройкой и памятью отмечено...». Перевод с русского на английский Арины Корташёвой.....	159
Е. Д. Петряев. Первый поэт Забайкалья – Фёдор Иванович Бальдауф. Из книги «Исследователи и литераторы старого Забайкалья». Перевод на английский Андрея Фаронова.....	161
Эпистолярное наследие декабристов	
Людмила Эмиризиади. Рыцарь «Ордена Восстановления» Д. И. Завалишин. Вступительная статья и перевод писем с французского	169
Уголок поэтов. «Остались женщины святые на нашей матушке-Руси»	
Лирика Георгия Граубина. Вступительное слово Ольги Стельмак.....	180
Лексикография	
Словари в помощь переводчику. Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	189
Англо-русский фразеологический словарь с компонентом цветонименования. Составители: Лидия Загайнова, Ольга Стельмак.....	208
Конкурсы, конкурсы, конкурсы...!!!	
Региональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2011 года.....	216
Перлы переводчиков	
Переводчики НЕ шутят.....	229
Памятные даты	233
Приложение	237
Сведения об авторах	245

Информация

**Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators
of Russia**

*Межрегиональная общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)*

член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

*Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101Б, стр. 1, 3 эт.,
Московский ин-т лингвистики, офис СПР
тел./факс +7(495) 616-3980, эл. почта gurutrus@yandex.ru*

VII съезд Союза переводчиков России¹

28–30 мая 2010 года

С 28 по 30 мая 2010 года в Москве в помещении Российского нового университета (РосНОУ) работал VII съезд СПР. Съезду предшествовала большая подготовительная работа, в которой приняли участие все региональные отделения Союза, его ассоциированные члены. Была проведена традиционная предсъездовская конференция делегатов, в ходе которой они смогли встретиться с руководством СПР, получить подробные ответы и высказать свое мнение практически по всем вопросам, которые предстояло обсудить съезду. На съезд было избрано 178 делегатов. Впервые были представлены 45 региональных отделений (против 26 на предыдущем) – факт, который нам еще предстоит осмыслить. Безусловно, он свидетельствует о постоянно растущей популярности Союза. Но не только. Очевидно, что в нем отражается некая объективная потребность переводческого сообщества России в объединении.

¹ Печатается по материалам журнала «Мир перевода» № 2 (24), 2010 г., СС 5, 6; 16.

Впрочем, уважительное отношение, интерес к российским переводчикам за рубежом тоже были продемонстрированы на съезде. В самом деле, впервые в нашей стране в рамках съезда прошло заседание Совета Международной федерации переводчиков во главе с ее президентом **Марион Бурс** (ЮАР), которая приветствовала делегатов съезда в ходе торжественного открытия съезда. Впервые в рамках съезда прошел по инициативе президента СПР и при финансовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) международный семинар переводчиков СНГ и Балтии. Отметим, что всем нашим гостям была предоставлена возможность принять участие во многих мероприятиях съездовских дней, выступить с докладами.

Важнейшим событием для наших коллег из СНГ стала встреча с руководством ФИТ, которая позволила им не только получить информацию из первых рук об этой авторитетной организации, но и узнать о перспективах вступления своих национальных ассоциаций в нашу международную организацию. Впрочем, во многих из стран СНГ еще предстоит создать такие ассоциации. Все делегаты и гости отмечали конструктивную и дружескую атмосферу, в которой проходил съезд.

Пожалуй, самым волнующим его моментом было появление на экране во время торжественного открытия ветерана Союза, известной военной переводчицы, участницы Испанской и Великой Отечественной Аделины Кондратьевой.

Съезд полностью выполнил свои уставные задачи. В его успехе немаловажную роль сыграли руководители, сотрудники и волонтеры – студенты Российского Нового университета (РОСНОУ) и Московского института лингвистики.

В обсуждении вопросов на повестке дня выступили: Л. Черняховская (Москва), П. Брук (Санкт-Петербург), М. Кривенькая (Москва), О. Шлякина (Архангельск), Ю. Трейдинг (Москва), М. Цвиллинг (Москва), другие делегаты.

Заслушав и обсудив отчетные доклады, съезд одобрил работу Президента и Правления СПР, внес изменения в Устав СПР, единогласно переизбрал на пост президента СПР Л.О. Гуревича, по представлению Президента СПР избрал новое Правление

СПР, новый состав Ревизионной комиссии во главе с Т.Е. Гергель, обсудил и принял Решения съезда.

Сразу после съезда пленум нового состава Правления СПР избрал своим председателем Г.Е. Моисеенко.

22 июня состоялся второй пленум Правления, избравший Секретариат Правления и утвердивший распределение функций членов Правления. Пленум утвердил редсовет журнала «Мир перевода» во главе с Л.О. Гуревичем.

Ниже мы публикуем Решения съезда. Устав в его новой редакции будет опубликован после регистрации изменений и нового адреса постоянного органа управления – Правления СПР Минюстом РФ.

Решения VII съезда СПР
Москва, 30.05.10 г.

Заслушав и обсудив отчетный доклад Президента СПР о деятельности Союза и Правления, съезд постановил:

Одобрить деятельность Президента и Правления СПР, направленную на дальнейшее укрепление СПР, переводческого сообщества России, на решение задач, поставленных VI съездом СПР.

Поручить Президенту и Правлению представить в Министерство Российской Федерации изменения в учредительных документах СПР на регистрацию в установленном порядке.

Поручить Правлению привести документацию СПР в соответствие с изменениями и дополнениями, внесенными в Устав.

Поручить Правлению СПР кооптировать в Правление новых членов на вакантные должности.

Опубликовать в журнале «Мир перевода» материалы и решения съезда; организовать их обсуждение во всех региональных отделениях.

Поручить Правлению вести систематическую работу с новыми региональными отделениями, провести совещание по вопросам сотрудничества и взаимодействия региональных отделений, обеспечить им информационную и консультационную поддержку.

Поручить Правлению СПР, НМС СПР совместно с руководителями региональных отделений изучить вопрос о положении переводчиков на рынках труда регионов, о применении современных норм труда работодателями переводчиков с учетом международных стандартов и норм с целью разработки рекомендаций переводчикам и корпоративным членам.

Поручить Правлению продолжить сотрудничество с партнерскими организациями с целью содействовать формированию в России цивилизованного рынка переводческих услуг, защиты интересов российских переводчиков в рамках Европейского Совета.

Поручить Правлению СПР обновить Положение о личных печатах членов СПР с учетом опыта и специфики региональных отделений.

Поручить Научно-методическому совету СПР:

- завершить подготовку пакета документов по профессиональной аттестации переводчиков и представить его на утверждение Правления СПР;
- продолжить разработку рекомендаций по совершенствованию подготовки переводческих кадров, учебных материалов и образовательных программ по переводу, обсуждение в изданиях СПР проблем вузовской реформы, а также подготовки переводчиков с языков и на языки народов России и ближнего зарубежья;
- продолжить разработку и совершенствование критериев профессиональной критики переводов, методик специальных и судебных экспертиз переводов;
- обратить внимание руководителей вузов на необходимость внедрения в учебный процесс новых ИКТ для создания новых электронных учебников и учебных пособий для повышения эффективности преподавания перевода, что значительно расширяет возможности дистанционного преподавания этих дисциплин;
- совершенствовать систему профессионального грифования научных и дидактических публикаций по переводу.

Поручить Редсовету журнала «Мир перевода» содействовать повышению качества региональных переводческих изданий, укреплению их связей с коллегами в журналистском и издательском сообществах, совершенствовать систему распространения переводческих изданий.

Развивать в регионах сеть печатных изданий и сайтов СПР как основной оперативный источник информации о деятельности Союза и его региональных отделений с учетом замечаний и предложений делегатов съезда; рассмотреть возможность оказания региональным отделениям помощи в разработке сайтов. Обязать все издания и сайты СПР регулярно информировать переводческую общественность о творческих и научных достижениях членов СПР.

Активизировать работу молодежной секции при СПР; стимулировать участие молодых переводчиков в работе летних школ перевода.

Поручить Правлению СПР обсудить и утвердить Положение об общероссийских и региональных переводческих конкурсах, изучить и распространить опыт проведения в регионах открытых переводческих конкурсов с участием коллег из других регионов и зарубежья, совершенствуя их формы, расширяя их языковое и тематическое содержание. Привлечь внимание руководящих органов культуры к этому вопросу.

Поручить Правлению и тематическим секциям изучить вопрос о создании электронной библиотеки СПР.

Совместно с другими творческими союзами продолжить сотрудничество с Государственной Думой РФ и Правительством РФ по законодательному закреплению прав творческих работников, в частности, переводчиков. Представить в Госдуму РФ предложения о необходимых изменениях в законодательстве о нотариате, об общественных объединениях и в другие разделы законодательства, затрагивающие интересы профессиональных переводчиков. Добиваться принятия закона о творческих союзах. Продолжить авторско-правовое просвещение членов СПР.

Развивать сотрудничество с ФИТ и его специализированными комитетами, регулярно знакомить российских переводчиков с самыми полезными инициативами Федерации и национальных ассоциаций.

Продолжить сотрудничество с коллегами из стран СНГ и Балтии, с МФГС и другими специализированными организациями с целью укрепления межнациональных связей, развития системы взаимных переводов, а также усиления роли русского языка в этой области.

Поручить Президенту и Правлению СПР от имени съезда обратиться к Президенту РФ с призывом обратить внимание на то, что после принятия Госдумой РФ и отклонения Президентом РФ В. В. Путиным федерального закона о творческих работниках и творческих союзах прошло более 10 лет. Творческая интеллигенция России так и не получила обещанного закона, что нарушает ее конституционные права. Серьезную тревогу вызывает общее состояние законодательства об общественных объединениях, отсутствие специальных законов по отдельным видам творческой деятельности, серьезные недостатки в законодательстве о нотариате, а также отсутствие в стране института судебных (присяжных) переводчиков.

Поручить Правлению и НМС СПР подготовить запрос в Министерство образования и науки РФ относительно необходимости введения в рамках общего направления «Перевод и переводоведение» новой специальности – преподавателя дисциплин теории и практики перевода.

В соответствии с Уставом СПР поддержать позицию российской стороны в вопросе об участии российских переводчиков в обслуживании Всемирной конференции ЮНЕСКО по воспитанию и образованию детей младшего возраста (Москва, 27–29 сентября 2010 г.) и в других мероприятиях международного масштаба.

После съезда состоялись три пленума Правления СПР. Сразу после съезда, 30 мая 2010 г. пленум Правления избрал Секретариат Правления и Председателя Правления. Подробнее с составом Правления и его Секретариата можно познакомиться на сайте СПР и в электронной версии журнала «Мир перевода».

На втором пленуме Правления (07.09.10) были распределены функциональные обязанности членов Правления и намечены планы работы Правления до конца 2010 г.

Третий пленум Правления СПР обсудил 24.12.2010 года вопросы, связанные с процессом регистрации в Минюсте РФ новой редакции Устава СПР, принятой майским съездом СПР, с продлением срока действия членских билетов, а также с подготовкой к Летней школе перевода 2011 года.

Правление Союза переводчиков России 2010–2013

Секретариат правления

Л. О. Гуревич, Г. Е. Моисеенко, А. А. Лукьянова, Е. К. Масловский,
В. Б. Сдобников, И. Н. Тупицына, И. В. Храмов, Л. А. Черняховская.

Гуревич Леонид Ошерович	президент СПР	рук. юр. лица, представительство СПР, гл. редактор журнала «Мир пе- ревода», Летние школы перевода СПР.	gurutrus@yandex.ru
Вербицкая Мария Валерьевна	член правле- ния СПР	представитель президента СПР по связям со сто- ронними органи- зациями.	verb7@mail.ru
Моисеенко Георгий Евгеньевич	председатель правления СПР	организация ра- боты правления и секретариата.	gmoiseenko@yandex.ru
Черняховская Леонора Александровна	заместитель председателя правления СПР	председатель На- учно-метод. сове- та (НМС) СПР, Летние школы перевода СПР, научные конфер. и семинары.	misti40@yandex.ru
Полубиченко Лидия Валериановна	член правле- ния СПР	НМС СПР, экспер- тиза, грифование.	lpolubichenko@ffl.msu.ru
Казакова Тамара Анатольевна	член правле- ния СПР	НМС СПР, про- блемы и эксперти- за худож. перево- да.	tamakaza@bk.ru

Митягина Вера Александровна	член правле- ния СПР	координатор на- учн. и творч. конференций	mityagina@mail.ru
Масловский Евгений Константинович	секретарь правления СПР	НМС СПР, про- фессиональная экспертиза и атте- стация	emaslovsky@mtu-net.ru
Тушицына Ирина Николаевна	секретарь правления СПР	рук. оргсектора правл, готовит пленумы правл. и засед. секрет-та, контрол. выполн. реш., курир. рег. отдел. Москвы и Моск. области, Летние школы пе- ревода СПР, со- труд-во с МФГС.	tupitsynain@mail.ru
Новиков Юрий Николаевич	член правле- ния СПР	регион. отделения Москвы и Моск. области.	9430810@gmail.com
Иванова Ольга Юрьевна	член правле- ния СПР	рук. группы по ра- боте с ветеранами.	terentia@mail.ru
Штемберг Алексей Андреевич	член правле- ния СПР	молодежная сек- ция СПР.	shtemberg@yandex.ru
Панкратова Элеонора Леонидовна	член правле- ния СПР	координатор творч. конкурсов.	larseni@mail.ru
Стельмак Ольга Викторовна	член правле- ния СПР	координатор ре- гион. период. изданий и сайтов СПР, гл.ред. ж-ла «Переводчик».	stelmak@pochtamt.ru
Лукьяннова Анна Алексеевна	секретарь правления СПР	вопросы законод. и права, консульт. сайт СПР, рубрика «Переводчик»	gurutrus@yandex.ru

		право» ж-ла «Мир перевода», вопросы вступл. в СПР.
Гаврилов Лев Алексеевич	член правления СПР	комиссия по этике. self@google.ru
Орлова Елена Петровна	член правления СПР	вступление индивид. членов в СПР. malahova@stream.ru
Сон Людмила Петровна	член правления СПР	вступление ассоциир. членов в СПР. luciason@mail.ru
Сдобников Вадим Витальевич	секретарь правления СПР	международные связи. sdobnik@lunn.ru
Цемахман Александр Семенович	член правления СПР	представит. СПР в ФИТ, чл. совета ФИТ, рук. сайта СПР. atsemahman@gmail.com
Сагратян Ашот Аристакесович	член правления СПР	связи со странами СНГ и Балтии. ashot.sagratyan@mail.ru
Храмов Игорь Валентинович	секретарь правления СПР	координатор регион. отделений. vip_orenburg@inbox.ru
Терехова Евгения Викторовна	член правления СПР	регион. отделения Дальнего Востока. evgeniavlad@gmail.com
Горшкова Вера Евгеньевна	член правления СПР	регион. отделения Сибири. gorchkova_v@mail.ru
Разумовская Вероника Адольфовна	член правления СПР	регион. отделения Сибири. veronica_ras@hotmail.com
Маленова Евгения Дмитриевна	член правления СПР	регион. отделения Сибири. malenova@mail.ru

Брук Павел Семенович	член правле- ния СПР	регион. отделения Северо-Запада.	pabro@cards.lanck.net
Морозов Владимир Сергеевич	член правле- ния СПР	регион. отделения Северо-Запада.	linguist@kanet.ru
Кашкин Вячеслав Борисович	член правле- ния СПР	регион. отделения Центра России.	kashkin2000@mail.ru
Егорова Ольга Геннадьевна	член правле- ния СПР	регион. отделения Юга России, Лет- няя школа перево- да – 2011.	egorov@astranet.ru
Корнеева Лариса Иванов- на	член правле- ния СПР	регион. отделения Урала.	korneeva@mail.ustu.ru
Волкова Татьяна Александровна	член правле- ния СПР	регион. отделения Урала.	tatia.volkova@gmail.com
Злобин Александр Николаевич	член правле- ния СПР	регион. отделения Верх. и Среднего Поволжья.	aleksandr_z@list.ru

Поэзия

Андрей Сапёлкин

Арриго Бойто (1842 – 1918)

В любом справочном издании, в которое включено имя Арриго Бойто (1842–1918), он значится как «итальянский поэт и композитор». Эти два вида деятельности лишь в общем очерчивают те рамки, в которые укладывалась многогранная деятельность Бойто, ибо на протяжении своей долгой жизни он выступал еще и как талантливый публицист, литературный и музыкальный критик, организатор, либреттист, а также переводчик иностранных пьес и либретто на итальянский язык (в частности – либретто «Руслана и Людмилы» М. И. Глинки). В целом, и поэтическое, и музыкальное наследие Бойто довольно скромно. Как композитор он снискал международный успех и признание только одним своим произведением – оперой «Мефистофель» (1868) по «Фаусту» Гёте на собственное либретто. Она послужила известности Бойто за пределами Италии, но популярность этого произведения заметно снизилась во второй половине XX века. В нашей стране Бойто как поэт и литератор совершенно неизвестен: его деятельность на этом поприще никогда не была предметом изучения ни в одной монографии. Любителям музыки и знаком русского музыкального театра дореволюционного времени его «Мефистофель» известен, но больше по названию: в нем никогда не блистал Ф. И. Шаляпин. Однако в России ни в советское, ни в постсоветское время опера эта никогда не ставилась. Имя Бойто известно сравнительно узкому кругу отечественных любителей оперы, в основном, как автора либретто двух последних шедевров Джузеппе Верди: опер «Отелло» (1887) и «Фальстаф» (1892).

Как сама жизнь Бойто, так и его творчество, были отмечены тем своеобразным явлением, которому сам он дал определение

«дуализм», то есть «двойственность». Этим словом он стремился выразить как двойную природу своей личности, так и ту противоречивость своей натуры, которую он ощущал на протяжении всей своей жизни; она, по-видимому, и не позволила ему полностью раскрыться ни в одном из жанров, к которым тяготел его гений. Двойственность эта была предопределена уже самим фактом его рождения: он был сыном польской аристократки Юзефы Карсыницкой (урожденной графини Радолинской) и итальянского художника Сильвестра Бойто, имевшего совсем не благородное происхождение, но выдававшего себя за дворянина.

Бойто начинает свой творческий путь в 60-е годы XIX века. Это было время, когда после бурной эпохи Рисорджименто в Италии с запозданием начинают складываться капиталистические отношения. Рыночные отношения, возникшие в экономике, проникли и в область культуры: художественное произведение, вынужденное подчиняться игу спроса и предложения, оказалось низведенным до единицы товарно-денежного обмена. Все представлялось времененным и неустойчивым; доминирующим настроением стало скептицизм, пессимизм, чувство смятения.

В это время Бойто сближается с рядом молодых литераторов, музыкантов и художников – в большинстве, его ровесников, – разделяющих, с одной стороны, неприятие действительности, а с другой – свойственное молодости стремление к отказу от наследия прошлого, ниспровержению устоявшихся традиций, которые видятся им чем-то закоснелым, отжившим, исчерпавшим себя. Они ратуют за «искусство будущего», провозвестниками и создателями которого себя позиционируют. Это антибуржуазное и антитрадиционалистское бунтарство стало определяющим для того художественного и литературного течения, которое получило название «скапильятура» (*scapigliatura*) и местом рождения которого был Милан¹. Именно здесь оно и «процветало» в течение одного десятилетия – между 1860 и 1870 годами. К этому течению примкнул и Бойто.

Трагизм жизни, проявляющий себя в разладе между идеальным и реальным, между возвышенностью замыслов и жесто-

¹ Термин «скапильятура» трудно переводим на русский язык: в его основе – глагол *scapigliare*, имеющий значение «взъерошить, растрепать волосы» и одновременно «вести беспорядочный образ жизни» (прим. переводчика).

костью их воплощения, в совершаемых людьми низких поступках и свойственных им порочных наклонностях при декларируемом стремлении к высокому и светлому, в наличии под человеческой оболочкой, созданной «по образу и подобию Божьего», души, полной зла и коварства, – вот противоречие, которое не дает Бойто покоя, которое постоянно мучает его и терзает. Это настроение нашло свое самое яркое выражение в стихотворении «Дуализм», которое можно назвать «программным» как в поэтическом творчестве самого Бойто, так и во всей скапильятуре как литературном течении.

В этом стихотворении выражено все мировоззрение Бойто, его отношение к жизни, беспокоившие его вопросы. Он не был уверен в том, что его окружает: свет или тьма, бабочки или черви, ангелы или демоны... Кто он сам, наконец, – носитель высокого или низменного, воплощает ли он собою добро или зло?.. Поэтому с уст его то и дело срываются проклятья, и он разражается то изdevательским смехом, то плачем отчаянья и боли. Неверенность в своем призвании выражается в словах о «двух песьнях», звучание которых ему так «сладко»: музыки и поэзии. Его раздражает необходимость подчинять вольный полет вдохновения устоявшимся правилам, влиять идеи и мысли в определенные формы, каковыми являются метрические рамки и строфики традиционной поэзии, а музыку – втискивать в прокрустово ложе тактовой сетки, устоявшихся ладов и гармоний... Только в Небе, где царит абсолютная Идея, возможна полная свобода от тех оков, которые на Земле человек наложил и на себя самого, и на свое творчество. Однако существование идеи вне формы в мире людей немыслимо, и осознание этого мучительно для Бойто.

Стихотворение, написанное в самом начале 1863 года, почти целый год ходило в печатных списках в артистических и литературных кругах Милана, поскольку ни одно из периодических изданий опубликовать его не решалось. В журнале *Il museo di famiglia* («Семейный музей») за 9 августа 1863 года появились лишь две последние строфы из него. Полностью стихотворение было опубликовано 18 февраля следующего года в газете «Фигаро». Однако и после этого Бойто продолжал работу над стихотворением, внося в него различные изменения. В своем окончательном виде оно было напечатано в авторском сборнике «Книга

стихов», изданном в 1877 году. Предлагаемый перевод, полностью воспроизводящий строфику и систему рифмовки оригинала, является первым переводом стихотворения Бойто на русский язык.

Перевод с итальянского Андрея Сапелкина

ДУАЛИЗМ

Я свет и тень; я бабочка
Иль червь, в пыли рожденный;
Я падший ангел, по миру
Скитаться обреченный;
Иль демон чернокрылый,
Что, напрягая силы,
Взывает к небесам.

Вот отчего я исподволь
Глубинным подсознаньем
Насмешку слышу ангела
Над собственным страданьем,
Иль как с мольбой покорной
Изгнаник-демон черный
Взывает к Богу сам.

Вот отчего звучание
Двух песен так мне сладко,
А от двух плачей на сердце
Озноб и лихорадка.
Вот отчего то милой
Бывает, то унылой
Улыбка уст моих.

Вот отчего мятущийся
Рой мыслей самых разных:
То сумрачных, то радужных,
То скромных, то развязных.
Вот отчего так живо

Меняет прихотливо
Размер мой быстрый стих.

О, гения могучего
Эфирные творенья!
Не химика ль безумного
Мы просто порожденья?
Не из огня ль и грязи,
Ища разнообразий,
Нас создал темный Бог?

И нас на Землю бросивши,
К ней приковав цепями,
Теперь он забавляется,
Следя с небес за нами,
Чтоб, утомясь забавой,
Однажды пяткой правой
Нас раздавить, как блох.

И мы живем, в неведеньи
Счастливом пребывая
И, как на четках косточки,
Года перебирая;
За каждою костяшкой
Дни жизни скрыты тяжкой,
Где радость – только миг.

И вот, когда я демоном
Прощенным в небе рею
И перед Божьим промыслом
Душой благоговею,
То свет веселый рая,
Чело мне озаряя,
Мой просветляет лик.

Воображенье – ласточкой
Кружит в небесной сини,
Воображенье – белкою

Мелькает в кронах пиний,
Оно, как та плутовка,
Что струны сердца ловко
Умеет задевать;

Оно мне улыбается
В дни грусти и печали,
И с ним душа уносится
К стихам и песням – в дали,
Потом с высот паренья
Стремглав – во вдохновенья
Клокочущую падь.

Но мир Искусства вечного –
Не горние ли сферы,
Там, где ему не ведомы
Ни формы, ни размеры?
Вот идеал – к нему я
Стремлюсь, о нем тоскуя,
Но не найду пути.

Но если неожиданно
Проснется ангел черный,
Святые сны развеются
Пред бездною тлетворной;
Миражем ослепленный,
Стою я потрясенный
И не могу уйти.

И вижу в грезах призрачных
Волшебницу Цирцею
Со сворой диких хищников,
Привороженных ею.
И я Небес надменность
Хулю, и дерзновенность
Моя меня пьянит.

И об искусстве низменном
Я грежу то и дело,
О правде той, что Истину
Опровергает смело;
И, раб ее призыва,
От уст моих глумливо
Крамольный стих летит.

Все это жизнь!.. Как сладостны
Нам жизни глупой путы,
То долгой, как столетия,
То краткой, как минуты,
И в ней мы выбираем
Меж адом и меж раем,
В чем вечный наш излом.

Циркач, что на натянутом
Канате пляшет ловко
Для черни, тайно жаждущей,
Чтоб лопнула веревка, –
Вот человек: на грани
Двух чувств и двух желаний,
В борьбе добра со злом.

1863 год

Николай Переяслов,

Лауреат Большой литературной премии России 2006 года,

Победитель конкурса Совета муфтиев России

«Пророк Мухаммад – милость для миров – 2010»

Мотивы современной грузинской поэзии

От переводчика:

Те, кто однажды впервые будут читать поэму великого Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (а ведь есть на Земле счастливчики, которым ещё только предстоит открыть для себя

это бессмертное творение!), наверняка обратят внимание на то, как много слёз проливают по ходу развития сюжета герои этого удивительного произведения. И это относится не только к персонажам женского пола, для которых слёзы представляют собой естественную реакцию на любые переживания, но и к героям-мужчинам – в поэме то и дело рыдают богатыри, проливая себе на грудь потоки слёз, сопоставимые с бурлящими водами рек Куры и Арагви!..

Однако льющиеся из мужских глаз слёзы ни в коем случае нельзя рассматривать, как признак их слабости, – какая уж там слабость, если каждый из героев может в одиночку свернуть шею свирепому лесному зверю или расшвырять, словно детские игрушки, целое неприятельское войско! Струящиеся по страницам поэмы великого Шота потоки слёз – это свидетельство невероятной чувствительности его героев, можно даже сказать – *гиперчувствительности*, заставляющей их сердца сжиматься от боли при одном только упоминании имени любимой, а если воспоминание о ней сопряжено ещё и с какой-нибудь негативной информацией вроде насильственной разлуки, неизлечимой болезни или трагической смерти, то льющимся слезам тогда вообще нет остановки, потому что сердце настоящего грузина, хоть он и вырастает среди гор и камней, отнюдь не каменное. Оно, точно подносимый желанному гостю рог с вином, до краёв полно любви, сострадания и боли и потому, несмотря на продемонстрированные за столетия всему миру героизм и мужество, не может воспринимать без слёз ни своё, ни чужое несчастье.

Какие бы политические ветры не свистели сегодня над горами и долинами Грузии, какая бы жестокая реальность не вторгалась в дома, судьбы и души грузинского народа, он и сегодня имеет в груди такое же большое и чувствительное сердце, какое мы видим у героев гениальной поэмы Руставели о странствующем витязе Тариэле. Сегодняшние продолжатели дела Николая Бараташвили, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Паоло Яшвили, Галактиона Табидзе и других прославленных мастеров поэтического слова Грузии блистательно демонстрируют в своих стихах эту высочайшую отзывчивость на все боли и нужды нашего необъятного мира и своей маленькой, но прекрасной родины. Стихи Маквалы Гонашвили, Багатера Арабули, Автандила Курашвили и

Давида Тедорадзе воссоздают в сознании читателя полную чудес и красот страну, сам воздух которой веками был наполнен поэзией, и, с детства дыша этим удивительным воздухом, каждый грузин был хотя бы немножечко поэтом – если не в своём творчестве, так в делах, речах, поступках и восприятии окружающего мира.

К сожалению, беспощадно жёсткая (а порою и откровенно жестокая) реальность последних десятилетий настолько вытесняет собой из окружающей жизни любые проявления духовности и душевности, что витавшая ещё вчера над улицами грузинских городов и сёл поэзия кажется сегодня уже чем-то нереальным и призрачным, сродни затерявшимся в памяти тысячелетий сказкам и преданиям. Жить с открытым для болей мира сердцем сегодня в тысячи раз труднее, чем двадцать или тридцать лет назад, когда мы воспринимали друг друга как членов одной семьи и без малейших сомнений впускали в свой дом и в своё сердце представителя любого народа. Сегодня всё изменилось, и подобная доверчивость встречает у многих непонимание и настороженность, откровенно пугая собой обывателей, уже привыкших за годы царящего вокруг нас раздражая видеть в каждом встречном чужака и носителя агрессии. И, если раньше хлебосольство и радущие почиталось за одну из основных черт грузинского национального характера, равнозначную рыцарской доблести и героизму, то сегодня за эти же качества уже могут назвать сумасшедшим и прервать остракизму. Об этом с болью пишет в своих стихах замечательная поэтесса Маквала Гонашвили, с хирургической точностью вскрывая угрожающую национальному менталитету опухоль бездуховности:

Добро – не прощают. Ну кто же простит тебе то,
что ты можешь щедро делиться деньгами, мечтами,
не ведаешь злобы, душа твоя пахнет цветами
и запах фиалки в тебе вызывает восторг?
Ну кто же простит тебе то, что на боль и на зло
ты всем отвечаешь прощением, а не проклятьем,
что, словно земля, принимаешь любого в объятья
и от беспроблемной судьбы отказалась без слов?..

Нет, поэзия сегодняшней Грузии не стала сухой и безвкусной, не утратила присущей для неё красоты и красочности, она по-прежнему щедра на изобразительный ряд, наполнена звуком и цветом, дышит истинным дружелюбием и любовью. Она и сегодня так же богата эпитетами, метафорами и художественными образами, как хлебосольный грузинский стол вином и угощениями, но за последние два десятилетия в неё вошло очень много избыточной боли, накладывающей свой горький оттенок на каждую описываемую поэтом картину и придающей полынnyй привкус каждому светлому и радостному чувству. Однако поэзия всё же не ушла из жизни окончательно, не покинула душу грузинского народа, хотя его песни и звучат сегодня всё реже и всё печальнее. Поэзия, словно старая народная сказка в стихотворении Автандила Курашвили «Возвращение грузинской сказки», всё-таки время от времени приходит в мир по древней дороге из тех далей, где зарождался когда-то народ Грузии, чтобы будить людей от охватившего их духовного сна, как пробуждает землю от зимней спячки тёплый апрель, и чтобы звучать в буднях народа, как звучит в оживающем под лучами весеннего солнца поле свирель молодого пастуха:

Та древняя сказка проста и груба,
на горной дороге скрипит, как арба,
промочена ливнями, как из ведра,
на хлеб и вино для голодных щедра...

До тех пор, пока в душе грузинского народа будет оставаться эта щедрость, он преодолеет любые трудности и пересилит любые смущающие его сердце соблазны. А сохранить это свойство народной души способна именно его культура, максимально выраженная в стихах национальных поэтов, которые российскому читателю сегодня, по сути, предстоит открывать для себя заново. Пусть же это открытие не просто подарит ему радость со-прикосновения с настоящей поэзией, но и станет новым шагом в понимании нами друг друга и сближении наших исторически тяготеющих друг к другу братских народов.

Автандил Курашвили

Перевод с грузинского Николая Переяслова

*****

Дождь струится по крыщам, как пряди волос – по плечам,
навевая тоску о тебе и любви нашей давней.
Песня юности сплета. Судьбы догорает свеча.
Но я снова жду встречи с тобой – тем милей, чем нежданней.

С кем ты делишь тепло? Где летает твой голос, звения?
На кого сейчас смотрят твои родниковые очи?
Мне б доподлинно знать, что хоть миг ты любила меня!..
Ну, а я и сейчас – жгу в мечтах о тебе свои ночи.

Что сказать мне тебе? Чем тебя оградить от тревог?
Я лишь в снах тебя вижу – за миг до начала рассвета.
Эти сны о тебе – как подарки, что дарит мне Бог,
только в них и ютится безумное сердце поэта.

Если мучает тьма – я на лунной карете промчусь
и созвездья зажгу, чтобы ночь лучезарнее стала.
В моём прошлом так много зияющих ранами чувств,
но душа – до сих пор ни прощать, ни мечтать не устала...

*****

Азевинар Хоперия

И снова во сне я ругался с невидимым Богом,
Его укоряя за то, что ни разу за жизнь
Он мне не помог даже словом, не крикнул: «Держись!..»
Ведь я же не Иов – терпеть всё в смирении строгом!

Ничто из того, что я в сердце носил, не свершилось,
и я не сумел ничего тебе, милая, дать.
Зачем же я верил всё время в Господнюю милость,
коль Бог нам даёт только право скорбеть и рыдать?

Мой путь завершается. Вот уж – и лестница в небо.
Вот молния взрезала ночь, словно скальпель – живот.
Где море плескалось – там коркой засохшего хлеба
горбатится дно, глядя в гнутий, как рог, небосвод.

Ну что ж! В этот мир – я пришёл не по собственной воле.
Ну что ж! Против воли – теперь и исчезну во мгле.
Я Богу – прощаю избыток страданий и боли
за то лишь, что рядом – была со мной *ты* на земле...

*****

Это было вчера...
Я проснулся от гула в крови...
Ты мне только что снилась – неслась на коне через поле...
Если ты хоть на миг загрустиши обо мне – позови,
я вернусь в наше детство, где нет ни обиды, ни боли.

Даже если б хотел – мне забыть твои губы невмочь,
вижу я до сих пор, как ты шепчешь моления фразы.
Твои чёрные волосы – как непроглядная ночь,
твои жгучие слёзы – горят на щеках, как алмазы.

Сбив все ноги в пути, я себя заклинаю: «Живи!»
Ради встречи с тобой я пройду сто границ запрещённых.
Если ты хоть на миг загрустиши обо мне – позови,
я примчусь и на грудь упаду, как цветок, восхищённый...

Да именно за то...

Илье Чавчавадзе

*****

Ты был поэт. Ты шёл всё выше, выше...
И тут – убийца поднял пистолет.
«За что?» – спросил ты. И в ответ услышал:
«Да именно за то, что ты – поэт!»

«Да именно за то, что ты с любовью
о Грузии поёшь в тяжёлый час;
что не испачкал рук чужою кровью
и этим самым – раздражаешь нас.

Да именно за то, что, словно почта,
твои стихи летят сквозь толщу лет.
Да именно... Да именно за то, что...
Да именно за то, что ты – поэт!..»

...Как злой дракон, дыша огня фонтаном,
век над землёю крылья распластал.
Не враг далёкий из-за океана,
свой брат – грузин! – твоим убийцей стал.

За то, что ты всё время был с народом,
за то, что говорил иудам: «Нет»,
за то, что ты не слился с прочим сбродом...
Да именно за то, что ты – поэт,
тебя искала в мире эта пуля,
томясь до срока в пистолетном дуле.

*****

Я всё забыл. Мне стало всё едино,
что было в прошлом. Память – сожжена.
Лишь помню тонкий стан твой лебединый,
моя любовь, подруга и жена.

Жизнь тяжела, точно багаж с поклажей;
судьба порою режет без ножа –
то в узел вяжет, то валяет в саже...
А ты всегда – свежа и хороша.

Ты всё прекрасней с каждой весною,
всё ярче в сердце образ твой простой.
Так краски фресок – дышат новизною
и сквозь века плениют красотой...

Возвращение грузинской сказки

Из далей, где наш зарождался народ,
грузинская сказка к нам в гости идёт –
по полю, когда мы выходим пахать,
в застолье, где сладко душой отдохать.

Она виноградною вьётся лозой,
в полях кукурузных сверкает росой.
Какой бы в скрижалях ни значился год,
она к нам сквозь дали идёт и идёт.

Та сказка нас будит, как землю апрель,
звучит в наших буднях, как в поле свирель,
наш быт веселит и зовёт в облака,
она возвращается к нам сквозь века.

Та древняя сказка проста и груба,
на горной дороге скрипит, как арба,
промочена ливнями, как из ведра,
на хлеб и вино для голодных щедра...

*****

От лицемеров мне признания не надо!
Мне не нужна от них ни слава, ни награда.
Мне наплевать на их овации фальшивые.
Что похвала и что хула у них – всё лживое...

Моей душе теперь – всё ближе небеса,
что полнят светом моё сердце и глаза.

Взгляни на солнце, что восходит в час рассвета –
как самому не засиять для всей планеты?
Нет ничего прекрасней гор моих окрест,
пока дышу – мне их краса не надоест...

Непостижимая

Из хмурых будней выбегая прочь,
я с раздраженьем думаю: «О, Боже!..»
А ты мне в праздник превращаешь ночь
на лунном ложе.

Не льют дожди, мне размывая путь,
не воет ветер в поле своевольно.
Лишь дни, как камни, целят в мою грудь,
а мне – не больно.

Как слово, что живёт в веках, звеня,
или как лампа медная для джина,
так ты всю жизнь, родная, для меня –
непостижима...

Давид Тедорадзе

Весна

Сошли снега ручьями в море,
как вдовья красота от горя,
но полнят землю белизной
сады, цветущие весной.

Гремят от счастья птичий хоры,
сияют праздничные горы,
бурлит в деревьях жизни сок...
Зимы зловещей кончен срок!

Там, где цветы благоухают, –
цветные бабочки порхают,
стрекозы вьются у воды
на крыльях, будто из слюды.

Земля надела плат зелёный,
поющей жизнью населённый.

И, ощущая солнца жар,
спешит пчела собрать нектар.

Мир, что всю зиму был раздетым,
май нарядил весёлым цветом,
шумит листва, растёт трава
и в песню просятся слова...

*****

Батумский снег живёт лишь час – и тает.
Так бабочка – лишь день всего летает,
являя всем недолгий свой успех...
Но как же я люблю батумский снег!

Пусть дождь приходит с гор и льётся в сад,
я ожидаю только снегопад.
Я ввысь гляжу – где сбились тучи в груды,
как будто кто-то обещал мне чудо.

Как Божью милость, я тот миг приемлю,
когда снежок собой покроет землю.
О, как светло тогда в моём саду!
Снег осветлит мою печаль-беду.

SOS!

Тоска сжимает душу мне,
обида сердце гложет –
недуг гуляет по стране,
грехи народа множит.

Петляет совесть, точно уж,
цинизм топорщит перья,
уходит искренность из душ,
нет ни к кому доверья.

Сегодня только о себе
всяк думает и помнит.
А если боль в чужой судьбе –
то никого не тронет.

Что с нами стало, кто поймёт?
Всё так же солнце всходит.
Но всё сильней из года в год
тот злой недуг в народе.

Прорвёт ли тучи яркий свет,
развеяя мрак обиды,
и мы сквозь ворох личных бед
беду страны увидим?

Пред нами – чуждая стезя,
где нет друзей и Бога.
По ней нам следовать – нельзя,
нас ждёт *своя* дорога...

Маквала Гонашвили

Далекие пути

Зере Романадзе

Добро – не прощают. Ну кто же простит тебе то,
что ты можешь щедро делиться деньгами, мечтами,
не ведаешь злобы, душа твоя пахнет цветами
и запах фиалки в тебе вызывает восторг?
Ну кто же простит тебе то, что на боль и на зло
ты всем отвечаешь прощением, а не проклятьем,
что, словно земля, принимаешь любого в объятья,
и от беспроблемной судьбы отказалась без слов?
Так чудное дерево возле дороги растёт,
и все, кто устали в пути, в его тень забредают,
чтоб персик сорвать (а порою и ветки ломают,
когда высоко от земли им понравится плод).

а ты только шепчешь с улыбкой мечтательной: «Мне бы взлететь хоть однажды на крыльях в прозрачное небо...»
Но, чтобы взлететь – надо прежде, хоть раз, но упасть!
Ты так терпелива. Ночами, слагая стихи,
не просишь себе у Творца ни признанья, ни славы.
Стекают с пера на тетрадь золотые октавы,
пока за окном тишину не взорвут петухи...
Талант – не прощают. Ну, кто же простит тебе то,
что ты, клеветы не боясь, смотришь чисто и свято?..

...Пока ты не дашь себе быть, как Спаситель, распятой,
на этой планете – тебя не признает никто.

Евгений Фельдман,
*Лауреат Бунинской премии 2010 года
в номинации Поэтический перевод»*

Уильям Гамильтон Рид (1760? – 1826)

Сочинение стихов на кончину национального поэта Шотландии Роберта Бернса стало в шотландской поэзии чем-то вроде своеобразного поэтического жанра. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в антологию “Round Burns’ grave: the paean and dirges of many bards” (1891), которую легко найти в Интернете. Стихи на смерть Бернса писали такие выдающиеся поэты, как Уильям Вордсворт, Томас Кемпбелл и Генри Лонгфелло. Писали также и многочисленные поэты, имена которых полузабыты или забыты вовсе даже у них на родине, в Шотландии. Жаль: стихи – талантливые. С двумя произведениями такого рода мы хотим Вас познакомить.

Автор «Элегии в память о мистере Роберте Бернсе, прославленном шотландском поэте» – Уильям Гамильтон Рид (1760? – 1826), о котором известно, что он занимался переводом иностранной литературы и был автором многочисленных произведений в стихах и в прозе. Написал «Краткую историю Ганновера» (вышла в свет в 1813 г.) и «Воспоминания о публичной и частной жизни Наполеона Бонапарта» (2 тома; вышли в свет в 1827 г.). Родители – слуги, проживавшие в поместье герцога Гамильтона, оплатившего начальное обучение Рида в приходской школе. Был

отдан в ученики к скобовщику; много занимался самообразованием, сочинял стихи, писал для литературных журналов. Билби Портес, епископ Лондонский с 1787 по 1809 гг., желая помочь талантливому простолюдину, предложил ему посвящение в духовный сан и место священника, но Рид отказался. Уильям Гамильтон Рид неоднократно получал помощь от Королевского литературного фонда (основан в 1790 г.).

Перевод с английского Евгения Фельдмана

Элегия в память о мистере Роберте Бернсе, прославленном шотландском поэте

Я ночью шёл под бледною луной,
Судьбину поминая с укоризной,
Затем что долго связан был с одной
Красавицей жестокой и капризной.
И женщину на сретенье тропин
Я повстречал. Она была в печали;
Увядшие все дружно, как один,
Ей листья лавра голову венчали.

Она сказала: «Думаешь о ней?
А рядом, друг, – страна от горя гнётся:
Ушёл Поэт, отрада наших дней,
Ушёл Поэт – и больше не вернётся!
Зовусь я КОЙЛА, БЕРНС – его зовут.
Был у него особый дар чудесный:
При мне он зажигался, точно трут,
От самой малой искорки небесной!

И вдоль ручьёв бродили часто мы,
И радовались, большего не чая,
Взбираясь на высокие холмы
И на вершинах новый день встречая.
С печальной Мельпоменой он дружил, –
Ведь трагики – в чести у Мельпомены, –
А Талию он тем приворожил,
Что создавал комические сцены.

Не он ли шёл по утренней росе,
Будя струну для будущей кантаты?
Не у него ль пылали чувства все,
Фантазией божественной объяты?
И не его ль ценила даже глушь,
Знакома с ним отнюдь не понаслышке?
И не о нём ли плачет зрелый муж?
И не о нём ли слёзы лют мальчишки?

У Дуна, Эйра, Ирвина ручьи
От устьев до истоков нынче в пене:
Наяды в них рыдают – и свои
Луне возносят жалобные пени.
Я этот хор сегодня поддержу,
Поплачу горько, рощице доверясь,
Перед лужайкой чувства обнажу
И не впаду в языческую ересь!

Я ухожу! – воскликнула она, –
С легендой о великом человеке.
Скончался он, и вздрогнула страна:
В ней волшебство закончилось навеки!»
И боль, что я читал в её глазах,
Ни у кого не наблюдал я ране.
И полетела в небо, вся в слезах,
И растворилась в утреннем тумане...

American Universal Magazine 1 (20 March 1797)

Монодия на смерть Роберта Бернса¹

1.

Приди на помощь, Мельпомена!
Сказать хочу проникновенно:

¹ Автор «Монодии на смерть Роберта Бернса» достоверно не установлен, но выдающийся исследователь творчества Бернса Росс Рой (G. Ross Roy) считает, что «Монодию» создал шотландский поэт Роберт Лохор (Robert Lochore, 1762–1852). (прим. переводчика).

Потеря – необыкновенна!
И дик, и злобен,
Нагрянул рок – и во Вселенной
Угаснул Робин!

2.

Когда, музыки сыновья,
Родят шотландские края
Такого ж? – спрашиваю я.
Ах, бесподобен,
Теперь – за гранью бытия
Великий Робин!

3.

И баре, и простолюдины, –
Сегодня в горе все едины.
Горянки, девушки с равнины,
Холмы и реки
Скорбят о Бернсе: он отныне
Умолк навеки!

4.

Он пел, природой вдохновлённый,
Он пел о ней, вечнозелёной.
Душе, от жизни утомлённой,
Благое зелье
Давал поэт неугомонный –
Своё веселье.

5.

Когда стихал Борей шальной,
Весной – сохой и бороной
Ворочал Бард страны родной,
И, ночь встречая,
Писал, – в Поэзии одной
Души не чая!

6.

И не давал он сплошь да рядом
Покоя лицемерным гадам.
Пусть церковь помогала чадам
Своим елейным,
Наш Рэб насмешки сыпал градом
По чадам змейным.

7.

«Телец» и «Рукоположенье»,
«Святая ярмарка», – есть мненье:
Что ни творенье, то глумленье
Над верой истинной.
(Здесь истина, – в том нет сомненья, –
Стაёт расхристанной!).

8.

«Святая ярмарка», к примеру,
Понравиться лишь изуверу
Не может, – но святую веру
Ужель Поэт
Здесь оскорбил, о леди, сэры? –
Нет, нет и нет!

9.

Нет, веру он не унижал.
Он веру крепко уважал.
И пусть он славы не стяжал
Попа, святоши,
Меж тех, кто Рэба окружал,
Бывали плоше.

10.

Не сочинил ни строчки вздорной
Он против веры. Труд упорный
И тяжкий часто был, и чёрный,
Но дух – не чёрен:

Им отторгался плевел сорный
От здравых зёрен.

11.

Поэты наши, сколь ни прытки
И сколь, сгорая от завидки,
Тетради портить в преизбытке
Ни преуспели,
А всё ж о горной маргаритке
Как Рэб, не спели!

12.

Наш Бернс настолько знаменит,
Что Темза высохнет и Твид,
И целый мир изменит вид
В потоках лавы,
Покуда Время затемнит
Сиянье Славы.

13.

Силёнок слабых не жалея,
Тягались с Рэбом дуралеи.
Стократ им было б тяжелее,
Но волей рока
Наш Рэб в иные эмпирии
Ушёл до срока.

14.

Парнасских байстрюков писучих
Читаем мы в слезах горючих,
Но сколько Бернса строк могучих
До публикации
Слились, как лучшие из лучших,
С душою нации!

15.

Да, стих бунтарский, стих не кроткий,
К душе находит путь короткий.

А есть стихи с другой походкой:
Пугая хилостью,
Они, что чахлые сиротки,
Бредут за милостью.

16.

Как много он бы совершил,
Когда б не смерть в расцвете сил!
Проклятье тем, кто не лечил
Его в прорухе!
Проклятье тем, кто приучил
Его к сивухе!

17.

Как жаль, что он оставил плуг
И был допущен в чуждый круг.
Стихи, казалось, без потуг
Лились, как реки,
Сияло солнышко, — и вдруг
Закат навеки!

18.

Но пусть проклятая чернуха,
Что пересказывают глухо,
Не оскорбляет больше слуха
Ни нам, ни детям, —
Он славен будет, гений духа,
Совсем не этим!

19.

Для нас он был светлее Феба:
Он освещал собою небо,
Шотландский дух взыскал в нём хлеба,
И зла особенно.
Нам весть о том, что нету Рэба, —
Нет больше Робина!

20.
Се – Аллан Рамзи, Фергюссон.
Они вкушают вечный сон.
Но муки до конца времён
Продлит сердечные,
В ком дух шотландский воплощён
На веки вечные!

Ольга Стельмак

Single-poem Success

(из архива одного стихотворения)

Успех одного стихотворения! Есть авторы, которые волею пророчества, стали известны и любимы, благодаря одному единственному стихотворению. История знает немало примеров путаницы в отношении авторства того или иного произведения, достаточно вспомнить все перепетии в отношении авторства драматического наследия Уильяма Шекспира! Нередко это случается даже при жизни создателя произведения. Порой мнимое авторство, скорее не по злому умыслу, а по недоразумению, приписывается человеку известному своей общественной или литературной деятельностью и читатели неохотно верят когда, наконец, обнаруживается подлинный, далеко не столь именитый, автор уже ставшего популярным, благодаря, в том числе, и магии прославленного имени, произведения.

Такова судьба одного из очень известных и любимых не только американской публикой стихотворений *There Is No Death* Джона Лаки МакКрири (1835–1906). Оно многократно печаталось и перепечатывалось как в периодике, так и в различных антологиях и в Америке, и в других англоязычных странах. Автору этих строк данное стихотворение попалось на глаза в одном из весьма уважаемых поэтических сборников, название которого говорит само за себя *The Best Loved Poems of the American People*¹. Поэтические произведения, вошедшие в эту книгу, отбирались

¹ *The Best-Loved Poems of the American People*. Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York, 1936, 670 p.

Хейзелом Феллеманом, который в течение 15 лет работал редактором рубрики «Вопросы и ответы» в книжном обозрении газеты «Нью Йорк Таймс». В предисловии к изданию Феллеман пишет о том, что идея создания данного сборника возникла не случайно. Ежедневно он получал огромное количество писем от читателей со всех концов Америки с просьбой напечатать то или иное любимое стихотворение. Так, редактор доподлинно узнал предпочтения американских читателей.

Поиски информации об авторе стихотворения *There Is No Death* («Смерти нет») привели нас к сохранившейся в американской периодической печати статье¹ за 1898 год, которая проливает свет на цепь хитросплетений и обстоятельств, приведших к ошибочному мнению в отношении авторства этого поэтического произведения. Статья написана Мелом Р. Колквитом. Ниже приводится ее перевод.

*****

Несколько месяцев назад я увидел в «Конституции» в разделе «Ответы на вопросы корреспондентов» информацию относительно того, кто написал стихотворение «Смерти нет». В ответе авторство приписывалось, как обычно, Бульверу² – я говорю, как обычно, так как удивительно, что подобная ошибка все еще делается в нашем обществе. Поскольку я лично знаком с тем, кто написал это замечательное стихотворение, предлагаю решить этот вопрос раз и навсегда. Взрослые люди склонны к логике и им, так же, как и детям, требуется наглядное подтверждение сказанного, поэтому вместе с этими строками я отправляю и фотографию мистера Дж. Л. МакКири из штата Айова, поэта, автора дискутируемого стихотворения и сборника стихов под названием «Песни тяжкого труда и триумфа». Мистер МакКири работал служащим в течение нескольких лет в управлении помощника генерального прокурора министерства внутренних дел.

¹ «Лима Ньюз», штат Огайо, 14 мая 1898 г. <http://yesteryearnews.files.wordpress.com/2011/03/jl-mccreery-no-death-poem-lima-news-14-may-1898.jpg>

² Эдвард Бульвер-Литтон, 1-й барон Литтон (англ. Edward George Earle Lytton Bulwer-Lytton, 1st Baron Lytton, 1803–1873) – английский писатель, видный деятель либеральной, затем консервативной партии. В 1858 – министр колоний, с 1866 – член палаты лордов.

Его собственный рассказ об этом стихотворении и многих спорах, возникших вокруг него, в восхитительно простой и забавной манере опубликован в «Анналах Айовы», ежеквартальном издании исторического департамента в октябре 1863 года. МакКрири с подкупающей искренностью рассказал о том, как он самокритично, строфа за строфой работал над стихотворением, как шлифовал каждое слово, добиваясь совершенства формы и содержания. Стихотворение было написано ранней весной 1863 года, когда мистер МакКрири жил в графстве Делавер, штат Айова. Оно было отослано в издание Arthur's Home Magazine, в Филадельфии и опубликовано в этом ежемесячном журнале в июле 1863 года (том 22, стр. 41).

Вскоре стихотворение было перепечатано в журнале The Delaware County Journal (владельцем которого был сам МакКрири) со ссылкой на журнал Arthur's Home Magazine. Корреспондент, который написал для чикагского периодического издания Farmer's Advocate статью «Безнравственность», заключил свое прозаическое сочинение строками из стихотворения МакКрири. Имя автора эссе – Юджин Бульмер, которым он и подписался в конце статьи под цитируемым стихотворением без всяких кавычек и ссылки на автора.

Друг мистера МакКрири сразу же написал редактору издания Farmer's Advocate и сообщил настоящее имя автора, но было уже слишком поздно. Газета Wisconsin Paper перепечатала стихотворение под именем Бульмера. Потом еще один редактор из Висконсина решил напечатать его, и, предполагая, что во время перепечатки произошла ошибка в фамилии автора, по недоразумению изменил букву «м» на «в» и приписал авторство лорду Эдварду Бульверу Литтону из Англии, который ничего не слышал и не знал об этом. Несколько лет назад журнал Lippincott в рубрике «Сто вопросов» поместил вопросы, касающиеся авторства наиболее обсуждаемых в то время стихотворений, и в июне 1889 года (стр. 918) было вынесено заключение, что автором стихотворения является мистер МакКрири».

Так, благодаря сэру Эдварду Бульверу-Литтону и по беспечности и незнанию газетчиков, мир познакомился с данным стихотворением, которое было приписано английской литературе. Имя Бульвера-Литтона сразу же сделало его общизвестным,

стихотворение быстро распространилось в списках по стране и из американских журналов позднее было перепечатано в Англии, Ирландии, Шотландии и, возможно, в других англоговорящих странах.

Стихотворение получило признание и стало появляться в школьных учебниках, поэтических сборниках. Все это время автор был свидетелем того, как его творение приписывалось Лорду Литтону. Когда появлялась такая возможность, мистер МакКрири ставил свое имя под стихотворением и, несмотря на недоверие публики, эти притязания пробуждали желание докопаться до истины.

В 1870 году издательство Harper & Brothers включило это стихотворение в одну из книг для школьного чтения, назвав при этом в качестве автора Бульвера-Литтона. Когда настоящий автор это обнаружил, он указал издателям на ошибку. Чтобы выяснить истину, последние написали письмо Оуэну Мередиту, сыну лорда Литтона, в котором поинтересовались, принадлежит ли данное стихотворение его отцу? В ответе содержалась информация о том, что отец не только не писал этого стихотворения, но, более того, ни он, ни члены его семьи ничего не слышали об этом.

Получив ответ на свое письмо, издатели Harper & Brothers, в свою очередь, написали мистеру МакКрири следующее:

«Сегодня было отправлено распоряжение заменить информацию в книге для школьного чтения и указать имя настоящего автора стихотворения «Смерти нет», мистера МакКрири. Я рад, что могу выплатить Вам причитающиеся деньги». Письмо датировано 10 октября 1874 года. С этого времени во всех заслуживающих доверия изданиях в качестве автора стихотворения указывался мистер МакКрири, но, тем не менее, в течение многих лет оно странствовало по свету под именем Э. Бульвера.

По поводу этого стихотворения мистер МакКрири рассказывал, что однажды зимой в начале 1863 года он возвращался домой верхом на лошади. Была ясная звездная ночь, ему пришла в голову идея стихотворения, и еще в пути мысленно сложилась первая строфа, которая вдохновила МакКрири на работу в свободное время в течение последующих недель, пока оно не было завершено. <...>. В 1883 году мистер МакКрири опубликовал новый сборник стихотворений, куда вошло и стихотворение «Смер-

ти нет», которое тем временем было сильно переработано. Автор внес так много изменений, что оно могло быть воспринято как другое стихотворение. В переделанном образце уже 16, а не 10 строф, как это было первоначально в оригинале.

Джон МакКрири родился в графстве Монро, штат Нью-Йорк, в последний день уходящего 1835 года. Его отец был бедным священником методистской церкви, заработка которого едва хватало для поддержания семьи, поэтому в раннем детстве поэт испытал немало трудностей и лишений. Свое образование он в большей степени черпал из книг, которые изучал, лежа на спине перед камином или в перерывах между занятиями.

На семнадцатом году жизни МакКрири переехал в Иллинойс, где, с одной стороны, ослабленное здоровье, а с другой распавший интерес к литературе заставили его взяться за перо. Он начал с изучения основ печатного дела, но, благодаря своему трудолюбию и способностям, быстро продвинулся по службе и вскоре занял пост заместителя редактора местной газеты. В возрасте 21 года он уехал в штат Айова, где начал работать в качестве редактора журнала Dubuque Times. Здесь он жил и работал в течение нескольких лет, а затем в 1878 году МакКрири перебрался в Вашингтон.

Джон Лаки МакКрири (1835 – 1906)

Перевод с английского Ольги Стельмак

Смерти нет

Смерти нет! На небосклоне
Звезды тают, чтоб опять
В бриллиантовой короне
С высоты небес сиять.

Смерти нет! Дерев листва
Вид окрестный оживляет,
И в расщелинах скала
Мошек голод утоляет.

Смерти нет! Дожди прольются,
И пылинки под ногами
Золотым зерном нальются,
Станут чудными цветами.

Смерти нет! Наступит время
Листьям снова облетать,
Но мечтать цветам и травам
О весне не перестать.

Смерти нет! Бесценный дар
Все земляне получают,
Потому что небеса
Нас к истокам возвращают.

То, что любим и лелеем,
Мы со временем теряем,
Но, пройдя сквозь боль и муки,
Радость снова обретаем.

Превращается в пустыню
Жизнь, но лучшие цветы
Будут вновь благоухать
В мире вечной красоты.

Звуки музыки чудесной,
Словно щебет райских птиц,
С хором ангелом сольются
В песне вне земных границ.

Смерти нет! Хоть так печально,
Что привычно любим – тает.
Из объятий наших нежных
Невозвратно исчезает.

И когда разбито сердце –
Путь наш трауром одет.

Предаем земле останки.
Говоря – любимых нет!

Но... они прошли неслышно
Сквозь незримые туманы,
В мир бессмертия вступив,
Что зовем обетованным,

Отряхнув свой прах земной,
Чтоб в одежды облачиться,
Но не с тем, чтоб нас оставить
И навеки распроститься.

Пусть мы близких отпустили,
Но они во всякий час,
Неотступно где-то рядом,
Помнят, думают о нас.

И когда сердца слабеют,
Поддаются искушенью,
Страсть иль горе у порога –
Нет надежд на избавленье,

Осенит – они нас любят,
Словно ангел за спиной,
От невзгод оберегают,
Мир даря и покой.

С нами рядом, но незримо –
Душ бессмертных тихий свет.
Во Вселенной, что без края,
Жизнь повсюду – Смерти нет!

1863 год

Сернуда Луис (1902 – 1963)

Испанский поэт. Принадлежал к т.н. «поколению 1927 года». С 1939 в эмиграции (Великобритания, Мексика, США). Сборники интеллектуальных стихов с элементами сюрреалистской образности «Очертания ветра» (1927), «Реальность и желание» (1936), «В ожидании зари» (1947). Книги лирической, проникнутой автобиографизмом прозы («Старик Окнос», 1942; «Вариации на мексиканскую тему», 1952). Переводы и исследования английской поэзии.

Перевод с испанского Михаила Финкеля

С тобой

Планета?
Планета – это ты.
Народ мой?
Народ мой – это ты.

И изгнанье, и погибель
Для меня лишь там, где только
Нет тебя.

А что жизнь мне?
Жизнь, ты скажи мне,
Что мне, если нет тебя?

Желание

По равнинному сентябрьскому покою
Тополиные желтеющие листья,
Как расколотые звездочки из выси,
Откружившись, разлетаются по полю.

Если б так же и душа помимо воли,
Бог созвездий и качающихся листьев,
Будто ярко в полутьме горящий призрак,
Через жизнь переходила к смертной доле.

Ощущение изгнания

То было прошлою весною,
Почти что год уж миновал,
В салоне – старый Темпл, Лондон, –
Со старой мебелью. Овал
Тех окон вдаль, за ветхость зданий,
Где луч реки меж трав серел,
Глядел. Все было серым, тяжким, –
Больных жемчужин свет горел.

Сеньоры пожилые и дамы лет преклонных,
Запыленные перья торчали в старых шляпках,
И по углам шуршанье их голосов журчащих,
А со столами рядом тюльпанов желтых тряпки,
Семейные портреты и чайники пустые.
А тень, что опадала,
Неся кошачьим духом,
Будила звуки кухонь.

Мужчина молчаливый
Сидел со мною рядом.
И пару раз я видел,
Как профиль его длинный,
Задумчивый всплывает, как тень над краем чашки,
Все с тем же утомлением,
С каким мертвец вернулся б
Из темноты могилы на празднество земное.

И с чьих-то губ бездумных,
Из тех уголов шуршащих,
Где старики шипели,
Густое, как слезинка,
Одно сорвалось слово нежданное: Испанья.
Усталость без названья
В моем мозгу кружилась.
Потом огни погасли, и мы ушли оттуда.

По множеству ступенек, почти впотьмах ступая,
На улицу я вышел,
И, повернувшись, снова
Со мной увидел рядом мужчину из салона,
Что бормотал невнятно
С акцентом иностранным,
Ребяческим акцентом, но тоном одряхлевшим.

Он ковылял за мною,
Как будто груз незримый
Влачил он одиноко плиты своей надгробной.
Но вдруг остановился.
«Испания? – воскликнул. – Одно название только.
Испания погибла».
На уличке был поворот внезапный.
Я видел, как в тени он скинул влажной.

Чарующий мир мальтийской поэзии

Мальтийская поэзия представлена в переводах лауреатов Большой премии Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук 2001 года – Ирины Ковалевой, Ивана Белокрылова и Леонида Володарского.

Петрус Каксаро (? – 1485)

Это первые из дошедших до нас стихов на мальтийском языке. Рукопись обнаружена в 1966 году Годфри Веттингером и Микаелем Фсадни в I томе нотариальных дел, принадлежавших потомку автора (умершего в 1485 г.) – Брэндану де Каксаро, среди контрактов, датируемых 1533–1536 г. Известно, что Петрус Каксаро был юристом.

Перевод с мальтийского Ирины Ковалевой

Кантилена

О моих злоключеньях представлю соседям отчёт.
Ничего не скрывая, размеренно речь потечёт,

Чтобы детям своим рассказали, когда я умру,
Как мятежное сердце моё обратилось к добру,
Как в груди обрывалось и падало в бездну оно
И моря сожалений меня увлекали на дно.

Дом, который я строил из камня на все времена,
Пошатнулся и рухнул, щебёнкою стала стена.
Не в работниках дело – они потрудились сполна:
Виновата лишь глина, раскисшая глина одна.

Дом, построенный мной на века, поскользнулся на ней,
И разрушил его рыхлый оползень прожитых дней.
Затвердела на солнце, прикинулась камнем она.
Дождь прошёл – под ногами лишь скользкая глина одна.
Ни угла не осталось от дома, ни стен, ни окна –
Вся наивность моя на подобном примере видна.
Эту зыбкую почву давно я оставить хотел:
Изменяющий адрес тем самым меняет удел.
Цвет земли разнороден – он чёрен, и красен, и бел.
Ожидает удача того, кто на белой осел.

Джордж Пизани (?)

Джгантия на Гозо

Мальтийской ночи лунный свет –
Дар лета с привкусом весны,
Но в тишине покоя нет.
Джгантия спит и видит сны.

Сны о лачугах за стеной,
Что как подобие щита.
Внутрь тени тёплою волной
Вплываю за четой чета.

В молчанье наполняют храм
Давно ушедшие во прах

И застывают по углам –
На бледных лицах скорбь и страх.

Как ропот листьев поутру,
Их горький щёпот вслед шагам,
Готовых дочь или сестру
В обмен на хлеб отдать богам.

Их стон хранит немая твердь.
Их слёз не осушить векам.
Страшна от истощенья смерть
И молодым, и старикам.

Но словно ей одной испуг
Неведом, не роняя слёз,
Красавица выходит в круг
В короне золотых волос.

Не шелест, а живая речь,
Богам жестоким укорот.
«О, я готова в землю лечь,
Чтоб только выжил мой народ!»

Бил барабан, курился дым,
Звук смертных песен рос, как ствол.
Нож с телом встретился тугим,
И кровью обагрился пол.

И всё преобразилось тут
В обход сезонной череды:
Колосья на полях растут,
В домах полным-полно еды.

О храброй деве при луне
Всё лето напролёт с весны
В тысячелетней тишине
Джгантия спит и видит сны.

Ружар Бриффа (1906 –1963)

Представитель романтического направления в мальтийской литературе, продолжал лучшие традиции английской и итальянской поэзии. Его кумирами были Шекспир и Данте. Сочетал творчество с занятиями медициной. Специализировался в дермато-венерологии в Лондоне, практиковал в Тунисе, Катании, Сиракузах, Палермо.

*****

Скорбящая в застенке закопчённом,
В тюремных камер каменной тиши,
Побудь со мной – забытым заключённым –
И состраданья сердце не лиши!

Сдавили думы грудь мою, как плиты,
Я лабиринт из них воздвиг в глухи.
Отлучена от солнечной орбиты
Планета водворённой в ад души.

Преступникам – и тем бывала рада,
Отверженных не отвергала ты,
Под стражей умозрительного ада
Вплетавших мысли в кокон темноты.

Мадонна Скорби и – в обход запрета –
Любви сверх мер, сжигающей мосты,
Не отвергай же и души поэта,
Что сеет свет сквозь сито темноты.

Виктор ФЕНЕК (р. в 1935 г.)

Поиск

ДОРОГАЯ, не жди меня этим вечером,
этот вечер я хочу провести в одиночестве.
Я хочу прогуляться дорогой исканий.
Я хочу открыть себя заново...

Стать тем, кто я есть,
а не тем, в кого меня превратили
люди и обстоятельства.

Оливер Фриджиери (род. в 1947 г.)

Профессор Мальтийской литературы в Университете Мальты. Автор книг и исследований, переведенных на многие языки, известный мальтийский интеллектуал.

Перевод с мальтийского Ивана Белокрылова

Мы – бурлящие воды

История наша когда-то прервётся,
Подобно бурлящей воде у запруды,
Подобно камням, что себя размололи, сорвавшись,
Подобно часов затихающим звукам.

Когда на дома наши спустится сумрак,
То дети нас спросят, что нынче случилось.
Не зная ответа, мы путь свой изменим,
И дважды родившийся гимн будет с нами:
«Мы – бурные воды, что пить невозможно,
Их волны таят смертоносные соли.

Мы – камни от древних святилищ, что боги,
Отчаясь, вокруг разнесли с отвращеньем
В войне меж собою. Мы – маятник тот,
Чья энергия вдруг до ноля истощилась».

Марио Аццопарди (род. в 1944 г.)

Решетка

Отсюда с возвышения скалы
Видна кровавая заплата –
Отметина погибшей в стремленье к морю.

Через решетку я следил
За женщиной голой, как вода,
С душой, как рай,
В котором нет нужды,
За той, что всей моей любви
Предпочитала одиночество...

Возможно, кто-нибудь сочтет заплату
Недоразуменьем моря...
К решетке
По обнаженной женщине
Струится вверх, как виноградная лоза,
Дорожка муравьев...

Адриан Грима (род. в 1968 г.)

Перевод с мальтийского Леонида Володарского

*****

Быть может, вечером сегодня,
сегодня, если ты захочешь,
сидеть мы будем возле моря
и звезды на небе считать.
Быть может, вечером сегодня,
коль запах моря нас поглотит,
взберемся мы на горизонт
и развлекать волнам себя позволим.
А если обнажится и луна,
то мы еще цветами поиграем,
которые отдаст нам моря гладь,
вытаскивать их будем из воды,
и встряхивать их,
тут же отпуская.
А если время нам еще позволит,
и не обгонит нас с тобой восход,
и если ты того захочешь,
то головою ты ко мне прильнешь,
и я тебя руками обниму,

и волосы твои себе на грудь
пролью и убаюкаю тебя,
конечно,
если ты того захочешь.

Она приоткрыла дверь

Должно быть, меня и вправду
долго она ждала.
Там, у окна стояла.
И хотя я был еще далеко,
я чувствовал это.
Да и оконный блеск
выдавал ее силуэт.
Не успел я дверцу машины открыть,
как дверь ее дома тоже открылась.
И меня втянуло туда,
будто в пламя соломинку.

Чезаре Павезе – грани поэтического таланта

Чезаре Павезе (1908 – 1950), один из лучших поэтов и прозаиков Италии XX века, «быть может, как сказал итальянский литературовед Карло Салинари, первый литератор общеевропейского значения, появившийся в Италии после многих десятилетий застоя».

В своём первом поэтическом сборнике «Работа утомляет» (1936, 1943) Павезе удалось достаточно полно воплотить свою идею о «поэзии-рассказе, ясной и определённой, объективной и сущностной», противопоставив её интроспективной, абстрактной, полной намёков поэзии герметиков. «Первый литературный опыт Павезе, по словам Джулио Манакорда, был внешне поэтическим, но прозаическим по содержанию и ритмическому рисунку. Постепенно поэт переходит к стихам (сборник «Стихи нелюбви» 1934–1938)), основным в которых является не факт, не хроника, но фантастические взаимоотношения, образ, то, что впоследствии Павезе определит как «символ», как «миф».

В напряжённых, драматических сборниках «Земля и смерть» (1945–1946), «У смерти твои глаза» (1950) проявилась ещё одна грань поэтического таланта Павезе – пронзительный, страстный лиризм.

Перевод с итальянского Наталии Сухановой

Из сборника «Работа утомляет»

Предки ЮЖНЫЕ МОРЯ

Монти

Как-то вечером, молча, мы брели по склону холма.
В свете запоздалых сумерек кузен мой, просто гигант,
весь в белом, движенья его спокойны, лицо загорело,
неразговорчив он. Мы все молчуны по природе.
Кто-то из наших предков был страшно одинок –
Великий человек средь идиотов иль сумасшедший –
И от него мы унаследовали молчаливость.
Сегодня вечером мой кузен заговорил,
спросил, поднимусь ли я с ним: с вершины
в ясные ночи можно увидеть свет далёкого
Туринского маяка. «Ты прав, – сказал он, –
что в Турине живёшь... Жизнь нужно прожить
вдали от деревни. Добьешься успеха, им насладишься,
потом, вернувшись сюда, лет в сорок, как я,
на всё другими глазами глянешь. Ланга не исчезнет».
Всё он проговорил не по-итальянски,
но медленно на диалекте, таком же твёрдом,
как камни этого холма,
за двадцать лет другие наречья и океаны
не оставили на нём даже царапин. Идёт кузен по склону,
взгляд сосредоточен, я ребёнком обычно у крестьян,
что немного устали, видел такой взгляд.
Двадцать лет бродил он по белу свету.
Тогда меня женщины ещё на руках носили
И говорили, мол, умер он. Затем я слышал,
как женщины вспоминали о нём, словно о сказке,

но мужчины, что более суровы, забыли его.
Как-то зимой, отец уже умер, пришла открытка –
большая марка, на зеленоватом фоне корабли в порту –
с пожеланиями собрать виноград. Все изумились,
а подросший малец, горячясь, объяснил,
открытка с острова Тасмания в Тихом океане,
южнее Австралии, что окружён самым синим
морем с хищными акулами. И добавил,
кузен, конечно, жемчуг ловит. И марку отклеил.
Каждый своё мнение высказал, но все согласились,
коль он ещё не умер, то умрёт непременно.
Потом время прошло, и все забыли о нём.
О, сколько времени прошло с тех пор,
как играл я в малайских пиратов, и с того дня,
как последний раз купался я в гиблом месте,
преследуя товарища по играм, и, сломав ветки,
на дерево влез, разбил сопернику голову,
меня побили – целая жизнь прошла.
Дни другие настали, игры другие ждут,
по-другому вскипает кровь пред неуловимыми
соперниками: мыслями и мечтами.
Город открыл мне бесчисленные страхи:
улица, толпа, иной раз мысль, подсмотренная на лице,
заставляли меня вздрогивать.
До сих пор в моих глазах застыл насмешливый свет
тысяч фонарей над потоком шаркающих ног.
После войны одним из немногих вернулся
мой кузен-гигант. У него были деньги.
Родственники тихо говорили: «Через год,
если не раньше, он их проест и уедет.
Так умирают все отчаявшиеся».
У моего кузена решительное лицо. Купил в местечке
хибару и превратил её в цементный гараж,
перед ней сверкающая бензоколонка
и на арке моста огромная реклама.
Нанял механика, чтоб он получал деньги,
а сам курил, бродя по холмам Ланги.
Нашёл в местечке жену. Взял хрупкую девушку,

блондинку, как иностранку, таких он,
колеся по свету, конечно, уже встречал.
А ходил он всегда один. Весь в белом,
руки за спиной, загорелое лицо.
По утрам бродил по ярмаркам и угрюмо
скупал лошадей. Затем мне объяснил,
когда его план провалился, что хотел
уничтожить всех лошадей в долине
и заставить людей покупать машины.
«Но самым глупым, — сказал он, — животным,
если подумать, был я. Я должен был знать,
что здесь быки и люди одной породы».
Мы шли более получаса. Вершина близко,
ветер свистит, и щелест всё сильней и сильней.
Вдруг мой кузен, остановившись, обернулся:
«В этом году я напишу на плакате: *Санто Стефано*
Всегда был первым на праздниках
в долине Бельбо. И что на это скажут
Те из Канелли». И вновь зашагал по склону.
Во тьме нас обволакивали запахи земли и ветра.
Вдали огоньки замелькали фермы, машины
едва слышны, я же думаю о силе,
что вернула мне этого человека, оторвав его от морей,
от дальних земель, от тишины терпеливой.
Мой кузен, рассказывая о своих странствиях,
сухо сообщает, мол, он был в том иль ином месте,
и думает о моторах.

Одно воспоминанье осталось
в крови у него: однажды он встретил кита,
когда на голландском сейнере кочегаром был,
и видел, как летят под солнцем тяжёлые гарпуны,
видел, как упливают киты в кровавой пене волн, и,
преследуемые, подняв хвосты, обрушаивают их на шлюпку.
Иногда вспоминал он об этом.

Но когда я говорю,
что он, счастливчик, встречал зарю на самых
красивых островах земли, он отвечает,
улыбаясь воспоминаньям, что солнце

всходило тогда, когда уж вовсю кипела работа.
1931 год

Из сборника «Стихи нелюбви» (1934–1938)

Пробуждение

И воздух твердит, тот день не вернётся.
В пустое небо вливаются холод
и небо. Не стоит рот раскрывать,
чтоб дышать по-старинке, как тот,
кто испуган, но жив. Закончилась ночь
снов и рыданий. Но тот день не вернётся.
Вновь оживёт с невиданной силой воздух,
недвижный, холодный. Купы деревьев,
пламенея золотом прошедшего лета,
пугаются молодой силы неба.
Дуновенье ветра сметает
Всё летнее, и ужас ночной исчез.
В ночном воспоминанье лето –
Печальный день. Для нас исчез он.

Вновь ожил воздух, и ты его пьёшь,
смутно желая привкус найти знакомый,
но не вернётся он. И сожаленье, этой ночью
родившееся, не вернётся. Небольшое окно
пьёт холодный воздух, поглотивший лето.
Под небом пустым нас поджидает бодрость.

1937 год

Из сборника «Земля и смерть» (1945–1946)

*****

Ты, как некая земля,
неназванная никем никогда.
Ты ничего не ждёшь,
только лишь слова,
что из глубин пробьётся,

как плод средь ветвей.
Ветерок до тебя долетает.
Древние слова и фразы,
всё засохшее и умершее
засыпает тебя и летит по ветру.
Ты дрожишь летом.

29 октября 1945 года

Из сборника «У смерти твои глаза» (1950)

The Night You Slept

И ночь на тебя похожа,
давняя ночь, что немо
плачется в сердце самом,
проплывают усталые звёзды.
Щека касается щеки –
холодный трепет, кто-то
бьётся, тебя умоляя, один,
затерянный в тебе, в дрожи твоей.
Ночь страдает и жаждет зари.
Пусть вздрогнет бедное сердце!
О, замкнутое лицо, о, тёмная тоска,
трепет, печалищий звёзды,
зарю, как ты, ждёт кто-то,
глядя в тиши на лицо твоё.
Ты лежишь в ночи,
как замкнутый небосклон недвижный.
Пусть вздрогнет бедное сердце!
Зарей ты была когда-то.

4 апреля 1950

Светлана Герасимова

Мой Китс

Китс – это средневековье, заговорившее на языке античности. И ключом к средневековью Китса служит аллегорический

«Роман о Розе» Гильома де Лориса и Жана де Мёна. В части, написанной Гильомом де Лорисом, путь к возлюбленной Розе является проекцией духовного становления. Духовное совершенство обретается в борьбе с внешними и внутренними врагами Любви, такими как Страх, Стыд, Злозычие. Это совершенствование бесконечно – поэтому бесконечен и путь к Розе. Обретение идеала – здесь, на земле – обессмыслит историю. Жизнь прекрасна, пока у нее есть смысл и цель. И в той мере, в какой средневековый человек хочет жить и радоваться жизни – он должен смириться с недостижимостью Идеала. Доминирующим настроением второй части романа, написанной Жаном де Мёном, является утверждение возможности земной любви. Достижение цели уже не навевает апокалиптические страхи и образы. Но эстетике Китса ближе первая, написанная Лорисом, часть романа.

Средневековое переживание встречи с Абсолютом Любви, за которой следует совсем иная встреча – встреча со смертью, распадом, духовной и физической деградацией – становится лейтмотивом таких малых циклов Китса, как «Ода Меланхолии», «Ода Соловью», «Ода Греческой Вазе».

Поэтому наслаждение красотой и жизнью сродни наслаждению смертью. Оба наслаждения запретны.

Мир любви притягателен для романтика полнотой чувств.

Мир смерти, пока к нему не прикоснулись, раскрывается в романтической интуиции величественной тайны бытия, принадлежащей потустороннему миру и неспособной вместиться в мир дневных, световых ощущений и переживаний.

Китс жестко запрещает себе как романтическую тоску по смерти и ночи:

Не подставляй свой бледный лоб для поцелуя
Дурманящих пасленов, виноградов Прозерпины, –

так и юношескую тоску по жизни и любви:

Людские ж страсти слишком бренны,
Печалят сердце пресыщеньем,
Лоб обжигая и суша язык.

Воздержание от жизни и смерти – воздержание от крайностей – становится в лирике Китса светским аналогом средневекового воздержания от сильных чувств, аналогом устремленности к бесстрастию, дарующему свободу, так как страсть всегда стремится жить в человеке вместо человека.

Доминантами параллельно развертывающихся символических рядов мира Жизни и мира Смерти становятся соответственно образы Диониса и Прозерпины. Такие атрибуты торжества жизни, как пышная растительность, вино и любовь находят свои параллели в мире смерти. Так, у Прозерпины есть свои виноградники, или даже ядовитые плоды паслена, подобные ярким сочным ягодам, вкусив которые человек – глюцинируя – становится участником мистерии в честь Прозерпины. Для теневого состояния душевной распахнутости в мир грез на грани жизни и смерти характерно общение с духами тьмы в образе мохнатеньких сычей и мотыльков, молитва по четкам из тиса, ночные бдения. Все это опыт, подобно наркотикам, дающий кратковременный творческий импульс, а затем грозящий непоправимым духовным распадом. Творческий потенциал мира смерти не окупится кратковременным духовным взлетом, за которым последует медленное растекание ядов по душе и плоти. Интересно также, что этимология английского слова «тис» восходит к латинскому названию винограда.

Словом, духовной нормой для Китса является гармония, покой и бесстрастие. А отклонение от этой нормы именуется меланхолией, печалью по невозможности пережить на земле высшие наслаждения жизнью и смертью, печалью по кратковременности этих наслаждений. Именно гармоничный бесстрастный дух способен к высшим формам творчества. Поэзию, чувство пропорций, присущих вазе, интуицию красоты порождают не высокие страсти, а воздержание от них. Чтобы запечатлеть мир древних танцев, закланий и ритуалов, чтобы проникнуть в мир античных страстей, поэт и художник должны оставаться созерцательно умиротворенными. Жизнь, которую поэт запечатлает в своих творениях, должна пройти мимо него. Тот, кто хочет насладиться жизнью, утратит дар слышать несыгранную мелодию, сохраняющую потенциал всех явленных в материальном мире мелодий. Запечатленный на вазе момент жизни сохраняет бесконеч-

ную множественность потенциальных сюжетных линий, которые пересекаются в нем и уводят в разные стороны. Высшая гармония, возможная в искусстве – это радость остановить мгновение накануне высшего наслаждения. Радость ожидания выше радости исполнения мечты. Обретение Идеала обладает для жизни отдельного человека тем же потенциалом, которым Апокалипсис обладает для жизни всего человечества.

Высшее наслаждение для Китса обладает сакральным статусом. Поэтому меланхолия, подобно древним богам сходит на землю в окружении туч и всполохов молний, а само латинское слово «туча», как известно, породило термин «нимб». Следовательно, воздержание от меланхолии лишает жизнь сакральной полноты. Искусство и гармоничная красота для художника сами становятся формой и заменой сакрального бытия. Профанный мир живет наслаждением, которое уничтожает его. Он участвует в смене поколений и наслаждается чувственностью. Мир избранных живет воздержанием от наслаждения, вечным меланхоличным предчувствием высших форм Красоты, и сам творит вечную гармонию. Поэт, создавая шедевры, тем самым обрекает себя на одиночество и прекращение своего земного рода. Сакральное наслаждение не доступно в этом мире ни профанам, ни гениям. Это достояние будущего века, на которое своим смиренным воздержанием от земного счастья, указывает гений. Духовный творческий потенциал раскрывается в душе гения в той мере, в какой он смирился с необходимостью всегда пребывать на пике любви и потребности любить, но никогда не наслаждаться любовью. Этот крест смиряет гения и становится условием его жертвенного служения, которое состоит в том, чтобы напомнить миру о сакральном «двойнике» наслаждения, ибо радость земной любви – это лишь тень высших сакральных наслаждений полнотой бытия, и свобода человека заключается в том, что он может выбрать между возможностью земного наслаждения Любовью и сакральной невозможностью наслаждения Вечной Красотой. То есть свобода заключается в праве выбора контекста личной философии наслаждения – это выбор между частями «Романа о Розе», написанных соответственно Жаном де Мёном и Гильомом де Лорисом.

Доминанты Вечной и Преходящей красоты создают китсовское двоемирие. Это двоемирие быстротекущей красоты мира и

вечной красоты искусства. Чтобы душа открыла для себя мир гармонии, ей нужно отречься от мира – от его страдания, сострадания и надежды на любовь. Поэт должен раствориться в красоте вселенной, как соловей в лесу. Отречение от сострадания уравновешивается отречением от надежды на любовь. Поэтическое бесстрастие становится китсовским кредо. Лишь в этом состоянии поэт может беседовать с греческой вазой и задавать ей вопросы. Искусительно сравнить китсовское бесстрастие с буддийским, но в отличие от последнего – Китсу бесстрастие нужно для созерцания вечных форм красоты, которые для буддизма остаются лишь суетным ничто перед Ничто Великим. В отличие от христианского бесстрастия, эстетика Китса не предполагает, что личность поэта, утратившая страсти, сама должна стать произведением искусства – шедевром любви и сострадательности. Личность растворяется в тварной красоте мира и важна лишь как инструмент диалога с формами античной красоты. Созерцание должно быть бесстрастным, но мотивацией бесстрастия становится не обретение духовной красоты бесстрастной личностью, а установка на включенность в диалог с древними формами красоты. Подобно Страху и Злозычию Гильома де Лориса личные страсти – это те враги, которые непускают душу насладиться вечными формами красоты. Диалогичность личности, то есть установка на диалог с вечными формами красоты, и готовность слышать неслышимое делают поэзию Китса неповторимой и всегда узнаваемой. Ценность индивидуальности утрачивается, на первое место выступает ценность включенности в диалог, способности к диалогу, готовность задавать вопрос и слышать даже неслышный ответ.

Перевод с английского Светланы Герасимовой

Ода к меланхолии

I

Беги от Леты, мыслью неизменною волнуем,
Из волчьих ягод и тугих корней не пей яд винный,
Не подставляй свой бледный лоб для поцелуя
Дурманящих пасленов, виноградов Прозерпины.

И четок не нижи из ягод тиса¹ алых,
Жукам и мотылькам смертей не позволяй
Психеей скорбной стать твоей, мохнатеньким сычам –
Наперсниками всех твоих мистических печалей.
Взывают к тени – тень и, растекаясь вяло,
Мученьем затопляет бдящих по ночам.

II

Когда же меланхолия сквозь стоны
Нежданно сверзится с небес плакучей тучей²
Питать поникшие цветов бутоны
И в саван прятать зеленеющие кручи,
Тогда – избыток грусти пребывает в розе,
Иль в радуге волны, песчаной и соленой,
Иль в шаровидной роскоши пионов.
Когда ж любимая посмотрит грозно,
Сожми ее ладони – бредит пусть бездонней –
До глубины испей ее диковинные очи.

III

Ты обитаешь в Красоте – ждет смерть к ней сватовства –
В восторге, сдержанном у уст перстом,
Сказав прощай, перестрадай ночь Торжества.
И яд испей пчелиным хоботком.
Да, в каждом храме Высших Наслаждений
Сокрыта в раке Меланхолии услада,
Но не послужит ей язык – ничей
О небо не раздавит винограда,
Душа, изведав грусти мощь и гений,
Замрет, как меланхолии трофей.

¹ Восходит к латинскому uva – виноградник. Тис ядовит (прим. переводчика)

² Латинское «nimbus» – облако, туман, дождевая туча, буря, ураган, ливень, внезапное бедствие – обрело в немецком значение «кореол, сиянье, блеск, сиянье» и стало «Нимбом». Иранская «хварна», сиянье в котором спускаются на землю боги. Мандорла – иудейское «kabod» – слава Бога.

Ode to a Nightingale

I

Томится сердце, цепнеет-страждет
Мой ум, я словно яд болиголова
Испил, дурманящей предавшись жажде,
Лишь миг – и в Лету погружусь безмолвно –
Хоть зависть к гению и не гнетет!
Я радостью твою упоен, –
Ты легкокрылая срдь древ Дриада,
Мелодии оплот
И между буконых тенистых крон
Легчайший глас и полноты отрада.

II

Глоток стоялых вин, наверно,
Прохладу недр земных дарйт:
Вкус флоры в зелени деревни
И песнь Прованса, танец, мирт!
Фиал наполнен теплым югом
Стыдливой, верной Гиппокрены,
Вокруг шеи бусы пузырей,
И пена губ для друга –
Испей ее – оставь мир бренный,
В лесу растай, как соловей.

III

Истаять, кануть и предать забвенью
Тобой непознанное среди крон:
Усталость, лихорадку, раздраженье,
Мир, где, стеная, слышим всюду стон;
Где друг в параличе – седы часы прощальные,
Бледнеет юность, тоныше призрак смерти,
И дума грустью дней пропахла,
Свинцовый взгляд отчаянья.

Здесь красоте очей не верьте,
До завтра новая Любовь исчахла.

Ode on a Grecian Urn

I

Невеста ты, что нежеланна и безмолвна,
Молчанья чадо и времен тягучий взмах –
Лесной сказитель, что бессилен нам исполнить
Преданье слогом, слаще рифмы, всё в цветах.
Каких легенд, листовой увитых, не встречала
Ты в облике божеств иль смертных, или разом
В Аркадии, и в храмах, и в долинах?
То люди, боги или девы безобразны?
Погонь безумство? Бегство от кинжала?
Что за свирели там и бубны? Что за неистовство экстаза?

II

Расслышенная музыка сладка – неслышимая
Слаще; свирели нежные – играйте
Не уху плотскому – любовью дышащим.
Духовной песенкой беззвучной услаждайте
Благую юность, что не может не внимать
Той песне. – Нагота лесов здесь не уместна.
Влюбленный никогда тебя не поцелует,
Хоть цель близка. Не стоит сердце омрачать:
Краса не увядает – блаженством не балуя
Навеки ты влюблен, навек Она – прелестна.

III

О, как блаженна ветвь, не смея сбросить
Листву, ибо весны извечны здесь права.
Блажен певец, что отдыха не просит,
Всегда звучит свирель и песнь всегда нова.
Блаженнее любовь! Блаженнее! Блаженна!

Всегда в тепле и сладком наслажденье
И вечно длится юность, вечен томный миг.
Людские ж страсти слишком бренны,
Печалят сердце пресыщеньем,
Лоб обжигая и суша язык.

IV

Кто вы, идущие свершить закланье?
Где ваш алтарь зеленый? О, жрец таинственный,
Ведущий телку – к небесам ее мычанье.
Шелка ее боков увид ли ты гирляндой многолистенной?
О, что за городок у моря или речки,
Иль мирное на скалах укрепленье
Народ оставил ради праздничного бденья?
Там городские улицы навечно,
Умолкнут; и никто не скажет в удивленье:
Пустуешь почему, всегда достойный возрожденья?

V

Аттическая форма! Дивный вид, с невестой
Для мраморного мужа. Девы в изнуренье
С лесными ветвями, – средь трав истоптанное место;
Ты молча дразнишь мысль бессмысленным томленьем;
Так вечность дразнит нас: Бесстрастье Пасторали!
А древность сделала нас бренным поколеньем
Ты остаешься чьи-то скорби созерцать,
Не наши. Ты друг людей, известный изреченьем:
«В красе есть истина, лишь в истинной красе», – познали
Вы это на земле, и это все, что должно вам познать.

Кристина Россетти (1830 – 1894)

«Её стихи... поражают каким-то непонятным мистицизмом, страстной усложнённостью. Это плоды ума изощрённого, эгоцентрического, по-женски замкнутого на себе самого, ума, в кото-

ром, если говорить прямо, царит полная неразбериха относительно границ между любовью земной и небесной», — эти слова о творчестве Кристины Россетти принадлежат современному английскому писателю Джону Фаулзу.¹

Перевод с английского Валентины Брилевой

Кто презирает день из мелочей?

Была бы я фиалкой, душистым цветком
Иль маргариткой, веселой и скромной,
Тянулась бы к солнцу с низин за теплом,
Ароматом наполнив воздух морозный.
Пусть весна запоздала, проснувшись не вдруг;
И у голых деревьев невзрачные краски;
От тепла маргариток, фиалок — вокруг
Обычное стало прекрасным.

Дома

Когда я умерла, отправилась душа
Искать тот дом, где часто я бывала...
И в дверь вошла... Здесь прежние друзья
Под сенью апельсинов пировали:
Вино передавали из рук в руки,
Едой их персики и сливы были;
Они шутили, пели и смеялись,
И все друг друга любили.

Я внимала простым разговорам:
— Завтра в путь нам, — молвил один,
— По пескам, оставляя море,
Миля за милю позади.
А другой подхватил: — Мы к гнезду орла
Доберемся легко до отлива.

---

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://bibliogid.ru/articles/2367>

И еще: – Завтра будет таким же,
Только намного счастливей.

- Завтра, – сказали. К сильным надеждой
Странствий приятных явилась пора.
- Завтра, – в голос они прокричали;
И не вспомнил никто про вчера.
Их жизнь достигла успешного полдня;
Благостной стала теперь без меня.
- Завтра, сегодня, – кричали они;
Я была – из вчерашнего дня.

Но вздрогнув в печали, холодом
Стол не обдав, с горькой болью своей
Я, забытая, рядом дрожала –
Уходить от них было трудней...
И покинув мне близкое место,
Из любви той исчезла я,
Как память о гостье нежданной,
Что длится не дольше дня.

Рай во сне

Мне однажды приснились цветы,
Краса, что в раю расцветает;
Прекрасней цветов не бывает,
Нет в мире такой красоты.
Слаб запах розы душистой,
И лилия слишком бледна на стебле;
Невзрачной фиалка покажется,
Коль с ними сравнишь на земле.

Я слушала райский мотив:
В прохладе листвы птицы пели,
И нежные песни летели,
Как фимиам, к небесам воспарив.
Для подруг они пели своих,
Ворковали средь пышных ветвей;

Оказался бы самым холодным,
Если сравнить, соловей.

Я видела реку во сне:
В глубине золотился песок,
Широкий раздольный поток
Напевно, с печалью журчал в тишине.
В ней жажду свою утолить могут все
И духом окрепнуть. Там мудрый покой;
Нигде на земле не найдешь
И капли влаги такой.

Древо жизни в расцвете стояло
В изобилье могучих плодов;
Сок корней его – в толще веков;
Все ветвями вокруг заслоняло.
Древо Рая весь свет исцеляет;
Мир голодных насытился б им.
Дивный плод слаще меда любого,
Он – бальзам, и ни с чем не сравним.

Вход в Прекрасное видела я,
Жаль, что мне приоткрылось мало:
Только улиц златых начало
Да зеркального пруда края...
О, арфы! О, эти короны из звезд!
О, пальм многолистье – лишь в снах дорогих;
Их глаз не узрел, и слух им не внял,
Не могло постичь сердце их.

Надеюсь увидеть такое опять,
Увидеть не ночью, во сне,
А своими глазами. Хотелось бы мне
К ним прикасаться, руками держать;
Чувствовать небо ногами,
Где святые ступали тропой,
Вести со святыми беседы,
И Бог чтобы вел – со мной.

Проза

Марио Луци (1914 – 2005)

Итальянский поэт XX века, принадлежал к школе герметиков, переводчик, критик, эссеист. Преподавал французскую литературу в университете Флоренции. Предлагаются переводы его немногочисленных прозаических произведений, коротких рассказов.

Перевод с итальянского Наталии Сухановой

Жалость – Безжалостность

В октябрьский полдень 1944 года я вышел из дома раньше обычного. Беспокойство и непонятное нетерпение не позволяли мне оставаться в комнате, неподвижность привычных вещей, которая иной раз споспешствовала моим душевным порывам, теперь, не отвечая им, раздражала. Я вышел, уверенно захлопнув дверь, двигаясь я достаточно стремительно, но при этом не возбуждённо и не беспорядочно, и мои движения походили на переволнившую сосуд воду. Пустившись в путь по запруженным улочкам центра, я был беспокоен и нетерпелив, стремясь к чему-то, что должно было произойти. И тотчас заметил, когда под набрякшим небом ощущалось движение воздуха, что он был напитан влагой затаившегося дождя. Ни пространства, ни свободы – я задыхался, и мне хотелось выйти на более открытое место. Грязный свет пачкал дома в желтоватый цвет, и воздух был застоявшимся и мертвенно-бледным. Я почувствовал себя неловко, захотелось ускорить шаг; среди толпы людей, которые шагали, скользя друг с другом, пересекали во всех направлениях улицу, меся на мостовой слякоть, сделать это было нелегко. Все были штатскими, обычновенными штатскими людьми моего города, я столько раз ходил среди них, встречалась и солдаты бесчисленных рас во всевозможных военных формах, но все они сочетались с желтоватым цветом домов и грязи. Я страстно желал выйти на более открытое место, это желание стало неистовым, но я не мог его осуществить: мириады человеческих тел вставали между мною и открытым местом, к которому я стремился, до которого я должен был добраться.

Я шагал, скрючившись, мои мышцы, силясь сдержать мой шаг, который в противном случае скоро стал бы скользящим и плавным, были напряжены, а я на каждом шагу наталкивался на преграды, со всех сторон меня толкали и передо мной постоянно кто-то появлялся, принуждая меня к этому хаотическому движению до тех пор, пока мы совместно не решали, куда же нам вклиниться. Это были обычные люди моего города плюс бесчисленные солдаты бесчисленных рас, они месили грязь и пересекались во всех направлениях.

Вдруг я почувствовал, что никогда не смогу отсюда выйти, и моя тревога мгновенно исчезла. Я отупел, стал неуклюzym, мой внешний образ растворился в тяжёлой и немощной крови. Этот желтоватый цвет домов, грязи, военных форм зачаровал мои глаза, я больше ничего не видел. В самом себе я слышал непрерывное чавканье грязи и продолжал невольно, как только мог споро, но, спотыкаясь, шагать. Я думал, как нас много, но ничто из того, чем владеет каждый из нас: радость, свершения, лелеемые годами, быть может, и веками мечты, – в бесцветном дрейфе судьбы не отличает нас одного от другого. Я непроизвольно думал, что нас много и нет никого, я слушал шарканье бесчисленных итальянских ног, бесчисленных чужестранных ног по грязи моего города. Я постигал, что и мои ноги вносят свой вклад в это бесконечное шарканье; я чувствовал, что и они были чужими, чужими в моём городе и чужими на земле, как и бесчисленные итальянские и бесчисленные чужестранные ноги. И я продолжал непроизвольно шагать, как только мог споро.

Наконец, я попал на широкую площадь и теперь мог побежать, однако, придавленный грузом своей тоски, продолжал шагать медленно. Теперь я был совсем один, меня окружал кусочек неба, отразившийся на мокрой мостовой, но во мне всё ещё звучали топтавшиеся по грязи моего города безостановочно, немелодично стоплившиеся ноги. Длинной галереей я дошёл до Арно. Но это была больше не Арно, а огромная, разлившаяся река, похожая на все реки земли. Она совсем утратила свой привычный вид, превратившись в реку, обычную бурлящую реку, несущую грязную воду желтовато-глинистого цвета. Я прислонился к парапету там, где несколько человек молча смотрели на воду. Под нами была вздувшаяся, мчащаяся вода, которая, пенясь, громоз-

дилась и корчилась там, где стоял единственный оставшийся после войны мост с полностью затопленными пролётами, которые не могли вместить увеличивающийся объём воды, а перед нами – развалины и провалы. Света было немного, слабое свечение просачивалось снизу, от линии горизонта, это был водянистый и неподвижный, ничего не освещавший свет.

Но от развалин исходило их внутреннее, сернистое, устрашающее свечение, которое смешивалось в воздухе с желтоватым цветом, излучаемым Арно. Нас было немного, мы смотрели, молча, и каждый был захвачен и опустошён своей неподвижностью, и мы слушали шум, клокотание задущенной реки, которая уже не была Арно. Я безошибочно чувствовал, что в каждом из нас нет ничего, совсем ничего, кроме этого мертвеннего свечения, на котором мы сосредоточились, и оглушающего нас грохота. Да, в нас не было ничего кроме этого свечения и этого грохота воды, они нас поглощали, и мы поглощали их. Вдруг кто-то зашевелился, намереваясь уйти, и выругался, это было обычное ругательство, наше народное ругательство. Мы все повернулись в ту сторону, где невероятным образом была нарушена тишина. Там стоял скромный человек с бледным и бесстрастным лицом. Мы смотрели, как он удаляется, и каждый смутно понимал, что он высказался за всех и таким вот образом выразил нашу скрытую и невыразимую тревогу. Нас охватило сострадание к нему и к самим себе; он удалялся, а мы снова оперлись на парапет: река, вся водовороты и грохот, продолжала свой неукротимый бег.

Возвращение в Сиену

Даже сейчас, когда это повторялось уже не раз, я не знаю, что неодолимо влечёт меня в Сиену и что заставляет немедленно её покидать. Это город моего раннего отрочества, но он притягивает к себе нерастреченные мечты взрослого человека. Чему я подчиняюсь, вскакивая в автобус, который, преодолев редкие сны, углубляется в Тоскану, в память, в надежду, в болезненное удовольствие или в наслаждение? Я не могу ответить. Я страдаю и восхищаюсь, пока наша земля по сторонам волнистой ленты дороги, ещё римской дороги Кассии, в этой яркой зелени, на этой охристой почве становится всё более разреженной и более от-

крытой, но в то же время более плотной. Вдали все эти краски, когда смотришь с бастионов или с высоких сиенских домов, изменяются, рассеиваясь в голубовато-фиолетовой дымке. Действительность и мечта неразличимы. Для меня, потомка флорентийца, нет ничего более определённого, чёткого, отнюдь не обманчивого, чем эти праздные земли и эти дома из грубо обтёсанных камней, простые и вместе с тем оккультуренные; и нет ничего более нематериального, чем всё это, когда подымашься в город, чтобы воспарить среди мраморов и старинных кирпичей Сиены. Итак, город и на своей собственной земле кажется близким и далёким, земным, и в то же время чудится, что его окружает голо-вокружительная пустота.

В базарные дни Костарелла, главная улица города и все прилегающие к Кампо улочки запружены подёнщиками, посредниками и торговцами, которые приносят в самое сердце города сильный и тяжёлый дух деревни. Сиенцы, несомненные горожане подшучивают над ними, однако, присутствие селян среди аристократических стен и причудливых памятников кажется естественным или же, по крайней мере, неизбежным. Но затем, когда наступает вечер и город – ведь архитектура в предночном воздухе теряет свою мрачность и торжественность – становится воздушнее, селяне уезжают в переполненных автобусах или на добродушных поездах, неохотно двигающихся по склонам вниз, и воображение может вновь вернуться к оставшимся, сосредоточенным и одиноким зданиям, и тогда причудится, что около стен появилось бесконечное и нереальное пространство, населённое людьми более химерическими, чем только что виденные. Более того, именно в эти часы, когда я был ребёнком, чувствовал, как таинственное дуновение лишает меня надежды и леденит кровь, а ум вновь восхищён видением сиенского искусства, которое, как мне тогда казалось, лучше всего выражает это сосредоточенное потрясение: загадочная, одинокая кавалькада Гвидориччо из Фольяно неизбежно соединялась с моими мыслями, и тогда это поле среди этих скал становилось соседней равниной, а эта сказка – всей жизнью, её сутью, её тревогой.

Но в разгар дня, в полдень, тишина иногда бывала такой глубокой и свет, заливающий камни, мрамор, раскалённые кирпичи, такими звенящими, что мои чувства не могли восприни-

мать их, и тогда безудержное воображение стремилось к невозможным миражам, и я часто бежал к воротам города, чтобы найти успокоение в насыщенном и точном цвете земли, в яркой зелени травы. Это бывало настолько неотвратимо, что можно было, как случалось со мной, когда я жил в Провенцано, видеть с одной стороны дома пропасть, а с другой — густейшую городскую застройку.

Здесь неминуемо зарождаются необычные страсти и великие причуды, здесь можно жить только в состоянии лёгкого помешательства. И действительно в городе полно своеобразных типов, людей неспокойных, они легко огорчаются, их печалят пустяки, и восхищает суeta или скука. Когда приходят дни Палио,¹ всё это так взрывается, что тому, кто постоянно здесь не живёт или никогда не бывал, может показаться невообразимым. На всём, что теперь я могу сказать о женщинах, будет лежать отпечаток их холодных, неосозаемых появлений в те времена, когда я проходил по этим улицам или карабкался по крутым склонам. Это были — тогда невозможно было думать об этой множественности, и каждая женщина представлялась необычайной — чаще всего очень высокие девушки, что-то незддоровое сквозило в их чрезмерной бледности, шаг у них был быстрым, но нетвёрдым, и они были настолько одиноки, что, казалось, живут в своём чистом сиянии совсем как женщины на золотом фоне картин.

Конечно, я не могу вновь вступить в ту игру, я уже вне игры, а в этом городе чужакам жить нельзя. Когда уезжаешь, входишь в дверь, на которой написано «*Cor tibi magis Sena pandit...*» Пусть распахнётся и наше сердце. И уходя, выходишь из мира, из особого царства души, как из странной испупительной рамы, и возвращаешься к обычной житейской суete.

Пусть шире распахнётся для тебя сердце, Сиена!

Витербо

На равнине, в окрестностях города, которые густо засажены оливковыми рощами и виноградниками, редеющими на холмах и следующими друг за другом среди дубрав и зарослей пробкового

¹ старинный, ещё средневековый праздник, конные состязания, когда победителю вручали «палио», вышитое или разрисованное знамя. (Прим. переводчика).

дерева вплоть до Тускании или вдоль русла Марты, или бегущих открыто и отчётливо до голубого с тёмно-синим выступа Монтефьясконе, появляется Витербо, печально воспринимаемый древним странником после тяжёлого странствования как сказочный придел или привал. Почти неразрушенный пояс его стен с башнями и абсидами церквей, над которыми вздымаются купола и тонкие башни, разбросанные по холмам внутри поселения, так напоминает призрак города, что место кажется пустынным, и на мгновение тебя охватывают сомнения, не об очевидном ли обмане идёт речь. Из города, от дворца пап, от маленькой террассы сада большого дворца Делла Ровере, как с мостика, соединяющего средневековый квартал Сан Пеллегрино и Тёмную Долину с предместьем Пьяно Скарано, видна равнина с её виноградными лозами и деревьями у оснований домов, вознесённых на крутых склонах, и затем за последними скалами и отрогами гор, рассеивается в неразличимом фиолетовом просторе, но не там, где поднимается коричневая громада Чилино. Самые мощные стены городского ядра окружают и настоящую равнину, излишнюю в этом домашнем царстве, которая клином вдаётся в сердце города, так что, находясь на Плоской Долине, в центре амфитеатра холмов, то есть в самом Витербо, мы можем от Троицы до Сан Лоренцо пробежать глазами по куполам, домам, дворцам и башням, обращённым к расположенной внизу долине Фаул, зелёной, густо заросшей, и увидеть в открывающейся дали безграничные просторы равнины, теряющиеся в голубовато-лиловой дымке. Нагромождение построек, редко дающее свободу большим площадям эпохи Возрождения и Барокко, но чаще небольшим, без монументальных затей, не считая фонтана из камня с выходящими из шишек железными трубками, улицам и улочкам, застроенным дворцами с чёткими фасадами, грубыми и подслеповатыми лачугами, над которыми там и сям раскачиваются башни, говорит нам, что наложение более изысканной культуры кардиналов на средневековую, безыскусную и суровую, там, где находился папский престол, не может уничтожить характер города, занятого сельскохозяйственной торговлей с деревней, при всех изменениях, произошедших с XI по XV век, присутствующая и в халупе, и в дворянском доме. И архитектура церквей, от романских, как Санта Нуова Мария с кафедрой снаружи, откуда проповедовал

Святой Фома, до францисканских готических, отражала жизнь – среднее между сельским центром и скитом – и не знала разнообразных украшений торговых эпох, пока Делла Ровере и Микара не привнесли из Рима совершенство и соразмерность архитектурных форм Возрождения, а позже под небом Витербо, среди пышной игры света и облаков, взорвалось своей изощрённостью барокко. Скромный, почти монастырский фонтан, который и существовал только потому, что гордые и ловкие горожанки черпали из него воду, превращался в огромный призрак, воздвигая чащу над чашей среди закрученных и разорванных линий статуй.

Но всё это порождает ту сложную гармонию между бедностью и роскошью, между сельской простотой и городской торжественностью, которой не нужны внешние совпадения и связи, потому что она стихийно находит их в душе тех, кто среди чёрных и пористых камней переулков живёт жизнью ремесленника или крестьянина или на оживлённых площадях и улицах центра торгует с предместьями Лацио или Мареммы, – здесь проходит их граница – и в живом общественном смешении, сохранившемся здесь с далёких времён папских государств. И вечером из Площади Долины, которая напоминает дно чаши, – лучше всего смотреть из самого Витербо – город поднимается амфитеатром, походя на большой улей, весь испещрённый пятнами света, в сотах которого разместились ремесленники, монахи, торговцы, а окружающие бесконечные просторы темнеют. С Корсо и с площади Трав, там, где прогуливается и болтает густая толпа, пока все не возвратятся к ужину, поднимается и кружит густой шум, и только потом запоёт вода. Подул ветерок или потянуло с плоскогорья, и вдруг покажется, что мы на палубе корабля, бросившего якорь во времени и пространстве.

Здесь, войдя через ворота, Флорентийские под охраной крепости Альборноз или пышные Римские, укрывались на ночь путники из Кассии, или же они задерживались на несколько дней, чтобы посмотреть на город, а тот, кто шёл с севера, видел небольшое, но верное предвестие того, что он найдёт в Риме. Ещё и сегодня встречаются уголки, где величие некоторых памятников, не споря со скромностью окружающей их жизни, бросается в глаза, или где освещённые солнцем, покрытые пылью грандиозные и выщербленные стены обезлюделвшей части города заросли вене-

риными волосами, мастиковыми деревьями и приютили в своих углублениях скромную кузню или мастерскую какого-нибудь ремесленника или крестьянина, и думается, что и в Риме должны найтись подобные уголки, которые зачаровывали великих путешественников восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Элеонора Панкратова

Из сокровищницы норвежской литературы

Норвегия – страна маленькая по количеству населения и по квадратным километрам. Но это – большое пространство, если говорить о литературных и духовных масштабах, родина Хенрика Ибсена, Эдварда Грига и Фритьофа Нансена.

Норвегия в настоящее время – одна из самых читающих в мире стран, государственная система которой активно поддерживает библиотеки и издательское дело, особенно некоммерческие публикации, скажем, поэзию и драму, не говоря уже об издании норвежской литературы за рубежом.

Рада представить читателям журнала «Переводчик» три имени, совершенно разных творческих индивидуальностей, но, как мне кажется, не способных оставить равнодушными.

Что знает о норвежском нобелевском лауреате Кнуте Гамсуне большинство из нас?

Это норвежский писатель, который написал «Голод», «Пана», «Викторию». Тот, о котором А. Куприн сказал: «Он пишет так же, как говорит, как думает, как мечтает, как поет птица, как растет дерево. Все его отступления, сказки, сны, восторги, бред, которые были бы нелепы и тяжелы у другого, составляют его тонкую пышную прелесть». В 1917 году за роман «Плоды земли» Гамсун был удостоен Нобелевской премии.

При этом коллаборационист, в период Второй мировой войны «попавший под колеса истории», чья судьба оказалась в связи с этим и трагической и поучительной.

«Аристократ духа», нобелевский лауреат, не закончивший даже средней школы, бродяга, скиталец, странник, неудачливый эмигрант в Америку, которая поразила его своей бездуховностью,

от тяжкого труда и тоски заболевший там туберкулём и приехавший умирать на родину, неожиданно для всех чудесным образом исцелившийся. Крестьянин, как он любил себя называть, потому что и родители, и все более дальние предки его были крестьянами, и крестьянская жизнь, быть, образ мысли были для него идеалом.

Гамсун любил и благословлял земное существование человека, этот краткий и неповторимый миг, и все его творчество насыщено энергией этой любви.

Вашему вниманию предлагается новелла «Александр и Леонарда» из сборника «Борющаяся за жизнь» (1903).

Кнут Гамсун (1859 – 1952)

Александр и Леонарда

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

Была в наших краях протока Глимма. И жил в наших же краях цыган по имени Александр. С Александром мне довелось как-то беседовать в крепости Акерсхюс, куда его заточили за разбой. Недавно я прочел в газете, что опасный преступник умер, не вынес душной тюремной камеры. А мне он поведал о том, как однажды погубил девушки...

Сегодня я размышлял об этой истории и в смятении начал рассказывать ее с середины. А лучше начать с самого начала.

В Нурланне много рыбаков, зажиточных и победнее. Зажиточный рыбак – могущественный человек в здешних краях, у него кошельковый невод для ловли сельди, своя пристань и дом – полная чаша. Он ходит в просторной одежде из добротной ткани, отчего кажется еще более внушительным, – признак того, что в еде он себе не отказывает. Он с легким сердцем платит налоги – священнику и всем остальным, а на Рождество покупает целую бочку спиртного. Его усадьба всегда на виду, дом обшил досками и выкрашен в красный цвет, а оконные рамы и дверь – в белый. Его сыновей и дочерей сразу узнаешь в церкви по нарядной одежде.

Однажды на пристани такого вот рыбака, Енса Олаи, поя-

вился большой цыганский табор. Было это ранней весной. ЦыгANE приплыли на своей лодке, их вожак – старый Александр, по прозвищу Перекати-поле, – был настоящий богатырь, ростом в три аршина. С лодки сошел также молодой парень лет двадцати и пряником направился к дому Енса Олаи попрошайничать. Это был молодой Александр. Случилось это все в моем детстве. Мы, дети, узнали Александра, он играл с нами несколько лет назад, когда был моложе, и мы менялись с ним блестящими пуговицами и разными железками.

Енс Олаи, человек гордый и степенный, никому ничем обязан не был, потому велел цыганам убираться восьсяси; но Александр, он был дерзкий и бесстрашный, уступать ему не захотел.

– Ты можешь получить работу, – сказал Енс Олаи.

– Какую работу?

– Будешь чистить котлы и кастрюли. Кроме того, помогать по хозяйству моей жене и дочери, когда мы, мужчины, уйдем в море.

Александр пошел к лодке спросить совета у своих соплеменников. Вернувшись, он сообщил почтенному Енсу Олаи, что согласен поступить к нему на службу. Видно, что в этой усадьбе есть чем разжиться.

Прошло немного времени. Енс Олаи и его сыновья ушли в море, в усадьбе остались только его жена и дочь Леонарда. Ей было всего двадцать лет.

Молодой Александр вел себя вполне благопристойно. Он взялся приглядывать за коровами и лошадьми, лечил их от разных напастей. Вскоре жена рыбака начала выказывать ему особое свое расположение, хотя ей было уже под сорок. Но цыган отшучивался, у него, дескать, в отцовской лодке осталась возлюбленная и ни о ком другом он не помышляет. Раздосадованная жена рыбака начала шпионить за дочерью, боялась, как бы у той чего не вышло с цыганом. Едва успел сойти снег и земля немного оттаяла, стала она посыпать Александра копать торф на болоте, подальше от дома. С болота, где он смиренno отбывал свою повинность, доносились его непонятные песни. Он был рослый и могучий, этот язычник.

Леонарда говорила с ним редко, он вообще мало что значил для нее, дочери самого Енса Олаи. Но весна – время опасное, и

когда стало по-настоящему тепло, глаза у Александра засияли, как звезды, и, проходя мимо Леонарды, он все норовил задеть ее. Из ее сундука каким-то непостижимым образом стали пропадать вещи, хотя замок на нем был исправный. А потом обнаружилось, что у него отстает дно, и Леонарда обвинила во всем Александра.

— Да не крал я у тебя ничего, — сказал он. — Но обещаю, все будет снова на месте, только не закрывай вечером дверь в спальню...

Она взглянула на него и сказала:

— А не лучше ли завтра тебе убраться подобру-поздорову из нашего дома?

Но уж что-что, а просить цыган умеет, его алые губы, смуглая кожа и глаза хоть кого обольстят. Да и в любовных утехах он непревзойден.

Как-то Леонарда сидела во дворе и вязала, а Александр, проходя мимо, сказал:

— Позволь мне все-таки остаться на торфяном болоте. Я буду стараться, и ни одной дерзости ты от меня не услышишь.

Она взглянула на него и почувствовала, как эти слова прямо пронзили ее. Он снял картуз, и она увидела, что у него густая копна волос и красивый алый рот. И Леонарда сказала:

— Ну да ладно.

И склонилась над вязанием, щеки ее пылали.

Цыган соображал, что делал, когда униженно просил молодую девушку разрешить ему остаться на торфяном болоте. Просто хотел подольститься к ней, ведь он прекрасно знал, что вовсе не она, а мать всем здесь распоряжается.

Дни шли.

Сын местного столяра Конрад был в отъезде, обучался ремеслу отца. Выучился в городе и стал искусным мастером. Жил он на другом берегу Глиммы, и всякий, кому нужен был сундук особо тонкой работы, обращался к нему. Однажды Леонарда решила отправиться к Конраду, и Александр перевез ее на другую сторону.

Она засиделась у юного Конрада, они говорили о новом сундуке, который она приехала заказать, да и о многом другом, ведь они знали друг друга с детства. Потеряв терпение, Алек-

сандр подошел к дому столяра и заглянул в окно. Но тут же отпринул и, разъяренный, ворвался в дом.

Все трое уставились друг на друга. Цыган был похож на скакуна с развевающейся гривой и раздувающимися ноздрями.

— Ну ладно, иду, иду, — сказала Леонарда, чтобы успокоить его.

Мужчины смерили друг друга взглядом, оба молоды были. Александр пошарил за поясом, но ножа при нем не оказалось, и взгляд его погас. Цыган беспомощен без оружия, но, если при нем нож, он смел и безрассуден, может и убить.

Это была первая их встреча.

Через неделю столяр Конрад доставил сундук в дом знатного рыбака. Сундук был слажен на совесть, и замок на нем был новый, хитроумный. Как только Леонарда начала перекладывать в него добро, она обнаружила в старом сундуке пропавшие вещи в целости и сохранности.

— Опять ты, — упрекнула она цыгана.

— Нет, не я, — сказал цыган, и снова солгал, просто так, по привычке.

Столяр зачастил к Леонарде, она угождала его кофе. А цыган умудрялся улучить момент и плонуть в кофейник.

Когда столяр возвращался домой, он шел за ним по пятам как тень.

Мужчины мерили друг друга взглядом, а Александр нашупывал нож.

— Ты зря сутишься, цыган. Сегодня она дала мне слово.

Александр вспыхнул и выхватил нож. Но столяр успел вскочить в лодку и оттолкнуться от берега. А когда оказался в полной безопасности, в нескольких саженях от берега, крикнул, что донесет на бродяг властям.

Дни шли.

Старый Александр, по прозвищу Перекати-поле, снова привели к пристани на своей лодке, чтобы забрать сына, но молодой Александр не захотел возвращаться и стал просить, чтобы ему разрешили закончить службу, как было договорено. Отцу он наплел, что еще много чего наворует в усадьбе, и цыганская лодка отплыла без него.

Однажды молодой Александр сказал Леонарде:

— Уже ласточки прилетели. Не пойти ли нам с тобой на пристань, прикажи мне привести в порядок бочки и снасти, ведь скоро путина.

Леонарда не понимала еще, что с цыганом шутки плохи, она насмешливо скривилась и сказала:

— Ну что ж, пойдем.

Но на этот раз ее насмешка не была суровой, а скрытый смысл его слов не возмутил ее. Она видела, что любовь цыгана становится все горячей.

Не успели они подойти к пристани, как Александр обнял ее и стал целовать в губы.

— Ты спятил, — произнесла она и высвободилась из его объятий, едва не задохнувшись, щеки ее пылали.

— Ну так что, уходить мне завтра со двора?

На сей раз Леонарда ответила ему кротко:

— Смотри как будешь себя вести.

— Впредь это больше не повторится.

Слова своего он не сдержал. Он все время задевал ее и приставал со своими нежностями.

И сердце Леонарды начало уступать смуглому язычнику. Она уже не задирала нос, ни кичилась. Хотя и не сразу ему удавалось подступиться к ней, но потом взгляд ее становился томным и нежным в его присутствии. Все это случилось в ту пору, когда распускается листва и над Нурланном стоят удивительные светлые ночи. Наконец, однажды, на торфяном болоте, она пошла к нему совсем близко — он стоял на самой его середине, — а ведь могла поставить узелок с едой, как и раньше, у края болота. Но ей захотелось подойти к нему поближе.

Мать с ума сходила от ревности, из кожи вон лезла, чтобы дочь как можно скорее вышла замуж за столяра. Леонарда не возражала. Но она была в каком-то радостном опьянении и мало думала о предстоящей свадьбе. Этот бродяга Александр копал торф посреди болота, а она подходила к нему совсем близко, так манила ее молодость его и красота. Бывали дни, когда она и не вспоминала о столяре Конраде, и нельзя сказать, что это были тоскливые для нее дни.

Поздней весной рыбак с сыновьями воротился домой, начались весенние страда, и помочь цыгана была нeliшней. Но к

Иванову дню он должен был уйти насовсем. Теперь ему трудно стало встречаться с Леонардой наедине, по наущению столяра за ним следили братья. Да к тому же любовь прихотлива, она гаснет, если не встречает препятствий, и молодой цыган стал надеяться на Леонарде. Она начала готовиться к свадьбе с Конрадом.

Александр сказал:

— Знай, если столяр появится здесь хоть раз, я убью его.

Но Леонарде цыган уже порядком поднадоел, и она произнесла с насмешкой:

— Да что ты говоришь! А если два, что ты сделаешь?

На Иванов день в доме столяра устраивались танцы, и Леонарда тоже собиралась туда. И в тот же самый вечер Александр должен был навсегда оставить дом рыбака.

— На прощанье перевези меня на тот берег, — попросила Леонарда Александра.

— Зачем тебе туда?

— Это тебя не касается.

Александр собирался уже покинуть усадьбу. Он сложил пожитки в узелок и сказал:

— Я готов.

Они спустились к протоке и сели в лодку. Глимма разлилась и так бурлила, что плыть стало опасно.

Налегая на весла, Александр спросил:

— Ты выйдешь за него?

— Да, — ответила она.

— Это не я крал твои вещи, — сказал он. — Это твоя мать.

Она долго смотрела на него, а потом вспыхнула:

— Вздор!

— Она хотела поссорить нас, но я знал, куда она прятала их, и выкрад их для тебя.

— Врешь ты все, — сказала Леонарда, она и впрямь не поверила ему.

Цыган продолжал гребти, но совершенно обезумел.

— Я не причинил тебе никакого зла, — проговорил он наконец. — Если бы ты захотела, я бы образумился, бросил бродяжничать.

— А мне-то что, — сказала она, желая подразнить его. — Куда это ты гребешь? Нас несет на скалу.

Лодка продолжала плыть по воле волн.

Она вскрикнула.

Он с силой взмахнул веслом, как бы повинуясь ей, и оно сломалось.

Теперь они были полностью во власти стихии.

— Ты нарочно сломал весло, — сказала она, впервые по-настоящему рассердившись.

Он ответил:

— Ясное дело, нарочно. Живой ты не сойдешь на берег.

Вслед за этим раздался пронзительный крик, лодку прибило к скале и ударило об нее. Цыган успел вскарабкаться на скалу. Он видел, как Леонарду несколько раз перевернуло, а потом волны подхватили ее и потащили головой вперед. И водоворот увлек ее на дно.

Их заметили с берега, и цыгана сняли со скалы.

Молодого Александра винить было не в чем. Что поделаешь, просто сломалось весло, несчастный случай, только и всего.

Эту историю я услышал из уст самого Александра, который был заточен в крепость Акерсхюс за разбой.

Эва Себерг (род. в 1931 г.)

Эва Себерг изучала философию и психологию, написала ряд сценариев к норвежским и шведским фильмам. В 1949 году дебютировала романом «Неожиданность». Автор романов «Это я была с ним», «Никогда не будет больше одиночества». Писательница много пишет о любви, не только о любви между мужчиной и женщиной, но и о любви как об универсальной нравственной категории. Новелла «Жизнь такая короткая» взята из сборника «Голубые цветы любви» (1983).

Жизнь такая короткая

Поразительное это все-таки чувство. Как будто бы жизнь по-настоящему еще и не начиналась. Она ничего особенного не достигла, не написала книги, не возвела моста, в жизни с ней не произошло ничего потрясающего, ничего такого, что захватило бы ее целиком. Ей не довелось испытать настоящую любовь, она

только ходила где-то по краю ее бездны; у нее было чувство, что все еще впереди. И вот она отправляется в дом престарелых.

Сидя в автобусе, она пытается осмыслить происходящее: теперь ты стала пенсионеркой, держишь путь в свое последнее пристанище, гордость Лиллехаммера, — новый современный дом престарелых, богадельню, как называли раньше, интернат для пожилых или дом призрения, но, уж как ни назови, богадельня она и есть богадельня. Эллен Борг, шестидесяти семи лет, только что вышедшая на пенсию, покинувшая редакцию газеты, куда пришла, когда ей было всего тридцать, и вот сейчас она на пути в дом престарелых.

Горевать ей, собственно говоря, не о чем, ведь теперь у нее будет гораздо лучшее жилье, чем та квартира, в которой она жила до сих пор. Стоит прекрасный июльский день, она еще успеет погреться на солнышке или начнет сажать осенние цветы, теперь у нее будет маленький садик, шестьдесят квадратных метров, на которых она сможет копаться, — ведь она едет в самый современный, самый «прогрессивный» дом престарелых в стране.

Она хорошо знает этот дом, с самого начала следила за его созданием, давала сообщения о дискуссиях в муниципалитете, оценивала проекты, брала интервью у проектировщиков, геронтологов и попечителей. Она заранее позаботилась о месте для себя здесь и организовала перевозку вещей еще до того, как отправиться в свою последнюю командировку в Данию, — но все стало реальностью только сейчас. Впервые она уже не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник событий, ведь именно ей предстоит жить здесь.

Вытянутые в длину корпуса живописно расположились на лужайке у берега моря, маленькие двухэтажные домики, с запада и востока зигзагами подходящие к центральному зданию, где разместились общая столовая и гостиная, а также небольшая, скрытая от посторонних глаз больничная палата.

Она на мгновенье заколебалась, не зайти ли в регистратуру и сообщить о своем прибытии, но предпочла сразу же направиться к калитке своего садика, ведь ей уже выдали ключ и она имеет полное право пользоваться им. Мысленно она сопровождает саму себя и делает заметки для статьи «Первый день в доме престарелых», хотя прекрасно понимает, что у нее почти нет шансов по-

лучить место на газетной полосе, ведь появилось столько новых молодых авторов.

Квартирка маленькая, чрезвычайно маленькая, как будто архитекторы считают, что с годами человек уменьшается, но она, надо признать, спроектирована очень разумно. В ней есть все, что нужно: спальня, ванная комната, кухня с плитой и холодильником, хотя это все как игрушечное. Единственное просторное помещение – чулан в глубине квартиры, чтобы те, кто переселяется сюда, не должны были бы сразу расстаться со своим имуществом, с прошлым, чтобы каждый мог привезти с собой старую одежду, картины, безделушки, альбом с фотографиями, а потом тихонечко на досуге, в мире и покое, копаться во всем этом. У Эллен целые груды газетных вырезок, которые она собирается рассортировать, а также гора школьных учебников, которые она еще пятьдесят лет назад решила разложить по предметам, но все эти годы они так и пролежали в беспорядке.

Надо бы взять тряпку и протереть мебель, а потом распаковать чемодан. Но вместо этого она расположилась у окна и стала смотреть на маленький скверик со скамейками, уютно расположенными вокруг фонтана, она пытается отыскать взглядом кого-либо из знакомых, надо бы вынуть очки, но ей лень пошевелиться. Она сидит и размышляет, чем же, собственно говоря, она будет заниматься в этом доме, ведь она всегда жила такой полной жизнью. Родители ее давно умерли, своей семьи у нее никогда не было, никакой родни, ни с кем каких-то особенно близких отношений. Строго говоря, она вовсе и не из Лиллехаммера, она родилась и выросла в Осло и жила там до тридцати семи лет, пока однажды случайно не попала на вечеринку в Лиллехаммер и не встретила человека, из-за которого решила покинуть родной город.

Он был учитель. Пока другие танцевали, они сидели рядом на тахте и обсуждали школьные проблемы. На следующий день она ощутила огромное желание продолжить этот разговор. В газете она договорилась, что напишет репортаж о различных типах школ и, следовательно, поедет в Лиллехаммер и снова увидит его. В тот же самый вечер ей на глаза попалось объявление об обмене квартиры – Лиллехаммер на Осло, она откликнулась на

него, сама еще ясно не осознавая почему, может быть потому, что от него повеяло свежим воздухом, тихой, спокойной жизнью.

Из того вечера ей больше всего запомнилось, как он сидел рядом с ней, сняв ботинки, в одних носках, и получилось, что, немножко опьянев, как бы невзначай, она, когда они сидели рядом на тахте, протянула руку и положила ее на его сухую и теплую ступню и держала ее там, пока они обсуждали школьные проблемы. Но ведь не может же служить основанием для перевода в другой город то, что однажды вечером они сидели рядом и она держала его за ногу.

И все же именно так она и поступила, потом начались ее прогулки по близлежащему лесу, ведь он говорил, что любит гулять здесь, и даже описывал любимые тропинки. Иногда, а собственно говоря, довольно часто, она как бы невзначай встречалась с ним, и они продолжали прогулку вместе. Ее мало заботило, что он был женат, в ее среде это не считалось большой помехой для романа. Ее гораздо больше огорчало то, что она не может пригласить его к себе домой, ведь соседи тут же бы узнали школьного учителя, и начались бы пересуды. Лес тоже не был таким уж надежным укрытием, складывалось впечатление, что жители Лиллехаммера были необычайно привязаны к своему лесу и исхаживали его вдоль и поперек в поисках грибов и ягод, собирали мох и кустики бруслики к рождеству. Ни летом, ни зимой невозможно было найти укромное местечко. Прогулки продолжались, они шли рядом, вели беседы, иногда садились бок о бок на камень, брались за руки, наклоняясь друг к другу с каждым разом все ближе.

Она ничуть не удивилась, когда однажды он поцеловал ее. И, напротив, была поражена, когда во время их следующей встречи он вдруг заявил, что раскаивается и что они не должны больше встречаться, так как он никогда не уйдет от своей семьи и никогда не предаст своих близких. Она смирилась, а что же ей оставалось делать, она даже сумела убедить себя, что он еще более вырос в ее глазах, ведь он не из тех, кто способен на предательство.

Теперь все свои силы она стала отдавать работе и постепенно продвинулась до корреспондента, аккредитованного за рубежом: сначала – в Париже, а потом – в Лондоне. Ее квартира в

Лиллехаммере была похожа на пустую, безжизненную раковину, она редко бывала в ней. И все же иногда она позволяла себе воображать, а что бы было, не будь он женат или будь она более настойчивой, но она всегда отдавала себе отчет в том, что это всего лишь мечты и фантазии, а не реальность. Впрочем, такое отстраненное отношение к происходящему она воспринимала как издержки своей профессии, ведь она всегда была немного в стороне от жизни, всегда была только наблюдателем и никогда – подлинным участником событий. Даже в Ливане, когда она бежала к телефону через улицу, на которой шла перестрелка, ей не приходило в голову, что ее тоже могут убить, ведь эта война лично ее не затрагивала, она только писала о ней репортажи. В этом смысле этот дом престарелых, или там интернат для пожилых, – не ее. Она по-прежнему смотрит на все происходящее как бы со стороны.

Она немножко устала и проголодалась. В магазин идти поздно, ее кухонька подождет до завтра, а сейчас она отправится в общую столовую. Она пойдет туда с удовольствием, обстановка там приятная, еда вкусная, можно встретить прежних знакомых, многие из них не старше ее самой. Один из принципов данного учреждения заключается в том, чтобы постояльцы селились здесь как можно раньше, чтобы жизнь для них не состояла лишь из ожидания болезни и смерти.

Выходя из столовой, она замечает, что один из посетителей уносит с собою поднос с едой. Они идут вместе по коридору, который спланирован так, чтобы не напоминать больничный; то там, то здесь расположены уютные уголки отдыха, разные закутки, где жители пансионата могут спокойно побеседовать друг с другом. Они проходят мимо лестниц, ведущих в квартиры на второй этаж, квартиры там еще меньше, чем на первом, но зато в каждой из них просторный балкон.

Когда она узнала, для кого поднос, то остановилась, пораженная. Начала расспрашивать: неужели он живет здесь? И давно? Живет один? Когда умерла его жена? Почему же он не спускается в столовую? Неужели так плохо себя чувствует?

Она просит разрешения взять поднос и отнести ему еду. Ведь они с ним старые друзья, ей хочется повидать его, рассказать, что она тоже здесь. Она внушает себе, что относится к этому

совершенно спокойно, что интерес ее чисто дружеский, не более того, но, поднимаясь по лестнице, неожиданно замечает, что стоящий на подносе стакан и столовый прибор дребезжат и ходят ходуном, как во время землетрясения. Она звонит в дверь, сердце ее сильно колотится, как будто она поднялась на десятый этаж.

— Это ты? — спрашивает он. И по его лицу видно, что он рад ей. — Ты вернулась, — говорит он. — Я так тосковал по тебе.

Она входит к нему. Накрывает на стол. Вспоминает, как когда-то она мечтала об этом: накрывать для него на стол, подавать еду, а потом просто тихо сидеть и смотреть, как он ест.

Он изменился, естественно, он изменился. Она ясно помнит, каким он был тогда, когда она впервые встретила его: похожий на мальчишку, в желтой рубашке с открытым воротом, хотя ему тогда уже было за сорок. Она помнит его походку, он ступал по лесу легко, как будто бы шел на цыпочках. Она часто говорила ему, что он идет, будто тигр крадется сквозь джунгли. Теперь он стал более грузным, голова, покрытая густой шевелюрой, словно увеличилась, теперь он уже ничем не напоминает тигра, скорее — усталого льва; ест он неопрятно. Она помогает ему и замечает, что руки у него дрожат, а глаза мутные. Но все-таки это он, его лицо, его голос.

Я так ждал тебя, — говорит он. — Я знал, что ты вернешься.

Он встает из-за маленького столика, за которым сидел, и обнимает ее, так естественно, как будто делал это сотни и тысячи раз когда-то давно. И вот они садятся рядышком на диван, разговаривают мало. Она вглядывается в каждую новую, незнакомую морщинку на его лице, и ее охватывает волнение, а когда вечер подходит к концу, они уже не чужие друг другу.

Она приходит к нему каждый день. И никто не обращает внимания, ведь здесь это обычное дело, что здоровые помогают больным. Все быстро привыкли к тому, что она стала заботиться о нем, приносila еду, отдавала белье в стирку, выполняла его поручения, приносila почту и газеты. И она могла находиться у него сколько угодно, в конце концов, у них появилось пристанище и дверь, которую можно было запирать, чтобы никто не видел и не слышал их.

Однажды утром он не смог встать с постели. Он простудился, пьет лекарство. Простуда проходит, но он не встает с постели.

Она сутками не отходит от него, взяла на себя всю заботу о нем, моет, бреет, подстригает волосы.

Однажды он называет ее Элсе. Она поправляет его: Элсе – так звали его жену.

– Помнишь ту весну, когда мы ездили с тобой во Францию, – говорит он. – А помнишь тот домик в Крагерё, как мы рыбачили там летом. Подумать только, ты вернулась, – говорит он.

– Ты ошибаешься, – возражает она. – Ты нас перепутал. Я – не Элсе. Я – Эллен.

– Эллен, – повторяет он. – Что ты можешь знать об Эллен. Между нами ничего не было. Абсолютно ничего уверяю тебя. Абсолютно ничего. – Произнося это, он держит ее руки в своих.

Эта зима стала для нее зимой счастья и страха, ревности и отчаяния. Она рядом с ним, но, тем не менее, далека от него. Он видит и слышит ее, но в его сознании зрительные образы и слова причудливо преломляются – не ее видит, не ее слышит он. С каждым часом, который она проводит рядом с ним, каждое ее движение, каждое проявление нежности заставляет его испытывать все большую и большую любовь к своей покойной жене.

– Я и не подозревал, что ты можешь быть такой терпеливой, – говорит он, и все прежние обиды и неурядицы его супружества отступают. Он лежит в постели и вспоминает свою совместную жизнь с женой как один прекрасный длинный летний день. В его памяти всплывают все новые и новые подробности.

Каждое утро она дает себе слово: не пойду туда больше. Никогда не пойду к нему. Он будет лежать и думать, что я покинула его – что это его жена покинула. Пусть лежит, тоскует по ней, считает, что она обманула его. Не пойду туда.

Но она все-таки идет. Она должна его видеть. Ей необходимо прикасаться к нему, помогать ему, быть рядом. Она только что переехала в дом престарелых, жизнь как будто бы только началась и уже проходит так быстро. И вот однажды ночью наступает конец.

Она едет вместе с ним в больницу, где он умирает, не выпуская ее руки из своей и повторяя имя своей жены.

Марион Коксвик (род. в 1939 г.)

Марион Коксвик также уроженка Осло. Она – психолог по образованию, – автор трех прозаических книг: «Книга Эвы» (1983), «Пир в мирное время» (1989), «Единственным другом Мерилин Монро был ее кот», 1995 (Рус. пер. «Церковная кафедра, Мерилин Монро... Кот Густав Малер», 2005) и семи сборников стихов: «Элегия Дагни Юэл» (1997), «Звезда для маленькой планеты» (1998), «Прощай столетие» (1999), «Ода Бетховену» (2000), «Натюрморт с Эвридикой» (2001), «Русалка» (2002), «Свидание с морем» (2004).

В последние годы Марион отдает предпочтение весьма своеобразному и, быть может, неожиданному жанру – жанру афоризма.

Ее перу принадлежит целая серия сборников: «Афоризм – всегда единственное дитя» 2004, «Одно мгновенье способно изменить целый мир», 2005, «Полевые цветы – дочери свободы», 2006, «И печаль, и радость – как два крыла бабочки бытия», 2007, «Солнце – вот наш лучший учитель», 2008, «Океан – нервная система нашей планеты». Афоризмы, 2009, «Воздух – дыхание вселенной». Новые афоризмы, 2010.

Представляем вниманию читателей подборку из двух ее последних сборников.

«Океан – нервная система нашей планеты». Афоризмы (2009)

Нам надлежит испытывать священный трепет и перед старыми деревьями.

Весне не нужен будильник.

Наедине с природой ты никогда не одинок.

Овца – пролетарий среди животных, а лошадь – раб.

Если рядом с тобой хотя бы птица, ты уже не одинок.

Природа не нуждается в здравом смысле.

Бери пример с лосося: он всегда плывет против течения!

Порой и пакт попадает в собственную сеть.

Некоторые наслаждаются тем, что уничтожают классику.

Мы, норвежцы, должны благодарить Италию за Ибсена, а Кавказ за Гамсуну.

Неужели даже Достоевского вытеснили комиксы?

Первая фраза в книге должна быть несомненным открытием.

Ибсен приобрел мировую известность благодаря тому, что писал о троллях.

Если бы Ибсен стремился к чистописанию, он никогда не создал бы произведения мирового уровня.

Когда же исследователи окончательно откроют Ибсена?

Норвегия – это страна, которая сумела создать современную драму – благодаря Ибсену, современный роман – благодаря Гамсуну и современную живопись – благодаря Мунку.

В наше время ни Гамсон, ни Достоевский, пожалуй, не были бы приняты в союз писателей, а их книги не печатались бы большими тиражами.

Наверное, есть какой-то глубокий смысл в том что, и Фрейд и Гитлер родились в Австрии?

Вот интересно, что в наше время порядок нормальной жизни определяют психопаты.

Вся американская психология – это психология приспособленчества: приспособленчества к войне в Ираке, к моральной деградации.

Трудно не стать шизофреником в нашем шизофреническом обществе.

Старайся быть чуточку умнее словаря.

Едва ли можно назвать Фрейда чисто кабинетным ученым.

Так уж повелось, что хорошие идеи часто попадают в плохие

руки.

Кое для кого дом – это лишь место ночлега.

Если у человека нет духовной жизни, он становится рабом своего тела.

Самое утомительное на свете занятие – ничего не делать.

Самое незабываемое в жизни – это впечатление от первого поцелуя.

Добрая ссора может быть лучшей формой дружеских отношений.

Дьявол способен петь так, будто за спиной у него ангельские крылья.

Следует различать подлинные и фальшивые искушения.

Будь миссионером только для себя самого.

Пожалуй, дьявол – лучший знаток библии.

Пришло время, когда дьяволу не нужны наши души: он охотится за нашими деньгами.

Сегодня у нас ситуация, противоположная той, что была во времена Делакруа: Свобода не ведет за собой людей, она на против, преследует их.

Человечество никогда не было столь невежественным, как с наступлением эры Интернета.

Если у жулика возникает шанс появиться на телевизионном экране, то уж он-то его не упустит.

Умение произносить правильные слова в правильном месте не всегда является «правильным».

Зачастую самые неблаговидные сплетни делают человека «прославленным».

Сейчас банки ведут себя как побиушки.

У капитализма много общего с «Титаником».

Сегодня людей сжигают не на костре, а в средствах массовой информации.

Творящий зло быстрее старится.

В наше время бывает не только блудный сын, но и блудная мать.

Некоторые полагают, что сексуальная свобода – это и есть настоящая СВОБОДА.

Можно изнасиловать взглядом.

Совет любящим: Не наносите друг другу уколы.

Во имя «феминизма» многие женщины утратили свою «феминность», то бишь, женственность.

Может быть, каждый любит в другом свое воображаемое «я»?

Мошенник – он и в постели мошенник.

Слишком много любви еще хуже, чем ее недостаток.

Не только Сталин, но и император Нерон любил играть в суде со своей маленькой дочкой.

**«Воздух – дыхание вселенной».
Новые афоризмы (2010)**

Россия дышит Пушкиным.

Делакруа – это Маяковский французской революции.

Московское метро – народный собор.

Все знают, кто такой Бахтин – профессор из Саранска, но никто не знает, где находится Саранск.

В России даже сам царь подвергся преследованию.

Некоторые полагают, что всю мировую историю можно пересказать как некую смешную байку.

Швейная машинка Зингер, вот уж это подлинная певица.

И города могут быть недругами.

Что нам Дракула, когда у нас есть Гитлер.

Есть люди, готовые бороться даже за права акул.

Не ты имеешь долг, это долг имеет тебя.

Кажется, сегодня дьявол получил доступ к моему компьютеру.

Дом может быть настолько ультрасовременным, что жить в нем просто невозможно.

Фашизм проиграл, но дело его живёт.

Алчности огромна пасть – весьма легко в нее попасть.

Капиталист даже жену свою называет сокровищем.

Пристрастие к азартным играм – это заразная болезнь.

Воображаемый враг страшнее настоящего.

Порой стену из предрассудков обрушить труднее, нежели берлинскую стену.

Неужели воздушный замок лучше настоящего?

Задешево отдаваться дьяволу может дорого Вам обойтись.

Не пугайся своего страха – он желает тебе добра.

Страх – это подготовка, это – движущая сила.

Не всякая спящая красавица жаждет пробуждения.

Есть пожилые дамы в сорок и молодые в – шестьдесят.

Кто сказал, что мать лучше всех понимает своего ребёнка?

Без русской литературы не было бы ни нашего Гамсунна, ни нашего Ибсена.

Пер Гюнт – это наша норвежская Одиссея, а Сольвейг – это Пенелопа.

Геда Габлер – это и Анна Каренина, и Настасья Филипповна

из «Идиота».

Тот, кто любит книги, никогда не будет одиноким.

Кажется, никто так не изобразил американскую душу, как Мелвилл в «Моби Дике».

Порой в зале суда трудно увидеть различие между насильником и судьей, между обвиняемым и обвинителем.

У секса должно быть духовное содержание.

Для некоторых женщин секс что осенняя пахота.

«Белая ворона», говорим мы о странном человеке, но ведь и птицы могут сказать о своем собрате: «Придурак», прямо как человек.

Вы уверены, что «чувствовать себя как рыба в воде» так уж хорошо для самой рыбы?

Птицы тоже порой поют из любви к искусству.

И слепая курица может нести яйца.

Люди научились многому у ворон, а вороны у людей.

Сверкание Северного сияния – это улыбка Всевышнего.

Некоторым кажется, что они знают о муравьях больше самих муравьев.

Во всех нас есть что-то акулье.

Из всех животных самое человеческое лицо у верблюда.

И кит умеет петь.

Дикие звери – это наши старшие братья, а птички – младшие сестрички.

И крохотная креветка способна на большую любовь.

Лина Нейгауз (род. в 1936 г.)

«Вариации прекрасного»

От автора. Родилась в 1936 году в Одессе. За исключением трех лет детства в эвакуации в Сибири (1941 – 1944), всю жизнь жила в Москве. В 1993 году переехала к детям в США. Кандидат наук, автор более 40 печатных работ в области технологии и физики полупроводников. Автор художественных произведений «Вариации прекрасного», «Страна Сапфир», «Сколько раз...» (сборник рассказов). Дополненная третья часть книги «Вариации Прекрасного» издается отдельной книжкой под названием «Таня – имя нарицательное» в переводе Анны Крушельницкой.¹

О «Вариациях Прекрасного»². Книга знакомит читателей с искусством и биографией самобытной художницы Ф. С. Нейгауз и страницами жизни одного из первых российских генетиков М. Е. Нейгауза (её мужа, погибшего на фронте в 1941 году). Первая часть книги содержит уникальный историко-биографический материал. Во второй части представлено более ста репродукций картин художницы, своеобразный стиль которой не спутаешь ни с каким другим. В последней части помещены немудрёные и вместе с тем увлекательные детские истории. Рассказанные с трогательной непосредственностью, с юмором и слезами, с редкостными подробностями и деталями быта, эти истории являются также и объективными свидетельствами ребёнка (дочери художницы) об участии двух поколений людей, живших в советской России.

Из книги «Вариации прекрасного». Часть III.

**Перевод с русского на английский
Анны Крушельницкой**

Once upon a time there was a girl named Tanya. She lived, before and after the War, in the happy sunny city of Moscow. In the be-

¹ Перевод выполнен при участии автора – Лины Нейгауз (прим. ред.).

² Из предисловия редактора книги М. С. Файгензона (прим. автора).

ginning of the War with Nazis, in July 1941, Tanya's father went to the battle-front and was killed, and her mama with her children (Tanya who was five, Nadia who was seven and Gena who was three) left for Siberia. It was called evacuation, and it lasted three years. Tanya was a happy girl; during all those different times different things happened to her, and she met different nice people, and everything described here really did happen, exactly as described!

One Winter Day in Siberia

An izba on the edge of Ukrainka the village. Morning. It is cold in the izba. There is no fire in the stove yet. The windows are covered with thick ice. Mama is hurrying off to work and waking up her children: "Get up! It's time already!" Mama works as a teacher in the orphanage for the German children. They came from the German settlements deported from the Volga region in the beginning of the War. Mama's three kids also spend a lot of time in the orphanage.

Breakfast at the orphanage. There are hot millet porridge, bread, and tea on the long wooden tables. The children are always hungry, and after their meals they are crawling under the tables and picking up crumbs. Tanya does the same thing, too. A small boy, skinny as a stick, is crying and asking for food in a language half-German, half-Russian: "Essat', essat'!" It reminds Tanya of her brother Gena who keeps crying "Hoogar, hoogar!" ("Sugar, sugar!") After breakfast they have a medical procedure: the children have scabies. One after another they take all their clothes off, and Mama has every child stand on the table. With her fast capable hands she rubs stinky black ointment energetically into their thin little bodies. Tanya, to her regret, has only very few pustules between her fingers, and she proudly rubs the ointment into them herself.

Done with the medical things, Mama begins a singing lesson. The children make a half-circle in front of Mama and repeat different wonderful songs after her. Tanya loves singing very much. Keeping her eyes glued to her mother, she is trying to sing louder than everyone else. Inadvertently, she moves more and more to the front, closer and closer still to her Mama. Mama knows many songs. She grew up in the Ukraine, and some of her songs are Ukrainian: "Unharness your

horses, young men, and lie down to rest,” “Mama went to fetch some water for her children,” “Ooh, over the grove, over the green grove”.

There’s a song about the sunrise and trembling cattails, about ducks and fishermen:

The wind woke up; it wrinkles and disturbs the water,
The ducks flew by noisily and disappeared,
Far, far away a bell is ringing,
And fishermen woke up in their hut of twigs...

(The lyric by Ivan Nikitin)

Then there’s this one:

It’s not wind we hear roaring over the woods,
It is not streams we hear running down the hills,
It is Frost the Lord The boss
Walking around his domain with an inspection...

(The lyric by Nikolay Nekrasov)

But Tanya’s favorite one is about the arrival of spring:

No wonder winter is angry;
Her days are gone!
Spring is knocking on the window,
Chasing winter away from the streets!

After the singing lesson the kids are allowed to go outside to play. There, the main attractions are a large pile of kitchen waste and a vegetable garden behind the kitchen of the orphanage. Together with other children, hungry Tanya finds and is munching on “delightfully” sweet frozen potatoes and “inimitably tasty” half-translucent frozen cabbage cores, sticking out of the ground. After outside playtime they have lunch: millet soup, potatoes with oil, bread, donuts, and tea.

Right after lunch, a villager came running over and brought terrible news. Far away outside the village fence someone found Dina Rozhdestvenskaya, murdered. Everyone rushes over to the other side of the village, to the house where Dina’s body was brought. By the fence there is a small sled; something wrapped in a white sheet is lying on it.

This is what happened. Dina, one of the evacuees, stayed with her four-year-old son in a house owned by two sisters. Dina's husband was a high-rank army officer serving at the battle front, and so she received a big monthly pension. The two sisters whose house she lived in killed her for her money. Motya, the older sister, was the instigator and the main perpetrator of this crime. She called Dina to come into their cellar at night and murdered her with an axe. Together the sisters took the dead body far out of the village bounds on their sled. They tried to clean up the cellar afterwards, but some of the potatoes stored there stayed covered in blood. The sisters told Dina's little son that his mother went away to town, and he was waiting for her return patiently. In two days the omnipresent village boys noticed blood on the snow outside the village fence, followed the tracks and found dead Dina buried in the snow. The children learned all this from listening to the people in the crowd.

Getting back to the orphanage, they had a reading and writing lesson. Mama was teaching those, too. The paper children used for writing were thin, almost rice paper thin, pages of some book with complicated incomprehensible text on them. They wrote between the lines. There was an abundance of ink: children made ink themselves, mixing soot from the stove with water. If they added less water, the ink turned out dark-brown; with more water it almost became disappearing ink, light mauve in color. Sometimes the kids chanced to find an indelible pencil and made ink by dissolving its lead.

Mama's teaching tenure was coming to an end. The day before a group of Kalmyks were driven through the village. They were exiled from Kalmykia for high treason. Some grown-ups scared the orphanage kids with the tale that Kalmyks eat children, but still children stood there on the curb alongside adults and stared at the group of tired slant-eyed people slowly plodding on. One of the people, a young and pretty Kalmyk woman, turned out to be a schoolteacher, and she was to stay in the village, to Mama's great excitement.

They walked home from the orphanage in the dark. When they stepped outside, the wind hit Tanya in the face so hard that she choked on it, started spinning like a top and would probably never be able to inhale again had her Mama not hugged her close to herself. At home Mommy started a fire in the stove and made wonderful pancakes of potato peels that she'd kept from yesterday's dinner. Tanya was warm,

full, and comfortable. She fell asleep right at the table and did not feel Mama picking her up and putting her to bed.

The next day a disaster struck. Together with her co-workers, Mama worked outside in the windy and freezing weather, carrying sacks of potatoes into the orphanage. By the evening she was in bed with a high fever, and then she swelled up (later Mama told that she'd had acute nephritis, which means kidney failure.) She had to be taken to the hospital, and the children remained behind alone. Mama made an arrangement with the woman who owned the izba they lived in, and every morning she would bring the children a jug of milk and hot potatoes. During the day they ate at the orphanage. This was how they lived for an entire month. And then Mama came home, and life became perfect once again!

Дебют

Дарья Белокрылова, студентка 4-го курса Литературного института имени А. М. Горького

Дарья Белокрылова – кандидат в члены Союза переводчиков России. Лауреат конкурсов «Новые имена Москвы» и «Новые имена России» (2001 г. и 2004 г.), III, IV, V, VI и VII Московского городского конкурса детско-юношеского литературного творчества «Волшебное слово» в номинациях стихи, переводы и журналистика, «Территория мира и согласия» Комитета межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы (2007 г.), московского городского конкурса творческих работ «Нет фашизму!» (2005 г.) и конкурса «Радуга победы» в номинации «Литературное творчество» (2005 г.), лауреат V московского детского фестиваля искусств и ремесел «Мастера», I и II фестиваля «Дети третьего тысячелетия» (проводится Независимой писательской ассоциацией «Лягушка Ориолы» совместно с СП Москвы и Клубом писателей ЦДЛ), дипломант фестиваля «Юные таланты Москвы» (2005 г.), победитель I конкурса молодых поэтов Солнцева, конкурса детских телевизионных сюжетов «Сделай мир добре» (2002 г.), фестиваля «Переделкинские встречи» (2006 г.) и др.

В данном номере журнала представлены поэтические переводы автора с итальянского, французского и корейского языков. Редакция журнала «Переводчик» желает Дарье дальнейших успехов в постижении мастерства художественного перевода!

Лоренцо Стеккетти

Перевод с итальянского

В вечернем воздухе

В вечернем воздухе, который сеновалом,
Ночного сыростью и пашнями пропах,
Мы поднимались вместе горным перевалом,
Пока цикады стрекотали на лугах.
Глядела в высь ты голубиным взглядом,

Молясь безмолвно звёздам, бывшим рядом.
И я, поняв без слов твои печали,
Влюбился, потому что мы молчали.

*****

Когда с деревьев листья опадут,
И ты придёшь разглядывать кресты,
Чтобы моё увидеть имя тут,
Вокруг тебя распустятся цветы.

Ты, в косы их вплетая, собери,
Поросшие из сердца, изнутри:
То песни, что остались тишиной,
Слова любви, не сказанные мной.

Луиза Дюбук

Перевод с французского

Прогулка

Позволь-ка мне пройтись
По твоей тропинке цветущей.
Маргаритки у ног поднялись,
И растут клубничины в гуще.
К ласточкиной мове
Прислушиваясь неловко,
Спрятавшуюся в листве
Нашла я божью коровку.
Позволь-ка мне пройтись
По твоей тропинке цветущей.
Гусеницы спать улеглись
Под голос жабы поющей.
Далёкого дома стена
Меня защищает от лиха.
О том, что я не одна,
Шепчет мне ветер тихо.
Позволь мне примять траву,

Цветущую осторожно.
Клубнику в саду сорву,
Тебе принесу, возможно.
Далёкого дома стена
Меня защищает от лиха.
Не ищи меня дотемна,
Мне здесь хорошо и тихо.

Ин-Хван Пак

Перевод с корейского

Когда проходит время

Хоть звук её имени стёрся сейчас,
Но помню сияние пристальных глаз.
Когда дует ветер, и ливень, хмаръ,
И прошлого тени бросает фонарь,
Я думаю только всегда об одном,
Не в силах забыть эту ночь за окном.
Пусть время в воронку забвения льётся,
Но то, что прошло, в нас навек остаётся.
Я летнее озеро помню и арки,
Что свили из веток осенние парки,
Скамью, куда падали листья стрелою,
Землём становились на зимнем привале,
Черёд уступая свой новому слою,
Чтоб листья иные его покрывали.
Любовь затерялась в пластиах листопада,
Но в памяти сердца осталась прохлада.

Юн Донг Джу

Пролог

Пока ещё не там я, где звезда,
Хочу взирать на небо без стыда,
Хочу с любовью я на всё смотреть,
Чему придётся скоро умереть,

И трепетать, как листья на ветру,
И верить, что уж я-то не умру.
Что призван в одиночестве идти
По только мне суждённому пути,
Что не сбьюсь с него, хоть он не прост,
Что ночью ветер достигает звёзд.

Пак Мок Квол

Путник

Вдоль пшеничных полей,
Через реку вброд,
Как луна в облаках, человек идёт
По пути протяжённостью в триста ли¹
Сквозь селенья, в которых созрело вино,
Как луна в облаках в стороне от земли,
Человек идёт, а вокруг темно.

---

¹ Ли – 4 км (прим. переводчика).

Елена Принеслик

Жизнь в ритме фламенко: роман Аны Кастильо «Очисти мою любовь, как луковичку»

Ана Кастильо (род. 1953) принадлежит к числу авторов, представляющих современную чикаго литературу – интересное, самобытное направление в культуре США, характеризующееся, по словам известного российского критика Мадины Тлостановой, «крайней многосоставностью, интенсивным культурным взаимодействием фронтирного характера, гибридностью индейских, испанских, мексиканских, англосаксонских элементов внутри своего поля» [2, с.166]. Перу А. Кастильо принадлежат несколько поэтических сборников, две пьесы, эссе, рассказы. Однако не будет преувеличением сказать, что наибольшую популярность писательнице принесли ее романы «Письма Микскуагуалы» (*The Mixquiahuala Letters*, 1986), «Сапогония» (*Sapogonia*, 1990), «Так далеко от Бога» (*So Far From God*, 1993), «Очисти мою любовь, как луковичку» (*Peel My Love like an Onion*, 1999) и «Зашитники» (*The Guardians*, 2007).

В качестве заглавия книги «Очисти мою любовь, как луковичку» (*Peel My Love like an Onion*, 1999) Ана Кастильо использует название одного из стихотворений своего сборника «Я прошу о невозможном» (*I Ask the Impossible*), в котором она сравнивает любовь с луковичей, состоящей из бесконечных слоев эмоций. В романе, исследующем тему любви во многих ее проявлениях – любовь мужчины и женщины, любовь матери и дочери, любовь к себе – нашла отражение и страсть самой писательницы к музыке. Так, в 1981 Ана Кастильо создала и руководила группой исполнителей фламенко. В это же время она положила на музыку некоторые из стихов своего сборника «Приглашение» (*Invitation*) и исполнила их на художественном фестивале Сохо в Нью-Йорке (1982).

Главная героиня романа мексикано-американка Кармен Сантос, известная чикагская исполнительница фламенко. В том,

что привлекательная и темпераментная латиноамериканка добивается успеха на танцевальном поприще, пожалуй, не было бы ничего необычного, если бы не одно обстоятельство: Кармен – инвалид. Перенесенный в детстве полиомиелит навсегда оставляет девушки хромой. Многие критики и читатели справедливо обращают внимание на параллель истории Кармен с судьбой известной мексиканской художницы Фриды Кало.

На страницах романа писательница позволяет проследить наполненную творческими взлетами и разочарованиями, яркими страстями и периодами пронзительного душевного одиночества жизнь героини, вопреки обстоятельствам сохранившей веру в себя и добившейся успеха.

В детстве Кармен – неуверенная в себе, страдающая от недостатка материнского внимания девочка. Она посещает школу для «каlek», как называют героиню и ее одноклассников окружающие. Но появление в школе учительницы танцев мисс Доротеи навсегда изменяет судьбу девочки. Мисс Доротея настойчиво внушает своим ученикам, что они *могут* добиться всего, чего захотят. Кармен навсегда усваивает этот урок и прилежно учится танцевать.

Ниже приведен отрывок из главы I, в котором рассказывается о первом уроке танцев с мисс Доротеей.

«<...> Кармен, выйди вперед, встань перед классом, пожалуйста. Вот так, дорогая. Не торопись. Не бойся». Мы были на уроке танцевальной терапии. В то время это называлось так – класс физической реабилитации. Занятия лишь отдаленно напоминали уроки танцев, и все же они были организованы, чтобы на самом деле вдохнуть жизнь в наши предавшие нас тела.

Ее звали мисс Доротея. «Мисс Доротея, я не могу ходить без костылей». – «Глупости! Глупости!» Она аккуратно отложила мои костыли в сторону, но так, чтобы я не могла до них дотянуться. Она включила запись Карлоса Монтайи, известного гитариста фламенко. Чья это запись, мы знали, потому что она сама сказала «Это музыка Карлоса Монтайи, известного гитариста, исполнителя фламенко». Я никогда не слышала эту мелодию раньше. Я почувствовала дрожь в ногах. В живой ноге и в мертвой.

«Кармен, ты знаешь, что есть знаменитая опера, названная

твоим именем?»

Мисс Доротея подняла мои руки. Руки у меня были сильные. «А сейчас, Кармен, прекрасная юная цыганочка, сложи руки вместе вот так». Одноклассники захихикали, однако, как правило, на таких занятиях ребята не смеялись друг над другом, поскольку знали, что очередь дойдет до каждого.

Мисс Доротея начала исполнять пальмас и питос¹, ритмические хлопки и щелчки пальцами и ладонями. Она грациозно, словно фламенко, держала шею. У нее была прекрасная кожа. Мне вдруг показалось тогда, что ничего во мне уже нельзя исправить. Кем я была? Убогое создание с цветастым, как у жены польского фермера, платком на голове, в старом, великоватом мне, мамином пальто с отвратительным, как крыса, белым крольчим воротником, поддерживающая видавшими виды костылями.

Мои волосы всегда были сальными, а мама все твердила, что мне не следует мыть голову каждый день. Мне была необходима помощь, когда я мыла волосы, согнувшись над кухонной раковиной, так как ни таз в ванной, ни душ мне не предлагались. Я взрослая, и мне хотелось, чтобы мама делилась со мной своими женскими секретами, теми таинственными предметами в ванной комнате, которые, я знаю, принадлежали только ей, предназначение которых нуждалось в объяснении, и на которые я тоже могла бы претендовать. Но мама не потрудилась даже рассказать мне о тех естественных изменениях, которые происходят в организме каждой девочки-подростка. «Возьми туалетную бумагу», – буркнула она, как будто дать гигиенические средства тринадцатилетней дочери означало попросту выбросить их в мусор. На следующий день я получила помощь в школьном медпункте.

Сейчас эта красивая женщина с молочно-белой кожей хотела, чтобы я повторяла ее движения, движения полноценного человека. Она решила посмеяться над нами, сделать нас еще более нелепыми в глазах друг друга? Не достаточно ли того, что мы чувствуем себя нелепыми каждый день, покидая безопасный мирок наших маленьких жилищ и становясь объектом досужего внимания обывателей?

¹ Элементы создания ритма во фламенко: пальмас (palmas исп.) – хлопки ладонями (глухие и звонкие), питос (pitos исп.) – ритмические щелчки пальцами [3].

«Кармен... Кармен! Пожалуйста, делай, как я прошу. Просто попробуй, хотя бы раз...»

Мелодия обвивала мои ноги, живую ногу и мертвую. Я взглянула на своего друга Альберто, единственного ученика в нашем классе, который тоже знал испанский. Он был из Пуэрто-Рико. Он грыз ногти. Он думал, что из нас двоих смелой была я. Если я не сделаю это, он точно не сделает это никогда.

Альберто не знал, как вступить в разговор. Учителя считали его глухонемым. Они говорили прямо при нем, что Альберто глух и нем. А он просто не знал и не понимал английского.

Я сложила поднятые руки так, как это сделала мисс Доротея. Я сосредоточилась на звуке гитары, доносявшемся из проигрывателя. Я ничего не знала о музыке или о том, чему эта женщина хочет научить нас. Я просто пыталась делать то, что делала она, просто для того, чтобы она поскорей отпустила меня и выбрала кого-то другого. Я старалась в тот момент прилежнее, чем когда-либо раньше. Я не могла нормально ходить, а меня попросили танцевать. Но я буду танцевать. Я буду танцевать для Альберто, маленького немого мальчика из Пуэрто-Рико (который во все не был немым). Кармен-калека могла танцевать. А почему нет? Почему бы и нет?

«Не смотри на других, Кармен. Просто сосредоточься, дорогая, хорошо? Делай, как я». Стройной длинной ножкой мисс Доротея сделала перекрестный шаг вперед.

Я стояла на здоровой ноге и держалась прямо, как мисс Доротея. Мне хотелось, чтобы на мне было такое же длинное платье, как на ней, чтобы никто не мог видеть, что я собираюсь выставить вперед: не прекрасную проворную ногу, как у нее, а деформированный отросток, заключенный в металл. Мисс Доротея легко поставила левую ногу перед правой. Моя левая нога сначала двинулась в никуда, не взирая на все сигналы, которые я мысленно ей посыпала. Я начала мои привычные переговоры с небесами и прочитала про себя «Аве, Мария». Я обещала пойти на воскресную мессу в семь утра. И вот, в конце концов, может быть благодаря этому обещанию или в качестве вознаграждения за мое упрямство, моя больная нога сдвинулась на несколько дюймов. Я раздраженно опустила руки вниз и выставила ногу вперед. Вот. Готово. Я выполнила танцевальный шаг, о котором просила мисс

Доротея. Я сделала его в стиле хромой девушки. Чего еще она ожидала? Я смотрела на мисс Доротею, надеясь, что она разрешит мне вернуться на скамейку и выберет кого-то другого, кто наверняка не сможет предложить ей ничего большего. Вместо этого, она в течение долгой минуты смотрела на мою ногу. Потом она оглядела остальных, как будто не могла выяснить причину полного отсутствия энтузиазма со стороны аудитории. Никто не произнес ни слова. Никто не шелохнулся. Большинство глаз было опущено вниз. Никто не хотел, чтобы вызвали его. И потом, не поворачиваясь ко мне, она улыбнулась, ее крупные серьги зазвенели; держа руки на поясе и собираясь продолжить танец, она выдохнула: «Это было чудесно! Ну что, Кармен, готова к следующему шагу?»

Следуя словам наставницы и поверив в свои силы, Кармен Сантос продолжает упорно repetировать, несмотря на то, что в семье никто не верит в ее успех.

«Я repetировала с мисс Доротеей пять лет. Благодаря интенсивным занятиям я смогла избавиться от костылей. В школе для отсталых, как на самом деле называли мою школу, ее работа как специалиста-реабилитолога заключалась лишь в том, чтобы заставить некоторые наши конечности немножко двигаться. Но я всерьез восприняла ее уроки танцев. Занятия с хромой девочкой танцами моя мама считала бесполезной тратой времени. Впрочем, она не видела в том вреда. Это уберегает ее от неприятностей, объясняла она родственникам. «И то верно», – соглашались мои тетушки. Ведь «девочка-подросток означает «Неприятность» с заглавной буквы «Н», – заключила одна из них. «Их не заставишь готовить, учиться вязанию и всему тому, чему учились мы, будучи сеньоритами», – вторила другая тетка, дочь которой позднее сбежала из дома столько раз, что местные власти отдали ее в приемную семью. «А это несчастное создание», – произнесла она, кивая на меня, как будто я и так не догадывалась, что речь идет обо мне, – Бедняжка! Она сбежит с первым, кто посмотрит на нее с интересом!»

В восемнадцать лет, благодаря участию мисс Доротеи Кармен знакомится с руководителем группы исполнителей фланенко Августином, который становится ее наставником, гитаристом-аккомпаниатором и любовником. Их роман с Кармен

длится семнадцать лет. Сложившиеся отношения нарушают знакомство Кармен с крестником Августина Маноло, который присоединяется к их труппе. Маноло вынужден разрываться между чувством уважения к крестному отцу и страстью к Кармен. Однако за историей романтических отношений постепенно начинает проявляться трагизм обстоятельств, которым должна противостоять Кармен. К сорока годам дают о себе знать осложнения после полиомиелита, из-за чего Кармен вынуждена прекратить выступления и устроиться буфетчицей в аэропорт, а потом и вовсе оставить работу. Из-за недостатка средств она не может позволить себе хорошего доктора. Члены семьи не проявляют к ней особого сочувствия. Мать даже не скрывает своего раздражения по поводу неустроенной личной жизни Кармен и упрекает dochь словами, что если бы у нее был мужчина (муж), она бы знала, как гладить, готовить и стирать. Каждое утро Кармен начинается на кухне, где она печет тортильи. Процесс приготовления традиционных мексиканских лепешек символизирует для нее расплату за то, что она родилась женщиной. «Это наказание для блудной дочери. Я уверена. Сыновья наследуют акры и богатство. Женщины должны печь хлеб» [1, с. 32].

Наконец, школьная подруга Кармен, Вики, находит для нее работу по выходным в парикмахерской. И вновь субботний день, как и двадцать с лишним лет назад, когда Кармен впервые встретила Августина...

Глава V.

«<...> В чем разница между фламинго (курсив А. К.) и, скажем, ... танго?» – спросила меня бледная миниатюрная клиентка, после того, как я поведала ей, что раньше была профессиональной исполнительницей фламенко. Ее голова откинута назад, над раковиной, а я вспениваю на волосах шампунь оттенка номер сорок семь с золотистыми бликами. Вики устроила для меня эту субботнюю подработку в качестве помощницы парикмахера в салоне «Чез Диваз» на Оук-Стрит. Вики здесь постоянный субботний клиент и добрая приятельница хозяйки заведения. Вики всегда в процессе самосовершенствования – окраска волос, стрижка,

маникюр, педикюр, эпиляция. «Нелегко быть примой в мире большого бизнеса», – говорит она.

«И не дешево», могла бы добавить я.

«Я же ничего не понимаю в мытье волос шампунем!» – ответила я на предложение Вики, приятельница которой обещала, что могла бы приглашать меня по выходным в качестве мойщицы волос, поскольку одна из ассистенток уходит в декретный отпуск. «У тебя же есть волосы, не так ли? И ты моешь их, верно?» – резко пресекла мои сомнения Вики, так словно выступала на собрании совета директоров, а не находилась в моей кухне за чашкой кофе, в то время как я чувствовала себя еще более подавленной, чем обычно. «Да, – ответила я, хотя скоро я совсем облысею». Очевидно, это все стресс. Чем больше я переживаю об отсутствии работы, тем больше теряю волос.

«Да нет же, нет», – снова отрезала Вики. Она запустила пальцы в мои волосы и провела по ним. «Да тут похоже новая поросль», – сказала она.

Я отстранила ее руку и сама провела по голове. Она права. У меня отрастали новые волосы, немного слабоватые, но все равно мне было приятно. Где-то около дюйма длиной, как первая весенняя трава. «Хорошо! Согласна!» сказала я, уступая попытке подруги найти для меня хоть какую-то подходящую работу.

Сейчас Вики сидит поблизости с толстым номером журнала «Вог» в руках и целлофановым пакетом на окрашивающихся волосах, в то время как клиентка, чью голову я мою, пытается выяснить, в чем разница между фламенко и танго. Я вижу, как она украдкой разглядывает меня со смешанным чувством жалости и смущения по поводу моей увечной ноги. «Это беспокоит Вас?» – мягко спрашивает она, когда я оказываюсь напротив. «Что беспокоит меня?» – переспрашиваю я. Она переключается на вопросы о моей жизни. Возможно, ожидая, что я скажу, что последним местом моей работы был «Goodwill», поэтому я сразу сообщаю, что была исполнительницей фламенко. «Я не очень хорошо знакома с «испанскими» танцами, – произносит она. – В чем разница между *фламинго* (*курсив A. K.*) и, скажем, … танго? Мне просто нравится смотреть, как танцуют танго!» – завершает она и краснеет.

«Что ж, прежде всего. Для фламенко Вам не нужен партнер,

— отвечаю я, в то время как для танго... Как известно, для танго необходимы двое». Она внимательно следит за мной. Я продолжаю. «Вы знаете... это как разница между блондинкой и брюнеткой. У них обеих разбиты сердца, но по разным причинам». Девушка все еще неотрывно смотрит на меня, но уже улыбаясь, как дошкольник, который на самом деле хочет что-то понять, но педагог не знает, как объяснить это ребенку.

Завершив мытье головы, я оборачиваю влажные тонкие волосы клиентки нарядным полотенцем, теплым и пушистым, поскольку в «Чез Диваз» стараются угодить клиентам. «Позвольте продемонстрировать», — говорю я и замечаю быстрый взгляд Вики и ее слегка нервную улыбку. Хозяйка, которая делает стрижку, и которая никогда не видела меня танцующей, также бросает на меня внимательный взгляд. Единственное, что я четко усвоила за последние две рабочие субботы, проведенные мною в салоне, это то, что парикмахеры, пожалуй, самые усердные работники в Америке, и если вы не являетесь хозяином бизнеса, вам платят не больше, чем при ожидании очереди.

Мойщицы волос получают и того меньше. Я собираюсь остаться здесь до конца месяца только потому, что не хочу, чтобы у Вики были новые неприятности из-за подруги, которая является неблагодарной лентяйкой.

Клиентка все еще следит за каждым моим движением, я останавливаюсь и складываю руки вместе. Говорят, что танец — это одно только чувство, но чтобы действительно хорошо сделать что-то, нужно все же сначала подумать. Поэтому я думаю. Где-то глубоко в подсознании слышится одна из моих любимых песен — *Qué afortuná soy* — «Как мне повезло». Я оглядываюсь вокруг. Красивые женщины, отличный субботний день, почему бы не потанцевать? И почему бы не спеть? И я начинаю двигаться, сначала медленно, словно блюдце на столе во время спиритического сеанса, которое начинает свое таинственное перемещение, и вдруг, возбуждая страх, переходит в неистовый бег, расшифровывая по буквам послания с того света. От раковин и фенов я передвигаюсь на небольшое свободное пространство, осознавая, что косметический салон, пожалуй, не лучшее место для любого рода танцев. Никто, кроме меня, не слышит мелодию гитары,

звучашей во мне, но я начинаю петь... *Sale el sol cuandoí es de día... para mi sale de noche... hasta el sol va en contra mí*¹...

Не думаю, что большинство клиентов понимают, о чем я пою. Полагаю, на самом деле, они и понятия не имеют, на что я вообще способна, когда мои руки подняты вверх, а голос становится все громче. Пожалуй, лучшее, что они могут предположить, что во время косметических процедур им предлагается живое выступление. Некоторые вопросительно поглядывают на хэзяйку салона, но убедившись, что она не собирается останавливать меня, и не смотрит на меня, как на человека, забывшего принять лекарство, клиенты удобнее устраиваются в креслах, чтобы насладиться представлением. Конечно, моя здоровая нога выполняет большую часть работы, но солеа² и не предполагает чрезмерной нагрузки на стопы. *Y sentí escalofrío cuando pusiste tus labios flamenco sobre los míos...* А потом я повторяю строку из песни по-английски, потому что в этой спонтанно сложившейся ситуации мне необходимо полное взаимопонимание с моей аудиторией. Будучи моим учителем, Августин, казалось, никогда не заботился о том, понимала ли наша публика хоть что-нибудь, но я внезапно испытываю острое желание донести до каждой женщины в этой комнате, что фламенко – это танец о том, как женщины любят и как могут любить их. То же можно сказать и о танго. О любом танце. Даже если этот танец был рожден на улицах, рожден мужчинами, которые вовсе не нуждались в женщинах. Потому что, в конце концов, кого мы разыгрываем? Это все, чего хочет каждый из нас. Немного любви. *Ax! Я вся дрожжу, когда твои губы фламенко касаются моих!* Я пою. Я пою и хлопаю в ладоши неистовее, чем в другие дни, я обвиваю себя подолом длинной юбки, обнажая при этом и мои теннисные носки, и мои испачканные кроссовки. Определенно, не лучшая обувь для фламенко. На линолеуме они издают приглушенный скрип резины.

¹ Солнце встает днем... а для меня по ночам ... пока солнце идет против меня (исп.)

² солеа (солеарес) – от лат. *Solitas, atis* – одиночество. Один из основных стилей фламенко. Это танец в минорных красках, изобилует медленными движениями рук и корпуса с вкраплениями быстрых молниеносных сапатео (дробей), эскобилий (*escobilla*) и поворотов. Компас солеа пор бulerии обычно подчеркивается в музыке (кахон, пальмос). Пение без ритма. Окончанием танца, как бы его апогеем, становится булерия – музыка нагнетается, убыстряется и танец тоже становится более динамичным, больше сапатео и поворотов [4].

Неожиданно я понимаю, что вновь нахожусь на той очень тонкой грани, по которой ходила всегда – где-то между пронзительно печальным и мучительно возвышенным. «*И я не жалуюсь своей звезде... – пою я. – Мне так повезло... Я не жалуюсь, нет!*»

«Браво!» – восклицает Вики, когда я завершаю мой мини-спектакль, в ее глазах блестят слезы, потому что уже давно она не видела меня танцующей, или, быть может, потому, что и она не жалуется на свои боли и страдания, и ежедневно исполняет своей собственный танец в своем собственном мире. Неожиданно Бьянка, хозяйка салона, кладет ножницы в сторону и начинает аплодировать мне, сияя словно гордая мать, а ее клиентка с целлофановым тюрбаном на голове, с восторгом вторит ей. «Браво, дорогая! – произносит Бьянка вместо, – Ты уволена, дура!» «Потрясающе! Потрясающе! – выговаривает пирсингованным языком наш стилист Жан. – Она великолепна, правда?» Я краснею, когда и другие женщины присоединяются к аплодисментам, и мы все вместе смеемся со слезами на глазах, и каждая, уж не знаю почему, просто счастлива от того, что солнце светит нам днем, а не ночью, как влюбленной женщине в моей песне».

Литература:

1. Castillo, A. Peel My Love like an Onion [Text] / A. Castillo. – Anchor Books, 1999. – 213 р.
2. Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века [Текст] / М. В. Тлостанова. – М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 400 с.
3. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.flamenqueria.ru/>
4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.shulgina.ru/>

Марина Мальцева

**Образ мексикано-американской семьи:
универсальное и специфическое (по произведениям
Д. Гилба)**

Связь между семьей и идентичностью личности сложна, но неразрывна. И та и другая базируются на некоторой системе цен-

ностей, образующейся в сознании путем сравнения различных явлений. Применительно к личности ценность есть то, без чего ее существование полностью или частично теряет смысл. Каждая ценность располагается на определенном уровне иерархии, индивидуальном для каждого. Эти уровни строго не фиксируются, сохраняется их способность к динамическим изменениям (переоценка ценностей) как под действием внешних факторов, так и в зависимости от психологически-эмоционального внутреннего состояния личности.

Этнические авторы в своих произведениях обращают особое внимание на базовые, традиционные ценности, составляющие основу их культуры. Причем ценностные ориентации представлены в их работах не только с точки зрения их места в структуре ценностной иерархии, а с позиции эмоционально-ценостной окраски. В качестве таковых эмоционально-ценостных ориентаций в произведениях мексикано-американских писателей, на наш взгляд, следует рассматривать базовые, традиционные для этнических авторов ценности, какими являются семья, дом, корни. Однако у авторов чикано они наполняются особым, отличным от канона содержанием вследствие своеобразия их пространственно-временных характеристик и пограничных кросс-культурных состояний.

В мексикано-американской семье идентичность складывается из отдельных фрагментов, «лоскутов», в отличие, скажем, от идентичности членов мексиканской семьи. Мексиканская семья обладает «монолитным сознанием», в такой семье индивид постоянно соотносит себя с устоявшимся набором ролевых моделей и оценивает свой образ жизни, сравнивая его с традиционными стереотипами. Круг социально одобряемых стилей поведения личности относительно узок.

В мексикано-американской семье идентичность не монолитна, а конфигуративна или модульна. Процесс формирования такой идентичности во многом зависит от доминирующей стратегии аккультурации и является сложным и болезненным. Эти трудности приводят чикано к повышенному осознанию собственной индивидуальности – тех черт, которые делают их неповторимыми. Вместе с изменением образа мексикано-американца изменяется и образ семьи чикано.

Образ мексикано-американской семьи подвижен, подвержен более частым стрессам. Внутри каждой такой семьи на определенном этапе ее эволюции происходят конфликты, связанные с падением патриархальных авторитетов, устоев; изменением в отношениях между супругами (новые гендерные роли), детьми и родителями. Острота конфликтов во многом зависит от того, ориентирована ли семья на какую-либо культуру (мексиканскую, американскую) или ищет свой собственный новый образ.

Новая мексикано-американская семья в произведениях Д. Гилба, в основном, «нуклеарная», состоящая из отца, матери и нескольких детей, не обремененная родственниками; зачастую в качестве стандартной модели семьи у писателя рассматривается неполная семья. В мексиканской патриархальной семье систему ценностей, на которой строится модель идентичности, создает отец, он же и отвечает за согласованность ее компонентов. Мексикано-американский отец, являясь главным персонажем значительного числа произведений писателя, тоже старается сформировать такую систему на принципах законности, порядка, справедливости, но у него это, как правило, не получается. В результате, в творчестве Д. Гилба достаточно определенно вырисовывается образ отца-неудачника, внутри которого можно выделить, на наш взгляд, следующие его подтипы: *борющиеся*, *отчаявшиеся* и *«эскейписты»*.

К числу борющихся можно отнести главных персонажей новелл «Крыса», «Оптимистический взгляд на вещи», «Голливуд», «Рубашка Ромеро»; отчаявшихся – «Посмертная маска Панчо Вилья», «Отчаявшийся»; «эскейпистов» – «Глупость какая-то», «Нэнси Флорес», «Фотография на фоне Ролс-Ройса». Общими и очевидными признаками таких отцов являются: стесненные материальные обстоятельства; отсутствие взаимопонимания в семье и, как следствие, потеря духовных идеалов, страх перед будущим. В свою очередь, к дифференцирующим признакам мы относим различия в оценке реальности и своего места в ней, число степеней свободы отцов-неудачников.

В новеллах Д. Гилба неудачниками становятся отцы, которые в процессе ассимиляции разрушили существующую ранее систему ценностей, не создав ничего взамен, – либо, являясь детьми таких отцов, изначально были лишены самой возможно-

сти созидания. Закономерным в данном контексте выглядит замечание А. Маслоу¹ о том, «что любая система ценностей, хорошая или плохая, – лучше, чем полное отсутствие ее» [4; с. 391]. Такие дети компенсируют отсутствие истинных, реальных ценностей сублимацией их аналогов. Например, главный персонаж рассказа «Глупость какая-то» – Кристиан всю жизнь восстанавливает, а когда это не получается, то искусственным образом создает иллюзию внутренней семейной гармонии. Для Такера из рассказа «Отчаявшийся» необходимым является сам факт присутствия жены, ребенка, которые и образуют такеровскую иллюзию единой, полной семьи.

Новелла «Глупость какая-то» представляет наибольший интерес для исследования. Само заглавие провоцирует заведомо упрощенное толкование сюжета. Действительно, при беглом, поверхностном прочтении это всего лишь эпизод из жизни близких по крови людей, которые давно стали чужими друг другу. Когдато, много лет назад, отец оставил семью, но, несмотря ни на что, Кристиан называет и считает его «настоящим отцом» (*real father*) в противовес отчиму, вырастившему и воспитавшему его. «Настоящий отец» никогда: ни в детстве, ни в юности – не уделял должного внимания сыну – редкие встречи, исключительно по праздникам, не давали возможности узнать друг друга ближе. Единственное, чем мог гордиться и гордился Кристиан, были военные заслуги отца, его социальный статус и квартира в престижном районе города.

Кристиан часто и подолгу думает о том, что лично он может дать своему сыну, «чтобы тот убедился, что свою жизнь его отец прожил не напрасно» и достоин любви сына. «Мексиканский отец (или мать) совершенно определенно «знает», как «правильно» воспитывать детей (это «знание» скорее бессознательное или подсознательное, нежели рациональное). Другое дело американский отец, который не знает, как поступить в том, или ином случае, не уверен в своих поступках, мучим внутренними конфлик-

¹ Маслоу Абрахам Харольд (1908 – 1970) – американский психолог, один из основателей гуманистической психологии. Создал иерархическую модель мотивации, основанную на постулате ее врожденности и универсальности. Дал описание личностных особенностей самоактуализирующихся людей, среди которых особенно выделил независимость, креативность, философское мировосприятие, демократичность в общении, продуктивность.

тами и чувством вины, до которых ребенку нет никакого дела» [4, с. 385]. Эта гипотеза, выдвинутая А. Маслоу и Р. Диас-Гуэро в статье «Подростковая и юношеская делинквентность в двух разных культурах», важна для нашего исследования, поскольку Кристиан, являясь мексиканцем только по происхождению, вырос в американском обществе и олицетворяет собой образ американского отца.

Комплекс вины, испытываемый Кристианом, осложняется еще и тем, что в детстве он болезненно пережил развод родителей. По мнению психологов, «такие дети, <...> зная, насколько обыденное явление – развод, стыдятся признаться, что уход отца подразумевает его отказ от них, а это, с их точки зрения, означает, что они недостойны любви». Эта проблема настолько близка автору, что рассматривается им в различных ракурсах в целом ряде произведений, таких как «Голливуд!», «Отчаявшийся», «Оптимистический взгляд на вещи», «Фотография на фоне Ролс-Ройса» и т.д.

Неожиданный телефонный звонок поздним вечером в воскресенье и просьба отца о помощи как удивили, так и обрадовали Кристиана. Никогда прежде отец не звонил первым и, тем более, ни о чем не просил. Этот звонок впервые дал Кристиану реальную возможность почувствовать себя «настоящим сыном» и стать хотя бы другом своему «настоящему отцу». На самом деле, возникшее родственное чувство не стало и, наверное, не могло стать обоядным. Эгоизм человека, однажды уже оставившего сына, возобладал и стал решающим даже в сложных экстраординарных обстоятельствах страха перед повторением попытки самоубийства Вайолет, второй жены отца. Развертывающаяся семейная коллизия обозначает человеческую сущность каждого из героев. «Ненастоящий» облик отца в золотом костюме вызывает чувства явно противоположные тем, на которые рассчитывали, когда его надевали. Вместо уверенности – растерянность и страх; вместо достатка и благополучия – тщетность и суетность. Вся эта ложь и фальшь как раз и дают возможность увидеть в нем настоящее: эгоизм, равнодушие и черствость.

Разорванные когда-то давно кровные узы на самом деле существовали, и не только формально, благодаря усилиям сына, его мечтам. Последние события разрушили «магию крови» меж-

ду отцом и Кристианом, хотя остается надежда, что для своего сына Кристиан – настоящий отец. Слово настоящий (*real*) является ключевым не только для содержания, но и для характеристики творческого метода автора, в основе которого лежит подчеркнуто реалистическое отображение действительности.

Создаваемый Кристианом мир – мир его собственной семьи стремится к целостности и гармонии. В нем каждый может быть по-своему счастлив и доволен. Вторжение отца из другого мира, который уже практически разрушен, не может ничего изменить, это – просто «глупость какая-то», досадное недоразумение. Однако обстоятельства, даже, на первый взгляд, неприметные, создают стрессовую ситуацию, в которой реакции человека практически непредсказуемы.

На грани стресса оказываются и герои новеллы «Голливуд!». Молодая этническая супружеская пара, Марта (чикана) и Луис (мексиканец), проводят отпуск на морском побережье в самый холодный месяц года. Их маленький ребенок вечно мерзнет и не хочет просто смотреть на волны, птичек, а стремится в Диснейленд, на поездку в который у семьи элементарно не хватает денег. Назревающий конфликт заключается отнюдь не в нежелании понять друг друга, как кажется на первый взгляд, а в том, что супруги по-разному воспринимают мир, по-иному декодируют действительность.

Образ мира и национальная идентичность людей, выросших и воспитанных в разных культурах, имеют существенные различия и подчас противопоставлены друг другу. Американская «национальная идентичность» формировалась как бы во многом от противного, обретала очертания в определениях того, что не было американским, что было чужим для «воображаемой» культуры-идеала, той цивилизационной модели, к которой стремилась Америка, и, стало быть, должно было быть из нее исключенным» [6; с. 33]. Луис, не утративший авторитет качеств национального характера, например таких, как мачизм, <...>, все-таки постепенно демексиканизируется (термин Гильермо Гомес-Пенья [6, с. 89]). Под демексиканизацией в данном контексте мы понимаем отказ от национальных культурных традиций и, прежде всего, от родного языка.

Оказываясь в ситуациях языкового дефицита при общении с продавцом хот-догов, охранником на съемочной площадке, Луис («Голливуд!») соглашается с тем, что было бы очень хорошо, если бы их ребенок мог бы и дома, в семье, общаться с ними по-английски, как это делают многие из знакомые иммигранты. Марта, уже обладая «чиканизированной идентичностью, <...> интегрировалась в инаковость» [6, с. 25]. И если в случае с Луисом мы говорим именно о процессе демексиканизации, то, когда речь идет о Марте, мы подразумеваем американизацию. Процесс ассимиляции, т.е. уподобления «нормальным американцам», не отмеченным какой-либо культурной маргинальностью, не является завершенным ни для одного, ни для другого супругов, но скорость интеграции отличается, что в целом и определяет внутрисемейные проблемы.

Луис гордится знанием детской психологии, своим положением главы семьи. А в результате в силу собственного упрямства лишает своего ребенка радости, навязывая ему собственное восприятие мира. Слова Марты, когда Луис не знает, как вести себя с сыном, полны сарказма: «Может быть, ты расскажешь ему одну из своих сказок? Расскажи ему, сколько денег мы сэкономили, не поехав в Диснейленд». Но Луис по-своему оценивает происходящее, руководствуясь собственной жизненной философией: «Будет лучше, если его сын сначала узнает о важных вещах в этой жизни. А чему может научить ребенка место, подобное Диснейленду?»

Философия главного героя новеллы «Оптимистический взгляд на вещи», тоже отца, «борющегося» за счастье своих детей, сформулированная уже в первых строках произведения, звучит иначе. «Человек может иметь все деньги в мире, но если он не способен сохранить уважение к самому себе, то все эти деньги не стоят деръма собачьего. Человек должен бороться, даже когда эта борьба не имеет особого смысла. Гордый человек не отказывается от своих прав». Эти слова определяют не только мировоззрение персонажа, но и линию жизни, лежат в основе сделанных им сознательных выборов, которые подчас противоречат здравому смыслу и житейской логике.

Увеличение квартирной платы вызвало бурю негодования. Изначально и он сам, и жена пытались объяснить хозяйке «нера-

зумность» ее требований, мотивируя это как их незаконностью, так и плохими условиями проживания именно в этой квартире (тараканы, мыши, полуразвалившееся крыльцо), но их попытка оказалась безуспешной. После того, как они не нашли поддержки у соседей, жена предложила заплатить по «правильным ценам». Домовладелица не захотела с ними согласиться, и супруг решил вообще не платить – «это ее проблема.<...> Правда была в том, что она (хозяйка) была довольно глупая, упрямая и жадная».

С точки зрения здравого смысла решение возникшей проблемы может заключаться либо в поиске дополнительного заработка, либо получении кредита, либо поисках другого жилья. Герой же поступает совершенно нелогично, даже абсурдно. Потеряв по сокращению штатов основную работу, он не только не ищет новую, а едет в отпуск всей семьей на деньги, полученные в качестве компенсации за увольнение и пособия по безработице, которое, по язвительному замечанию персонажа, положено каждому «в нашей великой стране».

Протест против действительности, заключающийся в абсурдности совершаемых героем поступков: отпуск, суд, отъезд семьи к бабушке, которая якобы «соскучилась» по дочке и внукам, отказ от уплаты за аренду квартиры, эпатаж в суде, на臺灣е – создает только видимость борьбы, а на самом деле это все бесконечный побег от самого себя и от проблем. Постепенно, по мере развития событий образ этого отца трансформируется из борца в эскейписта.

Следует обратить внимание и на словарный состав новеллы. В тексте одновременно используется как высокопарная лексика (гордость, право, самоуважение), так и ненормативная (shit), что изначально задает ироничный модус повествованию и определяет амбивалентность точки зрения главного персонажа, от лица которого ведется рассказ. Позиция борца за справедливость, за право быть гордым, которую отстаивает герой, соседствует по большому счету, с абсолютной безответственностью за настоящее и будущее семьи.

Смех во всех его проявлениях (юмор, ирония, сарказм) – не отдельный аспект творчества Д. Гилба, а это его органичный взгляд на мир, его видение жизни, неотделимое от иронии, трагикомической усмешки. Этот смех порожден способностью выяв-

лять правду, открывая то истинное, сущностное в жизни, что зачастую так непохоже на мнимое, иллюзорное. «Оптимистический взгляд на вещи», «Приз», «Посмертная маска Панчо Виллья», «Любовь в Лос Анджелесе», «Я танцевал с самой красивой девушкой» – далеко не полный перечень произведений, где юмор оживляет реальность, оттеняет и расцвечивает ее.

Выявлению алогизма модели, созданного героем новеллы «Оптимистический взгляд на вещи», служат комический контраст тона и содержания, беспристрастное воспроизведение нелепых поступков якобы логично рассуждающих людей, подстановка следствия на место причины и наоборот, а также иные нарушения истинных жизненных связей. «Комический прием, именуемый anti-climax, пользуется в США большой популярностью. Суть его состоит в том, что юморист или сатирик, обманывая читателей, вместо ожидаемого ими высокого понятия, предлагает низкое, вместо значительного говорит о ничтожном» [5, с. 24]. Например, на стандартные вопросы таможенника о национальности, о характере деятельности в стране пребывания герой отвечает следующим образом:

- Я американец, моя жена американка, дети тоже американцы, правда, я давно не проверял заднее сиденье нашего автомобиля.
- Мы спали на пляже, плавали в океане, ели лобстера, совсем как богачи.
- Давайте поглядим, что мы можем занести в декларацию: упаковку чешского пива, одеяло, несколько ракушек, которые мы нашли, пару открыток, игрушки для детей, ах, еще два одеяла...

Все это превращает процедуру пересечения границы в фарс. Осуждение, которое звучит в недоуменных вопросах чиновника, вызывает яростный протест: «Я не желаю больше слушать это дермо!».

Наличие в тексте множества оценочных дискурсов: рассказчика, его жены, судьи, адвоката, жильцов, домовладельцы – подчеркивает кажущееся отсутствие авторской позиции, его нарочитую беспристрастность. Недостаток реальных фактов, позволяющих судить о мнении автора, компенсируется ироничными обертонами в повествовании, которые вводятся через небольшие ремарки: «Нет смысла быть правым, когда правительство США считает это неправильным»; «Животные – хорошие люди».

Несмотря на неудачи, отсутствие работы, жилья, «я уже привык к скамейке в парке, к запаху мочи вокруг», герой не отчаявается, не разочаровывается, сохраняет «оптимистический взгляд» на жизнь.

Кроме борцов и эскейпистов в произведениях Д. Гилба можно выделить еще один тип отцов-неудачников, а именно, отчаявшиеся отцы, к числу которых принадлежит Такер из одноименной новеллы «Отчаявшийся». К примеру, в отличие от Луиса («Голливуд!»), искренне обеспокоенного счастьем своего ребенка, он не в состоянии заботиться о сыне. Унаследовав взрывной мексиканский характер, пытаясь изобразить из себя «мачо» в семье, Такер, на самом деле, опустившийся наркоман и пьяница.

Во время очередной ссоры с женой из-за вечного отсутствия денег Такер ударил женщину. Рассерженная и униженная, она покидает его, и он остается в квартире один с плачущим грудным ребенком на руках. С подкупающей искренностью и состраданием автор описывает пробуждающуюся в Такере ответственность за другую жизнь. Оказалось, что он впервые в жизни держит на руках собственного сына. «Забота о плачущих младенцах не была частью его натуры... Он обнял мальчика и ощутил какую-то неловкость, но обхватившие его шею маленькие ручки выдавили из него странное, необъяснимое чувство, и Такер вдруг ощущил себя отцом».

Чувство отцовства, возникшее инстинктивно, провоцирует героя на общение с ребенком, он начинает мечтать о будущем, в котором он заботливый и любящий отец и муж. Но, спустя некоторое время, столкнувшись с реальностью: ребенка нужно кормить, переодевать, — возникшее было чувство быстро угасает. Сгоревший ужин вызывает приступ ярости, и воображаемый хороший отец отступает перед настоящим, реальным Такером. Отчаяние и осознание вины, пришедшее на смену любви, он пытается подавить с помощью наркотиков. Ребенок забыт и брошен, все вернулось к тому, с чего и началось. Круг замкнут, что совершенно не характерно для творческого метода раннего Д. Гилба и вызывает ощущение чего-то противоестественного. Складывается впечатление, что писатель борется с линейной детерминированностью образа Такера, но существующая для автора необ-

ходимость подлинного реализма, граничащего с натурализмом, заставляют писателя замкнуть круг.

За короткий промежуток времени, описанный в новелле, Д. Гилб создает ситуацию, наиболее полно раскрывающую сущность главного героя. Несмотря на объективность тона, сдержанность, выражющуюся в ведении повествования от третьего лица, что не является закономерным для манеры писателя, Д. Гилб имплицитно выражает свое отношение к «отчаявшемуся» отцу, хотя им не сказано ни одного слова обвинения.

Точка зрения известной писательницы мексикано-американского происхождения Сандры Сиснейрос демонстрирует женский взгляд на эту же проблему, уточняет и дополняет образы отцов-неудачников, придает им стереоскопичность. В новелле «Никогда не выходи замуж за мексиканца» она призывает мексиканских женщин никогда не связывать свою судьбу с этническим мужчиной даже в качестве потенциального любовника, а не только мужа. «Мексиканские мужчины, забудь о них. <...> А также – о пуэрториканцах, кубинцах, чилийцах, колумбийцах, сальвадорцах, боливийцах, гондурасцах, аргентинцах, доминиканцах, венесуэльцах, гватемальцах, эквадорцах, никарагуанцах, костариканцах, парагвайцах, уругвайцах. Мне все равно, я никогда их не видела, но моя мама так говорила. Это все из-за моего отца. Она говорила так, хотя сама была мексиканка, но она родилась здесь, в США, а он родился там, а это, как вы знаете, не одно и то же» [1, с. 68-69].

В центре новелл «Нэнси Флорес», «Просто глупость», «Музыка Вика Дамона» – неполная семья. В них раскрываются сложные психологические проблемы и переживания детей из подобных семей. Описанные в новеллах события подтверждаются и собственным житейским опытом автора. В своих интервью он говорит: «Я нуждался в том, чтобы вокруг меня были дети из неполных семей, потому что моя была такая же. Я чувствовал себя неуютно в доме, где был отец». Следует отметить, что проблемы развития детей из неполных семей относятся к категории общечеловеческих.

Вслед за мнением американского психолога А. Маслоу и мексиканского исследователя Р. Диаса-Гуэро, которые полагают, что «мексиканский отец, несмотря на то, что физически отсутст-

вует большую часть времени, всегда присутствует в семье психологически. Американский же отец, несмотря на более-менее постоянное физическое присутствие в семье, с психологической стороны воспринимается собственными детьми чаще всего как фикция» [4, с. 384-385], мы считаем появление образов отцов-неудачников на страницах произведений Д. Гилба логически обоснованным по ряду причин.

Этнические мужчины в процессе ассимиляции, аккультурации теряют ответственность и надежность, приобретая глубинную пассивность и чувство неполноценности, что нивелирует их традиционно значимую роль в семье. Эти изменения оказывают значительное влияние не только на взаимоотношения между отцом-матерью, отцом-детьми, но и на процесс становления ребенка как личности. По степени участия отца в воспитании детей такие семьи можно считать неполными наряду с теми, где отца нет вообще. Другая причина, на наш взгляд, заключается в том, что сам автор воспитывался в неполной этнической семье. В отрочестве он очень остро переживал разрыв родителей, и эта тематика нашла отражение в его творчестве.

Литература

1. Cisneros S. Woman Hollering Creek and other stories. Vintage books, New York, 1992, – p. 166.
2. Gilb D. The Magic of Blood, Grove Press, New York, 1994. – 289 р.
3. Gilb D. Woodcuts of women. New York: Grove Press, 2001. – 169 р.
4. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики /Перев. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. – с. 391.
5. Мендельсон М. О. Американская сатирическая проза XX века. М.: «Наука», 1972. – 370 с.
6. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000 – 400 с.

В копилку переводчика

Ашот Сагратян,

*эксперт Союза Переводчиков России.
Лауреат Золотой пушкинской медали,
медали им. В.Я. Брюсова за вклад в
науку о переводе и пропаганду шедевров
армянской литературы на русском языке*

На скорости света

Мало кто и сегодня верит в то, что искусству дано предвосхитить ход событий. В 1910 году штыковая графика немецких экспрессионистов практически предвосхитила начало Первой мировой войны. Выходит, «видения» художников от пера и кисти на поверхку оказываются матрицей либо случившегося, но оставшегося в тени, либо необъяснимого пока грядущего. Метроном художественных исканий, раскачанный на воплощение того или иного факта в явление, таит в себе всю амплитуду колебаний смысла, требующего толкования. Измерил ли кто скорость, с которой посещают нас прозрения?!

А ведь в них резонансный фактор достоверности.

Какую конфигурацию имеет дыхание вселенной, в нас заключённой?! Хочется заострить внимание на разумении, что профессиональное предназначение переводчика – быть мембраной между автором и читателем, регулируя колебаниями биоритмов авторского текста процесс считывания его в стилистической неповторимости. Время истечения событий в тексте, скорее всего, напрямую связано с эхом восприятия, зачастую искривляющим пространство потайного смысла. Отражённый образ мозаичен, ибо складывается из микросекунд, в течение которых они силой проникновения в сознание «доходят» до нас. И поскольку двух одинаковых переводов быть не может, хотя бы в силу отличий в индивидуальности переводчиков, скрупулёзная работа лоскутного мира воображения творит мозаику времён, слагая в образах общую картину мира. Слова и словосочетания несут в себе

заряд времени, которое надо ещё так же полно и образно развернуть перед читателем и раскрутить по оси замысла. Возможно, на этом этапе и срабатывает пружина стилевого дыхания – диафрагма вдоха и выдоха, творящая расслоение настоящего на уже прошлое и непредсказуемое, но где-то интуитивно предугадываемое будущее. Не исключено, что известную гибкость подходов предполагает и сам клубок вероятных прочтений. Да и время работы над текстом можно измерить, скажем, интервалами между «озарениями» находок. Мерой измерения в данном случае может служить гран полезности, лучшим подспорьем которому становится избирательный код памяти. И не он ли высвобождает энергию скрытых возможностей?! Начало работы переводчика над любым произведением в чём-то может напоминать выбег балерины на сцену. С этого мгновения и будет твориться чудо воплощения...

Творческий подход, исключая принцип подражания, будирует мыслящего переводчика «отступить» на шаг, позволяющий охватить оком первого знакомства масштаб предстоящей работы. На помощь приходит внутренний толмач, обеспечивающий разогрев скрытого запаса знаний.

Листая Лермонтовскую энциклопедию, стоит обратить внимание на интересный факт: большую часть непосредственных впечатлений, не вошедших в стихи и поэмы, поэт реализует в беглых зарисовках, словно ему не всегда хватает того самого видения предмета в его непрерывной изменчивости. Ловя мгновение, запечатлевшее характер персонажа или событие, поэт пропускает его сквозь призму своего, не исключено, даже демонического воплощения в пространстве времени, заключённого между тем, что он узрел и тем, что усвоил душой... Едва ли в переводческом сообществе найдётся много профессионалов, могущих принять на себя ответственность представлять в достойной огранке смысла такую противоречивую личность, какую являл собою Лермонтов. Разговор наш о времени, заложенном в каждом переводимом произведении, может и должен быть продолжен хотя бы потому, что поколение «индиго» мыслит иными, нежели мы, категориями. Надо думать, что по шкале адекватности у них может найтись особый ключ к образности, ставшей для нас заезжено-хрестоматийной. Язык символов-криптограмм, с которого

первопредок наш силой проникновения в сознание начинал общение с себе подобными, неизбежно вернётся к нам, усиленный математической упорядоченностью на высокой ноте полифонии треволнений нашей памяти.

19 ноября 2010 г.

Николай Воропаев

К проблеме овладения базовым арсеналом прецедентных имён китайскоязычного дискурса в процессе подготовки специалистов переводчиков

В нашей работе мы рассматриваем прецедентные имена (ПИ) китайскоязычного дискурса (КД) как составную часть общего корпуса прецедентных феноменов (прецедентных текстов, ситуаций и высказываний). Под ПИ мы вслед за В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и другими понимаем «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Красных 2003: 197, Гудков 2003: 108].

Уточняя данное определение применительно к нашему исследованию, ПИ КД мы называем когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей, событий и единичных объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства (например, Конфуций, Чжугэ Лян, Чжу Бацзе, Мао Цзэдун, Культурная революция, Крестовый поход, Гаргантюа, Эйфелева башня, Шёлковый путь, Гагарин, Статуя Свободы). По степени их известности ПИ и прочие прецедентные феномены делятся на универсально-прецедентные, известные любому современному индивиду, социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума, а также национально-прецедентные, которые известны любому представителю определенного лингвокультурного сообщества.

Семантическая структура ПИ имеет комплексный характер и включает следующие компоненты: референт (энциклопедическая информация о референте ПИ), дифференциальные признаки референта ПИ, инварианты восприятия референта ПИ и самого ПИ членами лингвокультурного сообщества, коннотации.

ПИ занимают центральное место среди прецедентных феноменов (ПФ) и являются мощными актуализаторами других ПФ и языковых единиц, для понимания которых часто требуется эксплицирование целого мифологического, исторического или литературного сюжета.

Запас ПИ КД представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя китайского языка (КЯ).

В силу длительной истории и литературной традиции Китая в китайской культуре сформировался огромный конгломерат прецедентных текстов (ПТ) и прецедентных ситуаций (ПС), имеющих обширнейшую аккредитацию в современном КД в виде изречений, фразеологизмов, ПИ, прецедентных высказываний и т.п. Многие ПИ КД имеют историю употребления длительностью несколько сотен лет, а некоторые более двух тысяч лет, и уже стали единицами словаря сами по себе (например, 阿斗 Адоу – «тряпка, ничтожество, никчемный человек», 诸葛亮 Чжугэ Лян – «мудрец», 马大哈 Ма Даха – «разиня, ротозей») или в составе фразеологических единиц (ФЕ) (например, 说透唐宋词话透到 «только зашла речь о Цао Цао, а он тут как тут» (ср. лёгок на помине) [ПИ Цао Цао], 毛遂自荐 «предложить свои услуги; вызваться» [ПИ Мао Суй], 名落孙山 «провалиться на экзаменах» [ПИ Сунь Шань], 叶公好龙 «любить понаслышке; любить то, чего никогда не видел; любить лишь на словах» [ПИ Е-гун]).

В КД также существует некоторое количество ФЕ, которые являются аккредитованными в КД представителями ПС, благодаря которым возникли или устоялись ПИ, но которые не включают в себя эти ПИ (например, 乐不思蜀 «за весельем не вспоминать о Шу» (обр. в знач.: так веселиться, что позабыть о возвращении домой; по истории последнего царя дома Хань, который, предавшись удовольствиям в Лояне, забыл о престоле в царстве Шу) [ПИ Адоу], 三顾茅庐 «трижды посещать шалаш» (о троекратном

посещении Чжугэ Ляна Лю Бэем; обр. в знач.: настоятельно просить помочи опытного человека, настоятельно приглашать на службу) [ПИ Чжугэ Лян, Лю Бэй], 高山流水 «высокие горы, текущие воды» (о прекрасной, выразительной музыке, по рассказу из «Ле-цзы» о музыканте Боя 伯牙, слушая которого можно было угадывать, когда, играя на цине, он представлял себе горы, а когда реки) [ПИ Чжун Цзыци, Юй Боя]).

ПИ являются носителями большого объёма информации исторического и культурного характера, причём многие ПИ объединены или одним ПТ или одной ПС. Таким образом, ПИ КД часто представляют собой систему, и актуализация одного ПИ вызывает актуализацию другого ПИ, а также языковых единиц другого рода.

Представляется необходимым выделить и всесторонне проанализировать базовый арсенал ПИ – носителей ядерных национально-культурных концептов китайского лингвокультурного сообщества, что, в свою очередь, поможет в определении объёма филологического минимума, необходимого для нормального процесса понимания в китаеязычной среде.

Применение прецедентных имён очень привлекательно для усиления экспрессивности речи, например, китайцы весьма склонны употреблять в своей речи большое количество ПИ, которые уже обрели характер имён нарицательных. Многие из этих ПИ ещё не зафиксированы словарями как обычные лексические единицы с непрозрачной семантикой, однако в реальном современном КД они функционируют подобно обычным словарным единицам. Здесь встает вопрос о проблемах перевода их на русский язык, приведем примеры:

穆桂英 Mu Guiying My Гуйин – легендарная героиня, отважная мужественная женщина, выдающаяся личность. Данное ПИ используется в КД для обозначения соответствующих женщин. В каких-то контекстах, мы считаем, вполне обоснованно передавать смысл этого ПИ в виде ПВ русского культурного пространства «та, которая коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». My Гуйин – литературный персонаж из книги «Повесть о генералах семьи Ян», которая окончательно сформировалась в период династии Мин (1368-1644 гг.).

Приведём примеры употребления этого ПИ в современном КД. Эти и следующие примеры без специальных ссылок заимствованы из словаря [Chen 1999]:

如今是阴盛阳衰 男人们都没有能耐 我们公司是穆桂英挂帅 《Мужики нынче ни к чему не годные стали, так у нас на фирме сейчас появилась и заправляет своя Му Гуйин».

一听说是女的 你就瞧不起 女的还有穆桂英呢！实话跟你说 这位还真是穆桂英，人家两三年就使一个快要破产的企业起死回生了！ «Ты только услышал, что баба, так сразу нос воротишь. А ведь среди баб есть Му Гуйинь! Скажу тебе по правде, эта – настоящая Му Гуйин, за какие-то два-три года вернула к жизни предприятие, которое должно было скоро обанкротиться!»

人人都说她是穆桂英，乡里乡亲哪里有事哪到，真是阵阵拉不下。
«Все называют её Му Гуйин. Случись у односельчан какая незадача, так она уже тут как тут, вот уж поистине – наш пострел везде поспел» [реч. Информант Ма Бинцзин 2008].

ПИ 方鸿渐 Fang Hongjian Фан Хунцзянь в китайском культурном пространстве олицетворяет тип людей, которые выдают себя за учёных, хотя на самом деле таковыми не являются. На русский язык данное прецедентное имя можно передать словами «недоучка», «профессор кислых щей». Фан Хунцзянь – главный герой знаменитого романа известного китайского писателя и учёного Цянь Чжуна «Осадённая крепость». По сюжету романа в 20-30 годы 20 века Фан Хунцзянь учился в Европе. В романе говорится, что он бесполезный и бесстолковый человек, который не способен изучить строительную специальность. В университете он переводится с факультета на факультет, с социологического на философский, а под конец на факультет китайской литературы, на котором и заканчивает обучение. Возможность поехать учиться в Европу он получил благодаря случайности. Все считали его доктором наук, получившим степень за границей, а фактически он был всего лишь лжедоктором, так как диплом доктора он купил. Фан Хунцзянь – это тип человека, который выдаёт себя за интеллигента, а фактически не имеет ни способностей, ни стремления к учёбе, ни образования. Пример употребления в современном КД:

当年方鸿渐头了洋博士的时候 我们嘲笑他；如今 却有人干起了方鸿渐的勾当。
«В те времена, когда Фан Хунцзянь купил диплом заграничного

доктора наук, мы высмеивали его; и вот в наше время появились люди, которые проделывают махинации Фан Хунцзяня».

ПИ 红娘 Hongniang Хуннян обозначает умелую сваху, способствующую счастливому браку. Самый ранний источник, где упоминается имя Хуннян – рассказ Юань Чжэня «Постижение истины», написанный в период династии Тан (618-907 гг.). Позже этот рассказ стал сюжетом народных сказаний. В период династии Юань (1271-1368) драматург Ван Шифу на основе этого сюжета написал драму «Западный флигель». Приведём пример употребления данного ПИ в современном КД:

他们再婚了。你知道吗？你知道谁是红娘？我是红娘！«Они поженились. Ты знаешь? А знаешь, кто был свахой (букв. Хуннян)? Я был(а) свахой (букв. Хуннян)!»

В последнее время это ПИ продолжает развитие своего значения. Позитивно влияющий и способствующий любым хорошим делам человек сейчас также называется Хуннян. Например:

引进外资也得重奖 齐鲁红娘放手搭桥。«При привлечении иностранных инвестиций также надо не скучиться, и тогда шаньдунская «свата» (букв. Хуннян) приступит к наведению мостов».

生产厂家与市场缺乏沟通 没有红娘牵线搭桥，因此产品积压 出现危机。

«Производителям не хватает связей с рынком, нет такой Хуннян, которая бы навела мосты и протянула нити, поэтому происходит залёживание товаров и возникают кризисы».

В КД высокий индекс известности имеет ПИ 陈世美 Chen Shimei Чэнь Шимэй. При упоминании этого имени носитель КЯ имеет в виду мужчину, который при повышении общественного положения бросает жену и устремляется на поиски новой молодой её замены (а порой и просто мужа, бросившего жену). Данное ПИ из ПС, описанной в ПТ народной комедии «Дело об убийстве Мэя» (《铡美案》 «Zha Mei an»). ПС произошла в период династии Сун (960 – 1279 гг.). На русский язык это прецедентное имя можно передать сочетанием из русской народной песни «Окрасился месяц багрянцем» – «изменщик коварный». В Китае Чэнь Шимэй – отвергнутая с отвращением личность, и это отражает нормы честности и морали китайцев.

Приведём пример использования данного ПИ в современном КД: 我去美国不为别的 就为了去杀那个陈世美。«Я поехала в США не за чем иным, как за тем, чтобы прикончить этого Чэнь Шимэя».

Китаец, прочитав это предложение, сразу поймёт, что автор этих строк собирается убить не какого-то человека по имени Чэнь Шимэй, а своего мужа, который подобно Чэнь Шимэю бросил жену. Из этого коротенького предложения мы можем получить следующую информацию:

- (1) Автор высказывания – замужняя женщина.
- (2) Её муж уехал в США.
- (3) После отъезда в США муж изменил ей, влюбился в другую женщину и бросил её (жену).
- (4) Поэтому она страшно ненавидит его – этого мужчину, который её предал, и даже хочет поехать в США, чтобы убить его.

Если всю эту информацию изложить подобным образом в рассказе, то язык рассказа станет перегруженным. ПИ потому-то и используются так часто в речи, что они лаконичны и образны. ПИ автоматически включает в себя ПС, содержание которой известно участникам коммуникации, и читатель или слушатель, используя свои фоновые знания, дополняют воспринимаемую информацию, содержащую ПИ. Поэтому предпосылкой понимания ПИ являются общие фоновые знания участников коммуникации. В случае же межкультурной коммуникации, а в нашем случае русско-китайской коммуникации, участникам коммуникации обычно не хватает общих фоновых знаний (общей когнитивной базы), и тогда применение ПИ в большинстве случаев приводит к трудностям в общении, умозаключения здесь делать невозможно, лаконичность ПИ превращается в барьер для понимания.

Как видно из примеров, при переводе ПИ порой достаточно сложно найти подходящий эквивалент. Передача иноязычных ПИ является сложной и многогранной проблемой, одной из наименее разработанных в теории перевода. Носителей имён слишком много, их известность слишком различна. Многие ПИ находятся вне сферы внимания толковых и двуязычных словарей, учебников, пособий для переводчика. Однако эта лексическая категория обладает сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками. ПИ – лингвокультурологическая единица, обладающая экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию.

Необходимо осознать, что для членов китайскоязычного лингвокультурного сообщества многие ПИ являются носителями большого объёма информации исторического и культурного характера, причём некоторые ПИ объединены или одним ПТ или одной ПС. Таким образом, они представляют собой систему, и актуализация одного ПИ часто вызывает актуализацию другого или других имён. Из этого следует, что семантика ПИ в китайскоязычном дискурсе имеет сложную структуру и носит блочный характер. Это, на наш взгляд, одна из явных специфических особенностей ПИ КД, и этой особенностью обусловлена способность ПИ КД скрывать системные смыслы, особенно для инофонов. Приведём примеры имён персонажей ПТ КД – классических романов Китая, которые активно задействованы в современном КД в качестве ПИ:

ПИ из ПТ КД классического романа «Речные заводи» (XIV век):

王伦 Wang Lun Ван Лунь – беспаланный, ограниченный, завистливый и подлый человек.

李逵 Li Gui Ли Куй – неотёсанный взрывной мужик, «сила есть – ума не надо», человек огромной силы и бездумной отваги.

李鬼 Li Gui Ли Гуй – лже-; сын лейтенанта Шмидта. Олицетворяет людей, которые выдают себя за кого-либо, кем на самом деле не являются.

武松 Wu Song У Сун – смельчак, хорошо владеющий боевыми приёмами. Символ мужества и непобедимости.

武大郎 Wu Dalang У Далан – коротышка, низкорослый человек.

高衙内 Gao Yanei Гао Янэй – чиновник-беспредельщик. Данное прецедентное имя обозначает чиновника-бюрократа, для которого нет ничего святого, который нагло творит беззаконие, бесчинствует и губит народ.

鲁智深 Lu Zhishen Лу Чжишэн – высокий и толстый, дородный, с обильной растительностью на лице, сильный и грубый по характеру; «прёт, как танк».

马泊六 Ma Boliu – сводник (очень древнее имя; в данном романе уже употребляется как ПИ). Имя Ма Болю означает человека, который обеспечивает незаконные сватовство и отношения между мужчиной и женщиной.

ПИ из ПТ классического романа «Троеподобие» (14-й век):

关公 Guan Gong Гуань-гун – для современных китайцев имя Гуань-гун является символом храбрости и преданности. Он – святой военный, а также божество торговли и богатства.

诸葛亮 Zhuge Liang Чжугэ Лян – мудрец. ПИ Чжугэ Лян означает в китайскоязычном дискурсе человека, который обладает мудростью и незаурядным умом.

黄忠 Huang Zhong Хуан Чжун – имя Хуан Чжун – символ старого героя, ветерана, который, хоть и в годах, но по-прежнему в строю.

曹操 Cao Cao Цао Цао – хитрый и коварный человек.

Необходимо заметить, что многие персонажи этого романа также являются и реальными историческими личностями. Таким образом, дифференциальные признаки двух референтов (реального и литературного) этих ПИ часто приводят к образованию сложных и неоднозначных структур инвариантов восприятия этих имён в китайском обществе.

ПИ из ПТ классического романа «Сон в красном тереме» (18-й век):

刘姥姥 Liu Laolao Бабушка Лю – бедная и трудно живущая стащушка, которая всю свою жизнь провела в деревне. Случайно попав в богатую городскую семью, она столкнулась со многими вещами, которых раньше не видела и не подозревала об их существовании, чем часто смешала людей. Современные китайцы именем Бабушка Лю (Лю лаолао) обозначают человека, который не видел мира (не видел ничего дальше своего забора).

林黛玉 Lin Daiyu Линь Дайюй – олицетворение чрезмерно сентиментальной, с красивыми чертами лица, но слабенькой физически, капризной и вредной девочки (девушки).

贾宝玉 Jia Baoyu Цзя Баоюй – именем Цзя Баоюй часто обозначают избалованного и не видавшего трудностей мальчика (молодого человека) из богатой семьи.

王熙凤 Wan Xifeng Ван Сифэн – молодая красивая барышня из богатой семьи. Она чрезвычайно умна, находчива, способна, деятельна, но в то же время она жестокосердная, злая и безжалостная. Современные китайцы используют это имя для обозначения недобрых и суровых женщин.

Необходимо осознать, что для членов китайскоязычного лингвокультурного сообщества многие ПИ являются носителями большого объёма информации исторического и культурного характера, причём некоторые ПИ объединены или одним ПТ или одной ПС. Таким образом, они представляют собой систему, и актуализация одного ПИ часто вызывает актуализацию другого или других имён. Из этого следует, что семантика ПИ в китайскоязычном дискурсе имеет сложную структуру и носит блочный характер. Это, на наш взгляд, одна из явных специфических особенностей ПИ КД, и этой особенностью обусловлена способность ПИ КД скрывать системные смыслы, особенно для инофонов. Приведём примеры имён персонажей ПТ КД – классических романов Китая, которые активно задействованы в современном КД в качестве ПИ:

ПИ из ПТ КД классического романа «Речные заводи» (XIV век):

王伦 Wang Lun Ван Лунь – бесталанный, ограниченный, завистливый и подлый человек.

李逵 Li Kui Ли Куй – неотёсанный взрывной мужик, «сила есть – ума не надо», человек огромной силы и бездумной отваги.

李鬼 Li Gui Ли Гуй – лже-; сын лейтенанта Шмидта. Олицетворяет людей, которые выдают себя за кого-либо, кем на самом деле не являются.

武松 Wu Song У Сун – смельчак, хорошо владеющий боевыми приёмами. Символ мужества и непобедимости.

武大郎 Wu Dalang У Далан – коротышка, низкорослый человек.

高衙内 Gao Yanei Гао Янэй – чиновник-беспредельщик. Данное прецедентное имя обозначает чиновника-бюрократа, для которого нет ничего святого, который нагло творит беззаконие, бесчинствует и губит народ.

鲁智深 Lu Zhishen Лу Чжишэн – высокий и толстый, дородный, с обильной растительностью на лице, сильный и грубый по характеру; «прёт, как танк».

马泊六 Ma Boliu – сводник (очень древнее имя; в данном романе уже употребляется как ПИ). Имя Ма Болю означает человека, который обеспечивает незаконные сватовство и отношения между мужчиной и женщиной.

ПИ из ПТ классического романа «Троеподобие» (14-й век):

关公 Guan Gong Гуань-гун – для современных китайцев имя Гуань-гун является символом храбрости и преданности. Он – святой военный, а также божество торговли и богатства.

诸葛亮 Zhuge Liang Чжугэ Лян – мудрец. ПИ Чжугэ Лян означает в китайскоязычном дискурсе человека, который обладает мудростью и незаурядным умом.

黄忠 Huang Zhong Хуан Чжун – имя Хуан Чжун – символ старого героя, ветерана, который, хоть и в годах, но по-прежнему в строю.

曹操 Cao Cao Цао Цао – хитрый и коварный человек.

Необходимо заметить, что многие персонажи этого романа также являются и реальными историческими личностями. Таким образом, дифференциальные признаки двух референтов (реального и литературного) этих ПИ часто приводят к образованию сложных и неоднозначных структур инвариантов восприятия этих имён в китайском обществе.

ПИ из ПТ классического романа «Сон в красном тереме» (18-й век):

刘姥姥 Liu Laolao Бабушка Лю – бедная и трудно живущая стащушка, которая всю свою жизнь провела в деревне. Случайно попав в богатую городскую семью, она столкнулась со многими вещами, которых раньше не видела и не подозревала об их существовании, чем часто смешала людей. Современные китайцы именем Бабушка Лю (Лю лаолао) обозначают человека, который не видел мира (не видел ничего дальше своего забора).

林黛玉 Lin Daiyu Линь Дайюй – олицетворение чрезмерно сентиментальной, с красивыми чертами лица, но слабенькой физически, капризной и вредной девочки (девушки).

贾宝玉 Jia Baoyu Цзя Баоюй – именем Цзя Баоюй часто обозначают избалованного и не видавшего трудностей мальчика (молодого человека) из богатой семьи.

王熙凤 Wan Xifeng Ван Сифэн – молодая красивая барышня из богатой семьи. Она чрезвычайно умна, находчива, способна, деятельна, но в то же время она жестокосердная, злая и безжалостная. Современные китайцы используют это имя для обозначения недобрых и суровых женщин.

薛宝钗Xue Baochai Сюэ Баочай – это ПИ часто используется современными китайцами для обозначения девушки, которая легко ладит со старшим поколением, послушна; с младшими она также всегда находит общий язык, хорошо умеет решать разные житейские вопросы.

ПИ из ПТ классического романа «Путешествие на Запад» (16-й век):

孙悟空Sun Wukong Сунь Укун – именем Сунь Укун современные китайцы обозначают людей, обладающих сверхъестественными способностями, и находчивых бесстрашных людей.

唐僧Gangseng Тансэн – имя Тансэна для современных китайцев является олицетворением хорошего, но слабого, робкого, нерешительного, слабовольного человека, который не способен отличить правду от лжи.

猪八戒Zhu Bajie Чжку Бацзе – тип человека, который имеет уродливую внешность, любит много поесть, боится трудностей, стремится к лёгкой и праздной жизни.

Многие из этих персонажей взаимодействовали в определённых ПС и теперь, возникая в КД в виде ПИ, часто актуализируют друг друга прямо или косвенно в сознании носителя КЯ. Например, упомянутое выше ПИ Чэнь Шимэй актуализирует ПИ Цинь Сянлянь (**秦香莲**Qin Xianglian – жена Чэнь Шимэя, инвариант восприятия этого ПИ – брошенная жена). В словаре Чэнь Сяньчунь этому имени даётся следующее определение: «*Олицетворение женщины, брошенной мужем и терпящей лишения и страдания*» [Chen 1999: 87]. Цинь Сянлянь – один из персонажей народной комедии «Дело об убийстве Мэя». Её муж Чэнь Шимэй после получения степени чжуаньюаня (первое из трёх почётных званий, которые присваивались отличившимся во время столичных дворцовых экзаменов в феодальном Китае) на государственных экзаменах женился на принцессе, а Цинь Сянлянь с детьми бросил на произвол судьбы. Китайцы сочувствуют Цинь Сянлянь, а Чэнь Шимэй подвергается сильному общественному порицанию.

Примеры употребления ПИ Цинь Сянлянь в современном КД:
据统计，1982年以前，每年到县妇联上访的婚姻纠纷案有100多件，成年上访告状的“秦香莲”有30多名。‘Согласно статистике до 1982 года в уездное отделение Федерации женщин за помощью по брачным конфлик-

там обращалось более 100 человек. Из обратившихся с жалобой совершеннолетних граждан более 30 были брошенными жёнами (букв. Цинь Сянлянь').

“严惩陈世美 为秦香莲伸冤”，曾经是我们妇联维权工作的重要内容之一。

«Строго наказывать чэнь шимэев, помогать цинь сянляням» – в своё время это было основным содержанием работы нашей Федерации женщин в плане защиты прав женщин'.

丰宁满族自治县并不是秦香莲的故乡，却出了不少“秦香莲”。“Автономный маньчжурский уезд Фэннин вроде бы и не родина Цинь Сянлянь, но, тем не менее, цинь сянляней здесь немало’.

Ещё пример взаимной актуализации ПИ. ФЕ 东施效颦 смехотворное обезьянничанье; бездумное подражание' (букв. Дун Ши подражает движению бровей) содержит в себе ПИ 东施 Dong Shi Дун Ши. Однако данное ПИ здесь неизбежно актуализирует другое ПИ – 西施 Xi Shi Си Ши, которое современные китайцы употребляют для обозначения совершенной красавицы и прямого указания на которое в этой ФЕ нет. Имя Дун Ши употребляется современными китайцами для обозначения некрасивой женщины (страхолюдины). История о Дун Ши появилась в книге Чжуан-цзы «Судьба неба», которая была написана философом и его учениками в эпоху Воюющих царств (475 – 221 гг. до н. э.). Чжуан-цзы пишет о том, что Дун Ши была соседкой Си Ши. Си Ши – знаменитая красавица царства Юэ эпохи Чуньцю (770 – 476 гг. до н. э.). Она была необычайной красоты и каждым своим движением приводила окружающих в неописуемый восторг, веселила сердце и радовала глаз. По соседству с восточной стороны от неё жила девушка по имени Дун Ши, которая была очень некрасивой. Дун Ши всегда пыталась во всём подражать Си Ши, полагая, что так она станет намного привлекательнее. Она подражала даже походке Си Ши. Си Ши страдала от болей в области сердца, и часто в приступах боли хватаясь за сердце, хмурила брови. Дун Ши же, полагая, что такое выражение лица Си Ши очень привлекательно и это её какой-то особый приём кокетства, начала упражняться в том, как Си Ши хмурит брови и хватается за сердце. Ей казалось, что теперь то она уж точно уподобилась Си Ши. Но окружающие, увидев её то и дело делающей гримасы и изображающей боль, посчитали Дун Ши ещё более уродливой и отвратительной. Никто уже не хотел видеть её и все

стали держаться от неё подальше. Устойчивое выражение «Дун Ши подражает тому, как хмурить брови» как раз описывает эту ПС. Современные китайцы используют данную ФЕ для обозначения такой ситуации, при которой кто-либо, не учитывая реальное положение вещей, вслепую подражает другим, и результат этого совершенно противоположен ожидаемому. Приведём примеры употребления ПИ Дун Ши в КД:

他上过几年学，读过几本书，瞧不上农村姑娘，尤其怕看见本村那些东施们穿红着绿的打扮。‘Он учился несколько лет в школе, потом в университете, деревенских девушек он презирал. Особенно его напрягало, когда эти деревенские Дун Ши наряжались как попугаих с претензией на вкус’.

她自己长得那么丑，倒把我们看作东施，可笑之极！‘Она сама такая уродина, а ещё нас, видите ли, считает Дун Ши, смех, да и только!’.

Анализируя вышеупомянутые примеры можно сделать вывод, что изучать и овладевать ПИ КД необходимо блоками, с учётом их взаимосвязей.

В КЯ существует интересный факт, можно сказать, производного словообразования от ПИ. В соответствии с традицией наименования братьев в китайской семье по старшинству, на основе ПИ 马大哈 Ma Даха (разиня; растяпа) образовалось ещё слово 马二哈 Ma Эрха (сравните: старший брат 老大 lao da, младший брат второй по рождению – 老二 lao er, младший брат, третий по старшинству – 老三 lao san и т.д.). Ma Эрха – это младший брат Ma Дахи, он такой же небрежный и невнимательный. Например, могут сказать: 他们两个一样糊涂，一个马大哈，一个马二哈。‘Эти двое оба бесполковые, один большой ротозей, а второй – его братец младший, когда уходят с работы, ни свет не выключат, ни двери не закроют’.

ПИ в любом употреблении является культурным знаком, нагруженным коннотациями, дифференциальными признаками референта, то есть всей информацией, которая актуализируется в памяти и сознании члена лингвокультурного сообщества при упоминании данного широко известного индивидуального имени.

Приведём пример фрагмента текста с использованием следующих ПИ разных типов (подробнее о типах ПИ мы пишем в других статьях):

(1)ПИ 天下 tianxia ‘мир; поднебесная; Китай; вся страна’. В примере в составе словесного клише 天下第一州 tianxia di yí zhōu ‘первая область [из девяти областей] Древнего Китая’ данное ПИ также явно актуализирует ПИ 九州 jiū zhōu ‘1. девять областей древнего Китая [первоначально в мифологии – 9 островов, образовавшихся после всеобщего потопа] 2. весь Китай’

(2)ПИ 刘备 Лю Бэй

(3) ПИ 张飞 Чжан Фэй

(4)ПИ 赵匡胤 Чжао Куаньинь

(5)ПИ 燕 Yan [княжество] Янь (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и южной части провинции Ляонин)

(6)ПИ 赵 Zhao [княжество] Чжао (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и западной части провинции Шаньси)

荣安公司坐落于北京南六十公里，素有 “天下第一州”之称的涿州，涿州古城历史悠久、人杰地灵、名人辈出，尤以刘备、张飞、赵匡胤的故里而闻名。

今天的荣安公司，以自身的实力和信念，迅速成为中国保温建材领域里的一面旗帜，并阔步走向国际化。未来的日子里，荣安人将以燕赵英豪独有的气魄，继续以真诚实干的崇高风尚和热情创新的进取精神，不断向前，一如既往地执著于打造世界品牌企业，为促进社会发展、振兴民族工业而再创辉煌明天！

‘Компания «Жун’ань» расположена в 60-ти километрах к югу от Пекина в городе Чжочжоу, который в Китае называют «Первой областью [из девяти областей – Н.В.] Древнего Китая». Город Чжочжоу является старинным городом с долгой и богатой на события историей. Здесь, что называется, люди-герои, земля знаменита. Замечательные люди в этих краях появляются из поколения в поколение. Особенно славится эта земля тем, что здесь родились [прославленный император – Н.В.] Лю Бэй [основатель царства Шу-Хань в период Троецарствия – Н.В.], [бравый полководец и воин времён Троецарствия, популярный герой классических романов – Н.В.] Чжан Фэй и [император – Н.В.] Чжао Куаньинь [основатель династии Сун – Н.В.].

Сегодняшняя компания «Жун’ань» благодаря своей реальной мощи и неизменному кredo стремительно превратилась в знамя индустрии теплоизоляционных стройматериалов Китая и гигантскими шагами идёт к интернационализации своей деятельности. В ближайшие годы наши люди из компании «Жун’ань» с размахом и масштабностью, достойной героев этой древней земли [княжества – Н.В.] Янь и [княжества – Н.В.] Чжао, продолжат работать честно и деловито. В соответствии с благородными традициями они будут с энтузиазмом выступать с новыми идеями, прокладывать новые пути и, устремляясь вперёд, последовательно и настойчиво строить предприятие с мировым брендом. Ради светлого будущего мы и дальше будем стимулировать развитие общества и подъём национальной промышленности! [Rong'an gongsi jianjie 2010: 2].

Данный пример показателен с нескольких точек зрения. Во-первых, фрагмент заимствован нами из рекламного проспекта производственной компании, производящей теплоизоляционные материалы. И становится ясно, насколько широко ПИ используются в современном китайскоязычном дискурсе, и как важно переводчикам всех специализаций ими овладевать. Во-вторых, на этом примере нам хотелось бы показать некоторые способы решения проблем перевода ПИ. Здесь, в частности, мы применили способ краткого пояснения значения ПИ китайского культурного пространства в квадратных скобках прямо в структуре русского текста. Полагаем, что такие краткие расшифровки очень важны и даже необходимы для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации как при письменном, так и при устном переводе.

Как видно из примера, все ПИ в данном фрагменте текста употребляются как референции, то есть для указания на свои референты (подробнее о различении ПИ-референций и ПИ-дескрипций мы пишем в других статьях). Тем не менее, эффект характеристизации возникает и здесь. Посредством упоминания ПИ авторы текста характеризуют свой родной край и находящуюся здесь компанию. Здесь идёт апелляция к героям древности, и посредством разнообразных лексических средств фактически происходит косвенная характеристизация современных сотрудников и деятельности компании с помощью ПИ.

Интерес представляют также ПИ КД, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (фольклорных и авторских). Фонд ПИ любого языка складывается из национальных феноменов, возникших и употребительных только в данном языке и культурном пространстве, и иноязычных феноменов, пришедших из других языков и культурных пространств других стран. Мы проанализировали «Малый словарь дыньгу (классических прецедентов) зарубежных стран» [Lin 2004]. Анализ словаря показал, что большинство универсально-прецедентных имён в КД являются ПИ из древнегреческой мифологии (например, 阿波罗 Aboluo *Аполлон*, 埃底修斯 Edixiusi [также 奥德赛 Aodesai] *Одиссей*, 珀涅罗珀 Ponieluoro *Пенелопа*), религиозного дискурса христианства (например, 方舟 fangzhou [также 挪亚方舟 Nuoya fangzhou] ‘Ноев ковчег’, 抹大拉的玛利亚 Modala de Maliya *Мария Магдалина*, 十字架 Shizijia ‘Крест’, 犹大 Youda *Иуда*, 十字军东征 Shizi jun dong zheng [также 十字军东侵 Shizi jun dong qin] ‘Крестовый поход’) и культурного пространства англоязычного мира (например, 鲁宾孙 Lubinsun *Робинзон*, 名利场 Ming li chang ‘Ярмарка Тщеславия’, 爱丽丝漫游奇境 Ailisi manyou qijing ‘Алиса в стране чудес’, 百老汇大街 Bailaochai dajie ‘Бродвей’, 迪斯尼乐园 Disini youle yuan ‘Диснейленд’, 哈姆莱特 Hamulaite *Гамлет*, 好莱坞 Haolaiwu ‘Голливуд’, 华尔街 Huaer jie ‘Уоллстрийт’, 罗密欧与朱丽叶 Luomiou yu Zhuiliye *Ромео и Джульетта*). Лишь небольшая часть ПИ родом из культурных пространств других стран и регионов (например, 普柳什金 Puliushijin *Плюшкин*, 唐吉诃德 Tang Jihede [также 堂吉诃德 Tang Jihede или 吉诃德 Jihede] *Дон Кихот*, 卡冈都亚 Kagangduya *Гаргантюа*, 加西莫多 Jaximoduо *Квазимодо*, 浮士德 Fushide *Фауст*, 好兵帅 hao bing Shuaike *Бравый солдат Швейк*, 破木盆 po tipeen ‘разбитое корыто’, 套中人 Tao zhong ren ‘человек в футляре’, 变色龙 Bianselong ‘Хамелеон’, 维特 Weite Verter, 阿拉丁 Alading *Аладдин*, 唐璜 Tang Huang *Дон Жуан*).

Все ПИ, представленные в словаре, способны использоватьсь для характеристизации, и это показывает характерную особенность ПИ, которая заключается в том, что при переходе в культурное пространство другой страны ПИ часто обретают символическое и очень узкое значение. Например, ПИ 浮士德 Fushide *Фауст* в КД по данным словаря [Lin 2004] имеет следующий инвариант восприятия: 永不满足的追求者 yong bu manzu de zhuiqizhe

‘вечно неудовлетворённый, недовольный человек’, а ПИ 哈姆莱特 Hamulaite Гамлет (герой одноимённой трагедии Шекспира) – 遇事犹豫不决 顾虑重重的 yu shi youyu bu jue, gu lü chongchong de ren ‘человек, который при необходимости принятия решения нерешителен, долго колеблется, медлит, его обуревают многочисленные сомнения и опасения’. Хотя словари подобного рода, видимо, следует рассматривать как инструмент обогащения КД и речи членов китайского лингвокультурного сообщества новыми универсально-прецедентными именами. Дело в том, что большинство ПИ, представленных в данном словаре всё-таки обладают очень низкой известностью и употребляются в КД крайне редко. Подобные же словари, видимо, призваны расширять арсенал универсально-прецедентных имён КД, выполняя тем самым функцию интеграции Китая в глобальное цивилизационное пространство. Ярким образцом таких тенденций является также словарь 《国人必须知的2300个外国人名》 “Guo ren bi zhi de 2300 ge waiguo ming ren” «2300 знаменитых иностранцев, которых должны знать люди нашей страны» [Zhou, Shen 2009]. Данный словарь является больше энциклопедией и представляет инварианты восприятия ПИ в виде небольших блоков информации биографического характера о каждой выдающейся личности объёмом чуть более 100 иероглифов. Словарь же [Lin 2004] наряду с энциклопедической информацией представляет инварианты восприятия ПИ, рассматривая эти имена уже как имена-символы, как имена нарицательные. Однако ПИ в данном словаре даются с уже устоявшимися инвариантами восприятия этих ПИ в странах-источниках этих имён, или в странах, откуда китайские лексикографы заимствовали соответствующие материалы. Это подтверждают также примеры употребления ПИ, которые все являются заимствованными из зарубежных источников или смоделированными авторами словаря. Таким образом, инварианты восприятия некоторых ПИ в данном словаре для, например, нас, членов русского лингвокультурного сообщества, кажутся непривычными и странными. Дело в том, что многие из этих ПИ в русском культурном пространстве появились намного раньше, и в их семантике уже произошли сдвиги.

Данное направление исследований представляется весьма актуальным, особенно для подготовки устных переводчиков. На-

пример, адекватно передать такой пассаж невозможно без знания правильной фонетической формы ПИ в КД: «Строитель – это одна из редчайших профессий, которая оставляет после себя на Земле памятники. Бог создал Адама и Еву, а всё остальное сделали строители» [Кошман: 11]. ПИ Адам и Ева в КЯ имеют непривычную для русского уха фонетическую форму: 亚当和夏娃 Yadang he Xiawa (Ядан хэ Сява). Из-за специфики фонетической системы китайского языка большинство зарубежных имён собственных трудно опознать. Особенно это касается ПИ зарубежного происхождения, многие из которых пришли в китайскую культуру и язык достаточно давно, и принципы их перевода постоянно менялись. Поэтому необходимо также сформировать арсенал наиболее известных в глобальном культурном пространстве ПИ, которые известны среднему члену китайского лингвокультурного сообщества. Полагаем, что систематическое овладение национальными и интернациональными ПИ КД, актуальными для всего настоящего мира и для КД, необходимо сделать обязательным разделом подготовки китаистов и особенно переводчиков.

Надеемся, что частично эту проблему поможет решить составленный нами лингвокультурологический словарь-справочник «Прецедентные имена-символы Китая», который в настоящее время готовится к печати.

Литература:

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Журнал «СтройТех Эксперт», июль 2008. Интервью президента Ассоциации строителей России Н.П. Кошмана.
4. Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈跣纯编著 – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhua zhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. – Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэн Сяньчунь. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999).
5. Lin Shuwu 外国典故小词典 // 林书武主编 – 上海: 上海辞书出版社, 2004年. Waiguo diangu xiao cidian // Lin Shuwu zhubian. – Shanghai: Shanghai

cishu chubanshe, 2004 nian (Малый словарь зарубежных дяньгу (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. Шанхай, 2004).

6. Rong'an gongsi jianjie 潍州市荣安成套设备有限公司简介 2010年 Zhozhou shi Rong'an chengtao shebei youxian gongsi jianjie 2010 nian (Рекламный проспект с краткой информацией об обществе с ограниченной ответственностью города Чжочжоу «Комплектное оборудование Жун'ань» 2010 г.).

7. Zhou Xiaomeng, Shen Zhi 国人必知的2300个外国名人 // 周晓孟. 沈智主编 – 沈阳: 万卷出版公司, 2009年 Guo ren bi zhi de 2300 ge waiguo ming ren // Zhou Xiaomeng, Shen Zhi zhubian. Shenyang, 2009 nian (2300 знаменных иностранцев, которых должны знать люди нашей страны // Сост. Чжоу Сяомэн, Шэнъ Чжи. Шэньян, 2009).

Ольга Флешлер

Что нужно для перевода сказок?

Общепризнанно, что обучение переводу призвано выполнять не только дидактическую и информационно-познавательную, но и идейно-воспитательную функцию, а это требует внимательного подхода к отбору текстов, предлагаемых учащимся для практики перевода. В этом смысле прекрасным материалом может служить один из интереснейших видов словесного искусства – сказка, в частности, литературная (авторская) сказка. Напомним, что литературная сказка – это жанр художественного произведения, в котором в волшебно-фантастическом или аллегорическом развитии событий и, как правило, в оригинальных сюжетах и образах в прозе, стихах или драматургии решаются серьезные морально-этические проблемы и преподносится нравственный урок. Среди авторов отечественной литературной сказки хорошо известны имена А. Н. Толстого, П. П. Бажова, К. Г. Паустовского, Е. Л. Шварца, С. В. Михалкова, В. В. Бианки, Н. Н. Носова, Э. Н. Успенского. Замечательные сказки принадлежат перу О. Уайльда, Дж. Родари, А. Линдгрен, А.А.Милна. К этому списку, на наш взгляд, стоит добавить имена Дж. Мандала (John Mundahl) и М. Вильямс (Margery Williams), с которыми наш читатель пока мало знаком. Предлагаем познакомиться с некоторыми образцами их творчества и убедиться в том, насколько значителен потенциал литературной сказки, в том, что причудли-

вость, а иногда и трагичность сюжета, пронзительность ощущения, им оставляемого, может дать человеку больше, чем любые положительные примеры и воспитательные назидания, а также в том, что из самых простых и незатейливых слов можно соткать настоящее художественное полотно.

I. Прочтите и переведите информацию об авторах:

John Mundahl has been a yoga teacher and practitioner for 32 years. He is a retired ESL public school teacher, return Peace Corps Volunteer, an Ayurvedic Health Care Educator and the author of 9 books including: *Tales of Courage*, *Tales of Dreams*, a collection of short stories; *From the Heart of the Lotus*; and *Soul to Soul: Poems, Prayers and Stories to end a Yoga Class*. He lives in St. Peter, Minnesota, USA.

Margery Williams (1881 – 1944) was an English-American author, primarily of popular children's books. A professional writer since the age of nineteen, she achieved lasting fame at forty-one with the 1922 publication of the classic that is her best-known work, *The Velveteen Rabbit*.

II. Прочтите сказку **The Dream Keeper** – притчу о смысле бытия и вечной загадке жизни. Как вы понимаете ее финал? В чем, на ваш взгляд, девочка обрела свое счастье?

The Dream Keeper

Once, long ago, there was a girl who could talk to the birds. When she was little, she was happy. She walked in the forest and played by the stream and never thought about her purpose in life. But as she grew older, she asked: Why am I here? Where am I going? Who am I?

But no one could answer these questions, so one day she walked into the forest. Maybe the birds will know, she thought. They are my friends and I will talk to them. Surely they know their purpose. Maybe they know mine, too.

She walked until she saw a beautiful eagle.

“Eagle,” she asked, “What is your purpose?”

“To fly above the earth,” the eagle replied. “From there I can see all things.”

Next she saw a hawk.

"Hawk," she asked. "What is your purpose?"

"To be a messenger," the hawk replied. "I bring news of things to come."

Then a tiny hummingbird flew by.

"Hummingbird," she asked. "What is your purpose?"

"To love the flowers," the hummingbird replied. "My wings are their music."

Then she saw a graceful swan.

"Swan," she asked. "What is your purpose?"

"To live in beauty," the swan replied.

The girl was sad. "I know the purpose of all the birds," she said, "but what is my purpose?"

Then a dragonfly with wings like paper flew by. The dragonfly saw the girl and saw she was sad and wanted to help her.

"And you, dragonfly," the girl finally asked. "What is your purpose?"

"To help people find their dreams," the dragonfly replied.

"Help me, then," the girl said, "I wish to know my dream."

"You must visit the Dream Keeper," the dragonfly said. "She will tell you. She lives nearby."

"Where is her house?" the girl asked.

"The wind will tell you," the dragonfly replied and flew away.

The girl listened for the wind, but the air was still. Then a soft breeze flew in the trees and she followed the breeze into the forest. Finally, the breeze stopped and the forest was still.

"Dream Keeper," the girl asked softly, and a voice as beautiful as spring whispered, "Ask your question."

"I know the purpose of all birds," the girl said, "But what is my purpose?"

"To find your dream and follow it," the Dream Keeper replied.

"Then, tell me my dream," the girl said. "You are the Dream Keeper."

"Come closer and I will whisper your dream into your ear. But you must be still. Listen. Listen. Hush."

The girl felt the breeze blow gently, gently, oh, so gently into her waiting, waiting ear, and with a smile she recognized now and forever the voice of the Dream Keeper. Then from within her own heart she heard the music of the hummingbird, and she saw the beauty of the swan in the water, and she heard the sharp call of the hawk, and she

flew high above the earth with the eagle, and she knew her dream and she followed it and she was happy.

(*John Mundahl. Tales of Courage, Tales of Dreams. A Multicultural Reader. Pearson Education, USA, 1993*)

При очевидной простоте языка и сюжета, в тексте содержатся некоторые переводческие «трудности». Прежде чем «перевыразить» текст целиком, проанализируйте эти интересные для переводчика моменты и предложите свои решения. Следуйте заданиям:

1. Не торопитесь переводить заголовок: его кажущаяся смысловая и структурная простота обманчивы. Вы вернетесь к нему после прочтения и, более того, вдумчивого осмыслиения и «прочувствования» этой, на первый взгляд, незатейливой, но в действительности глубокой философской сказки.

Смысловая структура заголовка на поверхности достаточно прозрачна: как “the bee-keeper is someone who keeps bees”, так и “the dream keeper is someone who keeps dreams”. Но если в первом случае мы легко находим русское соответствие: «пчеловод», то во втором все обстоит гораздо сложнее, ибо здесь мы имеем дело не с логическим, а с художественным планом, и пока не будут выяснены все контекстуальные и сюжетные зависимости, вопрос о поиске соответствия остается открытым.

Словообразовательная модель (деривационная суффиксальная) в английском и русском языках для этого случая совпадает: глагол + суффикс со значением деятеля. Но если в английском языке в суффиксе -er родовые различия представлены недифференцированно, для русского языка существенно, имеется ли в виду «хранитель» (если, конечно, нас устраивает именно это значение глагола keep), или «хранительница». Узнать это можно лишь позже из самого текста.

Синтаксически, the dream keeper – это свободное атрибутивное сочетание, где и определяемое и определение (слева) стандартно (для английского языка) представлены существительными в прямом падеже. Такая конструкция принципиально невозможна в русском языке (из-за развитой падежной системы), что ставит перед переводчиком задачу перевести сочетание с обязательным учетом всего контекста.

2. Перевод сказочного здания не представит трудности: вам, безусловно, хорошо знакомо русское эквивалентное клише. Обязательно ли сохранить в переводе наречия *once*, *long ago*, и если нет, то почему?

3. Переводя обращения, позаботьтесь, чтобы сказка звучала «по-русски». Для этого вспомните, как чаще всего обращаются друг к другу знакомые нам с детства сказочные герои. Вот катится по дорожке Колобок, а навстречу ему Лиса; увидела его и говорит: «..., я тебя съем!»

Возможен иной вариант перевода прямого обращения – “Eagle”, she asked, “What is your purpose?” – путем введения (добавления) соответствующего (уместного в обращении) глагола. Используйте и этот прием. Может быть, можно «снабдить» обращение эпитетом-определением?

Какое из этих переводческих решений вы предпочтете (исходя из того, как вы определяете для себя **тональность повествования**)?

В предложении “**Dream Keeper,**” the girl asked softly... обращение следует перевести путем контекстуальной замены. Можно ли ввести к нему эпитет? Если да/нет, то почему?

4. На какую из словарных дефиниций существительного *purpose* вы будете опираться при переводе?

purpose – 1. an intended or desired result; 2. the reason for which something exists or happens; 3. determination or resoluteness.

Какое из этих значений поддерживается контекстом: Why am I here? Where am I going? Who am I?

5. Обратите внимание на перевод глагольных сочетаний *to be happy* в начале истории и в конце. Как вы переведете глагольное сочетание *to be sad* в предложении *The girl was sad. “I know the purpose of all the birds...”?*

6. Обратите внимание на «глагольную идиому» (phrasal verb): *listen for*, словарное значение которой – *to try or wait to hear*. Верен ли будет перевод предложения *The girl listened for the wind*: «Девочка прислушалась к ветру»? И если нет, то почему?

7. Найдите случаи лексических повторов. Учтите, что повтор не несет предметной информации, функция его эмфатическая. Повтор создает особую образность повествования.

Как поступить с повторами “*gently, gently, oh so gently*” и “*waiting, waiting ear*”, какими средствами передать в переводе эту образность с учетом норм русского языка?

8. Найдите образные сравнения; какое из них вы переведете путем целостного переосмысливания?

9. Перечитайте сказку, чтобы определить значимость для содержания глагола *to know*. Установите смысловую контекстуальную связь между этим лейтмотивным глаголом и названием сказки.

10. Переведите заголовок *The Dream Keeper*, воспользовавшись каким-либо способом контекстуальной замены.

11. Прочтите внимательно сказку (притчу) “*A Velveteen Rabbit*”. В чем вы видите ее глубинный смысл? Какое чувство (чувства) вы испытывали при чтении этого прелестного и печального произведения? Выполните задания:

a) Выделите так называемые **translation challenges** – моменты, интересные или трудные (на ваш взгляд) с точки зрения перевода. Предложите переводческие стратегии для разрешения этих трудностей.

b) Дайте перевод всей сказки на русский язык, помня о глобальной переводческой задаче – художественное произведение в переводе должно оказать то же эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя, что и оригинал.

A Velveteen Rabbit

There was once a Velveteen Rabbit, and at the beginning he was really so splendid that the Boy loved him and never parted with him. But sometimes he was put with the other toys in the nursery and could listen to their stories about Real Things. “What is Real?” he asked the Wooden Horse who had lived a very long life. “Real isn’t how you are made. It’s a thing that happens to you. When a child really loves you for a long time, then you become Real. It doesn’t happen all at once. It takes a long time. But once you are real, you’ll never become unreal again”, explained the Wooden Horse. The Velveteen Rabbit thought it would be wonderful if this nursery Magic ever happened to him.

So time went on and the little Rabbit was very happy though he was getting shabbier and shabbier. And once when the Boy was called away to go out for some tea, the Rabbit was left alone on the lawn. Later that evening the Nurse looked for him but couldn't find him. The Boy cried that he wouldn't fall asleep until he had his Rabbit. "Fancy all this fuss for a toy!" said his mother. "He isn't a toy! He's real!" The little Rabbit heard him say that magic word and he knew that what the Wooden Horse had said to him had become true at last. This magic had happened to him. He was Real. The Boy himself had said that. And into his button eyes there came a wise knowing expression.

But then, one day, the Boy fell ill with scarlet fever. The little Rabbit lay still at his side under the bedclothes as he didn't want anyone to notice him. He was afraid they would throw him away.

Time passed and the Boy got better and was allowed to get up. It only remained to carry out the doctor's orders. All the books and toys the Boy had played with had to be burnt. So, the little Rabbit was put into a sack with old books and a lot of rubbish. And while the Boy was sleeping in another room with a new Velveteen Rabbit, the old one felt so miserable and so lonely that suddenly a tear, a real tear trickled down his little velveteen nose and fell to the ground.

(*Margery Williams. The Velveteen Rabbit OR HOW TOYS BECOME REAL. Doubleday & Company, Inc. Garden City New York*)

Мы продолжаем публикацию отрывков из книги «Провинциальная археология»¹ (2008) доктора исторических наук, профессора ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского Михаила Васильевича Константина в переводе на английский язык.

В этом издании рассказывается о выдающихся исследователях Сибири, от декабриста Н.А. Бестужева и князя П.А. Кропоткина до советских ученых А.П. Окладникова и М.М. Герасимова; о поисках и раскопках древних памятников на огромной территории от Байкала до Амура; о тайнах и особенностях истории Забайкалья; о Забайкальской малой академии наук и школьном лагере «Юный археолог»; о том, как защищаются диссертации. Книга представляет интерес для археологов, учителей, студентов, учащихся. Вашему вниманию предлагается перевод отрывков из этой книги на английский язык.

«Для пользы и удовольствия будущих археологов»

Перевод с русского на английский

Ольги Ушниковой

For Future Archeologists' Benefit and Pleasure

Most of historical and cultural research in Siberia began with the Decembrists. They were the trailblazers as regards antiquities studying as well. Saying frankly, their long-term penal servitude impeded, indubitably, their archaeological pursuits, but having settled they were able to prove themselves in scientific and art work.

Nikolay Aleksandrovich Bestuzhev, a naval officer who led his guardsmen on the Senate square in December, 1825, bore immediate relation to the archeology. In the Posadskaya valley (near Selenginsk) some ancient monuments were located close to his manor. Big barrows with annular facings were especially discernable there. In the nearest ravine and on the hill slopes stone tools could be gathered.

¹ См. журнал «Переводчик № 9, 2009, СС. 223-227; № 10, 2010, СС. 130-135.

N. A. Bestuzhev was keen on making ethnographic and archaeological collections; he also examined ancient irrigational constructions, rock paintings and inscriptions. The Decembrist authored a number of scientific articles. N. A. Bestuzhev was the first to draw parallels between the society development levels of the Buryats and ancient Greeks, which was later fully verified in the light of L. Morgan's theory.

N. A. Bestuzhev as well as, probably, other Decembrists had a profound understanding of the archeology as in his «before-senate» live he was the main historiographer of the Russian fleet, which makes him a professional historian. In Russia in the first quarter of the XIX century scientific excavations were already carried out in the Black Sea littoral (by I. A. Stempkovsky) and in the environs of Novgorod (by Z. Hodokovsky). In 1816 the Russian translation of the I. Eshenburg's book on antiquities, done by a Tsarskoye Selo lyceum teacher N. F. Koshansky, was published. Thanks to this translation the term "archeology" was introduced into the Russian literary language for the first time. The classical archeology familiarized the intelligentsia with antique values; the Slavic archeology was based on the national self-awareness awoken by the Patriotic War of 1812, as well as democratic and republican ideals which nourished the Decembrists' movement.

Undeniably, Decembrists were abreast of archaeological discoveries, perceiving them as a momentous constituent in the science and culture development.

A unique document found in the city of Yalutorovsk is quite demonstrative of the Decembrists' attitude to archeology. In the house where M. I. Muravyev-Apostol lived, an expressly corked in a bottle and hidden in the cellar note was found out. It reported when the house was built and by whom; further it contained a list of the Decembrists exiled to Yalutorovsk and information on them. The note ended with the address: "For future archeologists' benefit and pleasure who I wish all the best in the world I'm putting this note on August, 18th, 1849." Young Siberian archeologists should use this phrase as a dictum when putting through "Archeology and Decembrists" research, paying special attention to Decembrists' archaeological knowledge and interests, as well as their personal contribution to Siberian antiquities delving. Those who wished "benefit and pleasure" to the future archeologists deserve their deepest deference and recognition.

The research "Archeology and Decembrists" has another rather unexpected development. Now the monuments reflecting the Siberian chapters in the Decembrists' history are becoming the archaeological investigation focus. Thus, in Posadsky valley the excavations at the

N. A. Bestuzhev's house site were carried out. In Petrovsk-Zabaikalsk the search of the lost tomb of the Petrovsky prison commandant lieutenant general S. R. Leparsky's was fruitful. Retrieved from the subterranean vaults the gilt epaulettes by their incredible shine seem to highlight the Decembrists' faces from the time depths bending over the tomb of their enemy and friend, watchman and guardian. One more excavation, near Aleksandrina Muravieva's vault, allowed to determine the elements of the original architectural lay-out (the fencing, the bridge and so forth), as well as to find Sasha Ivanov's tomb, who deceased in infancy. Unfortunately, so far the search of the soldier-Decembrist Mikhail Shutov's tomb who was buried behind the church fencing of the Petrovsky cemetery has not been successful.

In Chita the project of the cross restoration was put through. The cross was built by M. S. Lunin on a soldier's tomb, who went through the penal servitude for his partaking in the Semenovsky Regiment Life Guards revolt in Petersburg in 1820. The tomb's emplacement was determined owing to N. A. Bestuzhev's water colors. The final inference in this regard will be reached by archeologists...

The process of the primal archeology formation, falling on 1860 – 1870, hasn't received proper coverage in Siberian historiography. To a considerable extent this came about as a result of the underestimation of Ivan Semenovich Polyakov's scientific work significance. In the Moscow archeology he was remembered in connection with Kostenki, Karacharovo, Fatyanovo and other important landmarks. However I. S. Polyakov began his way into archeology from Tunka, situated near Baikal. In 1867 during a particular expedition he discovered there a stand with remarkable stone tools. This discovery earned many kudos in Polyakov's lifetime. "The Archeology of Russia", written by the count A. S. Uvarov and published in 1881, begins with the presentation of the Tunka discoveries. Having graduated from St. Petersburg University in 1874 I. Polyakov carried out a large-scale complex natural-historical research in many regions of Russia, including Ob and Sakhalin, and even excavations in Japan.

In Soviet Siberiaography I. S. Polyakov was undeservedly relegated to an accidental gatherer of antiquities. Polyakov's works were not republished, they remain unfamiliar to contemporary scientists. Considering I. Polyakov's valuable contribution to the science, his early expeditions, as well as his being Zabaikalie-born scientist (village Tsurukhaitui, the river Argun), he may be regarded as one of the first experts in the field of the primal archeology in the Siberian region.

I. S. Polyakov began his way in the science under Peter Alekseevich Kropotkin's supervision. This fact was noted by researchers, but the "arrangement" was specified thus: Kropotkin was known, old and wise; I. Polyakov was young and unschooled. Actually during their first meeting in Irkutsk both of them were young and vigorous. They differed in their origin (the former being the prince-Ryurik and the latter – Cossack-pauper) but their age, democratic views and belief in science drew them closer.

P. A. Kropotkin arrived at Siberia in a rank of a Cossack sotnik and served for five years in Chita and Irkutsk (1862–1867). Scientific and administrative travels became his main pursuit in Siberia. P. A. Kropotkin made an inimitable contribution to the science as one of the continental glaciation theory authors. Significant observations in this field were accomplished by him during his expedition from Bodaibo to Chita. P. A. Kropotkin was ingeniously involved in archeology – at any rate, nobody will dare to deny the interrelation of the glacial nature and Paleolithic hunters' world. However if Kropotkin was mentioned in the archaeological literature, it was only in a critical manner caused, apparently, by the official judgment of his anarchical views.

Of great interest are P. A. Kropotkin's ethnographic observations. It was he who argued about "the Buryats' communistic customs" and about the Tungus' primeval life bases. Ethnographic materials from Siberia stood Kropotkin in good stead when he was working at his book "Mutual Aid: A Factor of Evolution". The book's title reflects one of the outstanding philosophic ideas, possessing deeply humanistic character.

Young archeologists of Siberia have the opportunity to discover P. A. Kropotkin as an eminent Siberian explorer and a world-class scientist.

After P. A. Kropotkin the geological investigations in Siberia were carried out by a Pole deportee Ivan Dementevich Chersky. Within the archeology scope he is usually invoked in connection with the research of the "Military Hospital", which became the first Paleolithic monument in Russia. Along with it some important explorations to the east from Baikal belong to him. The cave on the river Itantsa, the river Selenga's tributary, discovered by him, was attached by A. S. Uvarov (1881) to Paleolithic subject matter. Forgotten for a long time the cave on Itantsa has been rediscovered and before long it will grow to be an object of the circumstantial studying. I. D. Chersky possessed extensive knowledge in the fields of archeology, paleontology and geology. Any young researcher displaying the same level of universality is destined to become an expert of the highest level.

Proceeding from the I. S. Polyakov's, P. A. Kropotkin's and I. D. Chersky's scientific work results, it befits to date the beginning of the primal archeology of Russia largely with Siberian antiquities studying. This fact has never been explicitly acknowledged in our domestic archeology.

One more insufficiently developed layer of the Siberian historiography is linked with the name of Julian Dominikovich Talko-Gryntsevich who pioneered the Huns' archaeological monuments discovery. In 1996 the scientific community celebrated the centenary of the first excavations of the Kyakhta scientist in Ilmovaya hollow, where the Hun burial ground was found. Nonetheless in the historiography these facts are contemplated merely as "local history student's hobby", instead of being viewed as profound scientific exploration at the joint of archeology, history and anthropology.

Perhaps therefore I. D. Talko-Gryntsevich's memoirs published in Poland (1930–1932) remain obscure. There the author recollected five hundred dug out ancient burials, as well as unknown at that time Old Belief villages in Chikoy taiga on the border with Mongolia, where the population had no idea about authorities, passports and taxes. It would be very desirable if young researchers of Siberia found the history of the Siberian archeology no less interesting than what is connected, for instance, with G. Shliman's or E. Dyubua's research.

The archaeological community has not done all the requisite yet to ensure that the names of those who perished in Gulag calamity have really been returned to the science.

Only recently it has got possible to gain knowledge of Berngard Eduardovich Petri's fate for certain. Even the year of his tragic death remained a sealed book, and his image was transformed beyond recognition. From an outstanding pioneer of the ancient monuments and an extraordinary teacher he was basically distorted into an insipid author of several second-rate brochures. In his lifetime B. E. Petri was valued differently. He possessed huge intellectual authority with and influence on the public and students. Most likely, therefore, proceeding from its own sinister logic, the Stalin People's Commissariat of Internal Affairs (PCIF) depicted him as the head of the German-Japanese secret service. B. E. Petri was shot in 1937. His essential works remained in manuscripts, they "were arrested" together with the author. The manuscripts are considered missing. But, maybe, there will come young researchers who will do their best to return them back to the science!?

After B. E. Petri's case it became possible to get back Peter Savvich Mihno's case from the PCIF archival cellars. An old Kyakhta dweller, a director of the local history museum, an archeologist and a botanist was arrested three times. In prison he wrote a letter to the people at the top in which he asked to be allowed to continue his "familiar research work". The permission, certainly, was not granted. In 1938 at the age of seventy P. S. Mihno was shot. Until recently even his relatives did not know his fate ...The young archeologists have many role models to learn from courage and pride, love and fidelity to the science.

The archeology history shows how close nit the science and freedom are and how recurrently archeology was driven into the "corner" as a "dangerous" science in the non-free country.

Another lesson from the history of our science consists in the acknowledgement of Lomonosov's words that "the power of Russia will be on the increase through Siberia". Siberia has brought up many outstanding archeologists. Thanks to them numerous unique monuments of the antiquity have been discovered and original scientific ideas have been born ... They have bequeathed them to the future archeologists.

Виктор Балабанов (1925–1997)

Из книги «Строй и памятью отмечено...»

Англоязычные читатели журнала «Переводчик» уже знакомы с некоторыми статьями из книги «Строй и памятью отмечено...»¹ (2007), известного забайкальского ученого, исследователя, краеведа Виктора Федоровича Балабанова. Благодаря его стараниям мы узнаем о многих чрезвычайно интересных фактах и событиях давно минувших дней нашего края – Земли Даурской.

События и толки. Год 1915

Перевод с русского на английский Арины Карташевой

Events and Rumors: 1915

1915 found Chita buzzing and lively with various events which gave locals plenty to discuss and comment on. Here are a few of them. In that year the first radio station was established in Chita. However, the extent of radio communication was limited. At the time Chita had no radio proper and the best a resident of the city could hope for was a tour of the radio station and the chance to hear some Morse code or the distant voice of someone one hundred kilometers away, to marvel at this miracle of the twentieth century and exclaim in wonder, “Can you believe it? This thing beeps, buzzes and mutters. Who could come up with such an invention? Say what you will but this is progress!”

In those days Chita saw new societies and groups, or local affiliates of national societies, forming almost annually, starting at the turn of the century. By 1915 more than 20 such groups had been founded. Among them were the Holy Brotherhood of Cyril and Methodius, St. Tatyana’s War Invalids Assistance Committee, Society To Help War-Affected Families and other similar groups.

1915 was no exception. The Zabaikalye Cossack Credit Union was established, as well as the League for Women’s Equality. At the time the Petrograd branch of the League decided to organize a hospital

---

¹ См. журнал «Переводчик» № 9, 2009, СС. 159–165; № 10, 2010, СС. 113–121.

with a capacity of 30-35 beds and turned to the female patriots of the country, asking them to donate to the cause. The women of Chita readily answered the call and collected thirty rubles for "one bed provided by the women of Zabaikalye".

The Governor-General of Irkutsk, who was in charge of all civilians of the area entrusted to his gubernatorial authority (of which Zabaikalye was a part), issued a decree in early February of 1915. It was printed in Irkutsk on unbound sheets of paper. Quite a pile of these were sent to Chita and displayed in "populous and visible places". The word "prohibited" was highlighted in bold type in the decrees.

One of many things "prohibited" was this: "It is prohibited to collectively cease working in factories, printers and other industrial establishments, to close shops and to cease lighting the city in consort with others based on political reasons or with the purpose of a political demonstration."

During the imperialist war, a traditional art form called "lubok" was reborn. A significant number of black and white or colored pictures were released. One of the most popular was a "lubok" style picture of the dare-devil Kozma Kruchkov, Russia's bravest Cossack and recipient of the Order of Saint George, first degree. He was depicted on a horse with a pike atilt, on which heads of German soldiers were strung like beads. The picture was accompanied with various inscriptions that either rhymed or didn't.

These pictures were released by Moscow-based printing houses but reached the provinces as well. In Chita they were sold at Muzofarov's book stall and under the awnings of the old market and the train station. These prints cost only kopeks and found a following. Peasantry that arrived from the villages bought them, brought them back and gave them as gifts to their relatives. The walls of most village houses were decorated with them.

Among those pictures, mentions of which found their way into the local periodicals, "The Heroic Deed of Stabskapitän Nesterov" was featured. This picture depicted the Stabskapitän attacking an enemy plane, the Russian pilot firmly grasping the rudder while the enemy airplane is broken apart and taking a nosedive. There were other famous pictures such as "Russian Proverbs Illustrated" and "A Couple of Sorrel Horses" which depicted Kaiser Wilhelm and Franz-Josef dragging Germany to a cemetery.

In periodicals there were several mentions of “lubok” pictures published in Siberia. However there were no mentions of the difficulties and economic troubles in the lives of peasants and workers.

Первый поэт Забайкалья – Федор Иванович Бальдауф (1800 – 1839)

Федор Иванович Бальдауф по праву занимает достойное место в истории Забайкальской литературы, которая знает и помнит немало славных имен людей, внесших значительный вклад в ее становление и развитие. Поэт жил и работал в интереснейший период истории государства российского, связанный с декабристским движением. Бальдауф получил столичное образование в горном кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Сам факт его знакомства с А. С. Пушкиным, А. Бестужевым (Марлинским), В. К. Кюхельбекером, Ф. Н. Глинкой и многими другими известными людьми первой трети XIX века свидетельствует о том, что он находился в гуще литературной и общественной жизни того времени. Талант Федора Бальдауфа был замечен и по достоинству оценен собратьями по перу.

Перевод на английский Андрея Фарионова

Feodor Baldauf (1800-1839), the First Poet of Transbaikalia

Part I.

Feodor Baldauf (also Fyodor Baldauf) is one of the first literary men and almost unknown poet of the old time Siberia. His literary heritage is still neither collected nor studied. Also very little is known of his biography. Very limited and in many respects erroneous memories of Alexander Taskin [1] have been the only source of data about this person for many years. The material concerning the life and the works by F. Baldauf is given below and is based mainly on archive documents, memoirs of his sister and colleagues, as well as on the newly discovered works.

Feodor Ivanovich Baldauf was born on March 8, 1800 in the mining village of Blagodatsky of Nerchinsk mining district.

Ivan Karlovich, his father, was a descendant of “foremen’s children”. He graduated from St. Petersburg Mining College as a 14-class charge-master and began to serve in Nerchinsk Plants ‘with the obligation to supervise the dirty work’. During his 25 years of work, Ivan Karlovich changed many places. His family followed him from Blagodatsky Mine to Kutomarsky Plant, then to Klichka, Shilkinsky Plant and back to Kutomara. [2].

Besides two sons (the elder son Alexander was born three years before Feodor), Ivan Karlovich had three daughters. All his children got home education because of frequent moves and lack of nearby schools. Their mother, Sophia Yegorovna¹, being a cultured woman, taught them reading and writing, while Ivan Karlovich was responsible for arithmetic and German.

In spring of 1813 the sons were sent to St. Petersburg to study at public expense. At first, Alexander was trying to enter a surgical academy, but failed because of bad training, and had to become a student of a mining military school along with Feodor.

Soon the Baldauf brothers had to put on special cadets’ uniforms of single-breasted frock-coats with black collars made of thick cloth, vests and black ties, short trousers knotted under knees, white stockings and crude shoes.

There were nine grades in the school: three lower, four medium and two upper ones. Upon graduating the course, the cadets became 13-class charge-masters and were appointed to the corresponding positions by the Department of Mining and Salt Affairs. The brothers had succeeded in studying although the program was extensive and complicated enough. Great attention was paid to secular rules, dancing and music. The choice of the latter was partly motivated by the fact, that ‘music can help spend spare time pleasantly as well as distract from bad habits which are ruinous for a person because of idleness’ in the distant places of Siberia where future engineers had to work [3].

The Baldauf brothers were not able to visit home on holidays due to its being too far away and the high cost of such journey, so they had contacted the family only by means of letters. The brothers were

---

¹ She was born in St. Petersburg, where got a good breeding and came to Transbaikalia to be a governess for the children of Klichka Mine Chief. She got married there.

popular among cadets. They both together with N. Yazykov, A. Taskin and A. Kulibin formed a group of school poets; Alexander Baldauf also published a handwritten magazine called ‘Pilgrim’ in which many students participated.² Feodor gave the ‘Pilgrim’ his ‘experience in fine literature’, but more frequently he wrote ‘philosophic’ poems and sometimes epigrams about their teachers and some haughty friends which were quite biting. The teachers availed themselves of an opportunity to revenge on him by lowering the mark for his behavior.

The Baldauf brothers spent all their spare time in reading and writing. They kept love for these activities through all their lives. Many notable persons of science and education used to visit annual public examinations in the mining school.

Often Nikolay Karamzin, Ivan Krylov and Vasily Zhukovsky were among the visitors. They were interested in literary ‘experience’ of the cadets. Feodor Baldauf is considered to be an unfailing author of the poems written by the graduates and dedicated to their school, teachers and administration in senior classes. His poems were accompanied by the music specially composed for the occasion. Andrey Nikitin, the teacher of rhetoric, poetry and mythology in the mining school, always encouraged his students and supported their creative work. Due to this person the works of many cadets became known to the literary world of Moscow and the editors of the best magazines of the time.

In his classes, A. Nikitin told the students about the most important events taking place in the literary world. He also was a famous writer himself and an activist of both Moscow political ‘Liberal Societies’, one of which united lovers of literature, science and art (headed by Alexander Izmailov, the Chairman¹) and the other brought together lovers of the Russian literature (headed by Feodor Glinka, the Chairman). A. Nikitin was one of the founders of the first society and the secretary of the other one.

Sometimes, the cadets patronized by A. Nikitin visited literary meetings as ‘unauthorized persons’. Actually such meetings were the

---

² ‘Pilgrim’ was a renewal of a handwritten magazine issued by Alexander Bestuzhev during his study in the mining school.

¹ Alexander Izmailov wrote, that he owed his education to the mining school.

only events where problems of social and political life could be discussed in public at that time.

Visiting these meetings, F. Baldauf could clearly see where the powers and talents of the best people of his time were applied.

A contemporary of F. Baldauf wrote: 'The membership in the literary society became a burning need for all of us, it later transformed into a constant inclination and greatly influenced every event in our lives' [4].

In the autumn of 1818, during one of the meetings of the 'Liberal Society of the Lovers of Literature, Science and Art' F. Baldauf met Alexander Pushkin, his "God", in person for the first time in his life [5]. Soon he made acquaintance with Alexander Bestuzhev (Marlinsky), Wilhelm Kukhelbecker, Feodor Glinka, Amplias Ochkin and some other literary men who were members of 'Liberal Societies', many of whom subsequently became Decembrists.

After 1817, the propaganda of the ideas of freedom by would-be Decembrists increased during the meetings of literary societies and groups. Civil poems by Alexander Bestuzhev, Kondraty Ryleyev and Feodor Glinka were made public in the 'Liberal Society of Lovers of Literature, Science and Art' for the first time, i.e. the famous satiric poem 'To the Timeserver' by Ryleyev.

F. Baldauf took a great interest in the struggle of Alexander Bestuzhev and his friends for the national identity and ethos of literature. A. Bestuzhev wrote: 'Reading practice in literary societies initiates competition between young writers, develops the taste for native literature in people. Often those, who come there to introduce themselves and meet others, return home with new ideas and helpful inclinations'.

Since 1818, the 'Liberal Society of Lovers of Literature, Science and Art' became a literary department of illegal 'Prosperity Alliance'. 'Enlightenment Competitor', the publication of this group, became a 'Decembrist Citadel', a major mouthpiece of the Decembrists' literary forces. F. Baldauf got the 'elements of public enlightenment' there, as his literary work started exactly in the 'Enlightenment Competitor'. In the magazine's issue dated May 1819, the first story of F. Baldauf entitled 'Kavitu and Tungilbi' (signed 'by F. B.') appeared [6], and the poem 'Swimmer' was published in the next issue.

A standard story of unhappy love made up the plot of ‘Kavitu and Tungilbi’. The author tried to find new ways to interpret the plot from his childhood memory about Siberian life which was strange to readers and unusual literary characters were presented by Tungus people from Dauria. The plot of the story in brief is as follows: poor man Kavitu loved the rich Tungus girl named Tungilbi and was loved in return. The brother of Tungilbi being the competitor of Kavitu killed him in a bow shooting. Tungilbi mourned over his lover’s grave in Morgutsekh Valley at ‘Urulyunguy Springs’ known only by the Transbaikalians.

In the autumn of 1819, F. Baldauf suddenly received the news about his father’s death. According to the official report, Ivan Karlovich ‘was killed by a state convict’. One day the prisoner in stocks, named Ivanov, was put to corporal punishment. Baldauf Sr. headed the execution ‘by virtue of office’ as a mine surveyor. Ivanov was brought to the place of punishment and after a low bow to Ivan Karlovich, the convict stuck a knife in his gut.

Ivanov then paid the highest price for his attempt to take vengeance on authorities. That day, two bodies lay ‘waiting for the doctor to get the certificates of death’ in a small and ramshackle log hut at the foot of a mountain – one was killed by a knife stab and the other died from mortal lashes.

The story of his father’s death influenced Feodor greatly. For the first time, he came face to face with the most terrible demonstration of reality of Russian serfdom of that time.

F. Baldauf changed a lot and became thoughtful and taciturn, trying to avoid a noisy company of his mates. ‘The warm-hearted good words’ that he got from Alexander Bestuzhev and his friends were much appreciated by Feodor at those difficult times. Being deeply touched and grateful F. Baldauf wrote a poem to A. Bestuzhev (See the original poem at p. 243).

A. Bestuzhev’s support was ‘a life-giving event’ for F. Baldauf. The poet managed to overcome his ordeals, and reverted to creative activity. So, in May of 1821 Alexander Bestuzhev recited a passage from a new poem ‘Danube’ by F. Baldauf at the meeting of Liberal Society of Lovers of Literature, Science and Art with Kondraty Ryleyev, Feodor Glinka, Andrey Nikitin and others present [5]. Its plot was associated with the events of those days – since the spring of

1821 a bloody national-liberation battle against the sway of Turkey was taking place on the Danube riverside. F. Baldauf intended to ‘glorify the patriotism and heroism’ of Greek rebels in his ‘Danube’.

The passage from the Baldauf’s poem recited in Society was met with approval and was unanimously ‘chosen’ to be printed in the ‘Enlightenment Competitor’, but for the unknown reason it didn’t happen then [8]. In August of the same year a long elegy ‘An Evening on Baikal Shore’ by F. Baldauf was printed in the Society’s magazine [9]. In this poem F. Balduaf wrote (See the original poem at p. 243).

The elegy clearly demonstrated the influence of public poetry on the author, which was typical of every creative work of the Decembrists involved in literary activities.

On the whole, this elegy by F. Baldauf is also interesting as one of the earliest descriptions of the Siberian nature and Lake Baikal as a ‘Glorious Sea’ in the Russian poetry.

During 1818–1822, F. Baldauf published his two stories – ‘Mountain Spirit’ [10] and ‘Kavitu and Tungilbi’, a passage from a satirical comedy ‘Sly Bride’, more than ten poems and several epigrams. The end of his study course was approaching. And on July 31, 1823 after final examinations the administration of the mining school signed the certificates and presented them to the young engineers. One of the certificates ran as follows: ‘The Certificate is given to Feodor Baldauf, 23 years of age, educated in the Mining Military School supported by the Cabinet of His Royal Majesty to certify that, he being the son of a Huttenverwalter, entered the aforesaid school in March, 27, 1813, was promoted to the rank of Non-commissioned Officer in May 27, 1822, began his study in the elementary classes, then continued in middle and senior classes, has the academic achievements as follows: ‘very good’ in Botanic, Zoology, Rhetoric, Logic, Poetry, Mythology, French and German; ‘good’ in General Geography, Physics, Oricognosie, Descriptive Geometry, General Mechanics and Mining; ‘good enough’ in Geography of Russia, Law (Private Law, Law of Nature, Civil Law, Roman Law, Russian Law), Political Economy, Statistics of Russia, Mining Mechanics, Plan Drawing, Geognosy, Assaying and Surveying; ‘fairly good’ in General History and History of Russia, Trigonometry, Artillery, Fortification and Metallurgy; ‘satisfactory’ in Civil Architecture, Astronomy and Higher Mathematics; and ‘poor’ in Algebra, Geometry and Chemistry; and he also studied

Drawing. The course was finished on the expiry of the past year of 1822. Staying at the Mining Military School he demonstrated good enough behavior... [11].

So, it was the time to leave the school and St. Petersburg for the Baldauf brothers. The brothers went to Transbaikalia at once intending to help their mother to prepare for oncoming winter. She and the sisters were living in poor conditions for many years after the father's death and impatiently waited for their support. Feodor tried to find a job in the capital in the hope to bring the whole family there afterwards. But all his attempts were not successful. The future did not make him happy. It was very hard to live in the public plants. It was just unbearable in Nerchinsk Mining District where brothers had to work. The monstrous lawlessness of administration and regular cases of outrage upon defenseless and deprived people were considered to be a regular practice there.

Living in such environment seemed scaring for Feodor Baldauf. He got to like St. Petersburg, struck up literary acquaintances, was full of creative plans and dreamed of 'getting his life to poetry and dare'. But things turned out to be different. He had to leave the capital being washed-out.

On the date of departure, August 25, 1825, F. Baldauf wrote in Amplias Ochkin's album a 'ballad in new taste' entitled 'Cossack'.

An article about the meeting of 'Liberal Society of Lovers of Literature, Science and Art' dated February 7, 1824 was the last 'printed' evidence of interest in F. Baldauf's creative work. The new beautiful poem 'Bakhchisaray Fountain' by Alexander Pushkin and the excerpt from the 'Danube' poem by F. Baldauf were recited at this meeting in the presence of Alexander Izmailov, A. K. Vostokov and F. P. Litke [13]. In December of 1823 the brothers arrived in Nerchinsky Zavod, and the family soon moved there too. They lived together a little more than a year, then Alexander fell ill and died of tuberculosis. Feodor became the only supporter for his family being inexperienced in everyday business himself. He wrote in his ballade 'The Blacksmith' created at that time (See the original poem at p. 244).

The news of the Baldaufs' terrible poverty reached St. Petersburg. The literary men in the capital including the Bestuzhev brothers raised funds worth two hundred roubles and on behalf of 'Liberal So-

society of Lovers of Literature, Science and Art' and 'Enlightenment Competitor' sent the money to F. Baldauf through Amplias Ochkin. 'I know many of the members of Your honorable society as wonderful literary men, but now I know them as openhearted and kind persons too', answered F. Baldauf moved by his friends' concern for his family. [14].

The poet's sisters were weak and sickly girls. And despite the care of their mother and brother, Ekaterina and Natalia soon died of tuberculosis. Only senior sister, Sophia escaped the same destiny and outlived her mother and brother. She was a highly gifted person able to draw and sing well and wrote pretty good poems, even in German.

(Из книги Петряев Е.Д. «Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита: Читинское книжное издательство, 1954. – 260 с.).

Literature:

1. Memoirs of the Former Students of the Mining Institute, St. Petersburg, 1873, 224 p.
2. I.V. Bagashev's Papers (Museum of Kyakhta, № 46).
3. Siberian (N. M. Yadrintsev), Destiny of Siberian Poetry and Old Poets of Siberia, "Literary Collection", "Eastern Review" newspaper, St. Petersburg, 1885, p. 417.
4. Proceedings of the Society of Lovers of the Russian Literature, M., 1817, part 7, p. 107.
5. A. Belokopytov, Short Historical Review of Life, (Museum of Kyakhta, № 53).
6. "Enlightenment Copetitor", 1819, part 6, № V, pp. 189-198.
7. "The Loyalist One", 1820, February, № IV, pp. 265-269.
8. V. G. Bazarov, Free Society of Lovers of the Russian literature, Petrozavodsk, 1949, p. 422.
9. "The Loyalist One", 1821, August, № XVI, pp. 206-209.
10. The Loyalist One, 1821, July, № XIII, pp. 18-32.
11. Chitinsky Regional State Archive (CRSA), file 328, sheet 174.
12. Institute of the Russian Literature, Academy of Science, The Pushkin House (Leningrad), department of manuscripts, A. N. Ochkin's album (reference number 4902/XXV 6.63), sheet 23.
13. The Loyalist One, 1824, № IV, p. 299.
14. The Pushkin House (Leningrad), department of manuscripts, "Free Society of Lovers of the Russian Literature" Fund, Society Papers, 1824, № 174, sheets 281-282.

Эпистолярное наследие декабристов

*160-летию присвоения Чите
статуса города посвящается*

Людмила Эмирзиади

Рыцарь «Ордена Восстановления» Д. И. Завалишин

160 лет тому назад, 11 июля 1851 года, благодаря стараниям генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского Чите был присвоен статус города. Для того, чтобы состоялось это, столь значимое для нашего города, событие, немало потрудился также декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин, проживавший в то время в Чите на поселении, а прежде, с 1827 по 1830 год, отбывавший здесь каторгу. Завалишин был первым проектировщиком улиц растущего города. Именно он придал молодой Чите тот внешний облик, который сохранился по сей день. В городе Чите, к сожалению, нет улицы, названной в его честь, однако именем Завалишина названы мыс на островах Сенявина в Тихом Океане, губа на Кольском полуострове и остров в гряде Южных Сандвичевых островов.

Дмитрий Иринархович Завалишин (1804 – 1892) – русский морской офицер восьмого флотского экипажа, писатель, публицист и мемуарист, этнограф, автор многих статей и антиправительственных стихотворений. Он родился в Астрахани 13 июня 1804 года в семье суворовского генерал-майора, шефа Астраханского гарнизонного полка, известного русского государственного и военного деятеля, поэта Иринарха Ивановича Завалишина. С рождения Дмитрий был чрезвычайно серёзен, не знал обычных детских игр и в три года сам попросил научить его грамоте, а уже в четыре преподнёс отцу на именины необычный подарок – пришёл в его кабинет и начал читать вслух. Когда мальчик только родился, ему предсказали блестящее будущее и особое предназначение. С тех пор Дмитрий Завалишин «считал каждую мечту свою за определение небес».

В 1811 году, когда ему исполнилось семь лет, на небе появилась звезда. С каждым днём она росла, принимая всё более грозный вид, пока не превратилась в комету. Многие тогда предчувствовали в ней вестницу страшных бед. «Начались сравнения, — вспоминает Завалишин, — кто говорит, что хвост кометы — это пучок розог, кто уподобляет метле, чтобы вымести всю неправду из России». Комета исчезла, в прошлом остались все несчастья и домыслы, пришедшие вместе с ней, но мысль «вымести всю неправду из России» навсегда поселилась в беспокойном сердце и горячей голове мальчика.

Его рано умершую мать, Марию Никитичну Черняеву (умерла в 1810 г.), заменила мачеха Надежда Львовна Толстая (Завалишина). Таким образом, через мачеху Дмитрий Иринархович состоял в непрямом родстве с семьёй Толстых и пользовался большим расположением со стороны графа А. И. Остермана-Толстого, жил в его доме и позднее написал о нём трогательные «Воспоминания».

С 1816 по 1819 годы Дмитрий Завалишин проходил обучение в Морском Кадетском Корпусе. В возрасте 12 лет (10 июня 1816 г.) стал гардемарином, плавал в Балтийском море. В 15 лет, успешно сдав все экзамены, был произведён в лейтенанты (унтер-офицеры) и выпущен из Кадетского Корпуса мичманом. По окончании Морского Корпуса при нём же проходил службу в качестве кадетского офицера и преподавателя высших математических наук, астрономии, высшей теории морского искусства и морской тактики.

В 1822–1824 годах совершил кругосветное путешествие на фрегате «Крейсер» из Кронштадта в Русскую Америку до острова Ситх в Калифорнии и обратно до порта Ново-Архангельск. Плавание было организовано первооткрывателем Антарктиды М. П. Лазаревым, и в нём принимал участие также П. И. Нахимов, впоследствии знаменитый адмирал. Во время плавания молодой мичман Завалишин не терял времени даром. «Голова его всегда была полна реформ», — чуть позже скажет о нём адмирал Лазарев. Завалишин постоянно пополнял свои знания, изучил несколько иностранных языков (он владел 10 языками), разработал несколько интересных проектов, в частности проект о присоединении Калифорнии к России. По его мнению, на тот момент создалась

уникальная ситуация, когда калифорнийские земли оказались как бы ничьими. Испания уже не могла поддерживать свою бывшую колонию, а Мексика, новая хозяйка этих земель, и не собиралась этого делать. Юный мичман Завалишин видел реальную возможность присоединить Калифорнию к России.

Но самое главное, над чем в этот период своей жизни неусстанно трудился юный Завалишин, что занимало всё его внимание – это была попытка создания некоего Общества Восстановления Правды, Истины, нравственных начал, которое он впоследствии так и назовёт – «Орден Восстановления». Он мыслил создать это Общество по образу и подобию рыцарского Ордена, «образовывая его по примеру Мальтийского». Им был написан устав Ордена и принято несколько членов, самого себя он позиционировал великим магистром. Из-под пера новоиспечённого магистра родились пункты «Обязанностей членов Ордена»: «подавать помочь всякому притеснённому, защищать всякого обиженного, покровительствовать бедным и сиротам», «говорить всегда правду, не лицемерить, не уклоняться ни перед кем», «быть примером чести и помогать друг другу во всяком случае». Также окончательно сложились требования к желающим вступить в Орден. Завалишину было важно, чтобы «жизнь новопринимаемого... подходила к правилам рыцарским», «чтобы в нём заметна была решительность и сила характера», «чтобы не был один из тех, кто холоднокровно смотрит на бедствия ближнего». Жизнь Д. И. Завалишина сложилась таким образом, что эти правила стали определяющими всей его дальнейшей жизни, оказались написанными для самого себя, как руководство к действию, как Кодекс рыцарской чести. Он оставался верным этим принципам всю жизнь.

Осенью 1822 года Д. И. Завалишин направил из Лондона письмо царю Александру I с просьбой аудиенции по возвращении в Россию для рассмотрения составленной им Записки, в которой речь шла об «Ордене Восстановления». Завалишин просил у царя Александра I позволения учредить «Орден» с целью введения в России республиканской формы правления. Царь признал идею «неудобоисполнимою».

Знакомство с членами Северного тайного Общества, близкое знакомство с декабристом К. Ф. Рылеевым* в корне изменило судьбу «великого магистра». Не разделяя многих идей и осо-

бенно образа жизни будущих декабристов, он отдавал должное их бескорыстию. «Они жертвовали не только жизнью, которой рискуют иногда из-за пустяков, из тщеславия, не имея притом ввиду ответственности в последствиях, но и состоянием, и положением в обществе, и тем, что, наверное, имели бы при том порядке вещей, который искали изменить вопреки выгоде». Тщетными оказались его попытки остановить заговорщиков, отговорить от политических амбиций, вернуть к нравственно-просветительским целям. Внутренне не соглашаясь с планами мятежников, он всё же пошёл с ними до конца. Он был близок к декабристам, однако официально не являлся членом ни одной из их организаций. Во время восстания декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга Завалишин находился в отпуске в Казанской и Симбирской губерниях. И, несмотря на то, что непосредственного участия в восстании он не принимал, в начале января 1826 года был арестован, но после нескольких допросов освобождён. Весной того же года он вновь был арестован. В приговоре Верховного суда по делу декабристов среди государственных преступников «первого разряда», приговорённых к смертной казни, под № 23 значилось имя лейтенанта Д. И. Завалишина. В приговоре говорилось, что он «умышлял цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждал к тому словами и сочинениями и принадлежал к тайному обществу со знанием скровенной цели». Смертная казнь была заменена 20-летней каторгой с последующим поселением в Сибирь. 22 августа 1826 года он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, и только 24 февраля 1827 года доставлен в Читинский острог. В сентябре 1830 года вместе с другими декабристами Завалишин был переведён в Петровский Завод. В 1832 году срок его пребывания в Сибири был сокращён до 15 лет, а в 1835 году – до 13 лет. В 1839 году Дмитрий Иринархович Завалишин был направлен на поселение в Читу. Такова была плата за его бескомпромиссность и верность идеалам «Ордена Восстановления».

Мужественно и стойко перенёс Завалишин тяготы и невзгоды политического изгнания. Несмотря на жестокие испытания, Дмитрий Иринархович сохранил верность своим взглядам «вымести всю неправду из России», оставался прежним: несговорчивым, острым, неудобным, непримиримым врагом крепостничества.

ва и всякого угнетения. Он продолжал отстаивать Правду и Истину всюду, где оказывался: в суде, в каземате Петровского Завода, на вольном поселении в Чите. Всюду он оставался нетерпимым к любым человеческим слабостям и недостаткам, самоуве-ренным, желчным. Его жизнь складывалась таким образом, что кодекс чести рыцаря он создал не для кого-то, а для самого себя и продолжал следовать ему до конца. Кодекс чести придавал ему силу духа, помогал оставаться живым и деятельным, решительным и сильным, честным и благородным.

По выходу в 1839 году на поселение Д. И. Завалишин избрал местом своего жительства Читу, где он тотчас принял самое активное участие в просвещении, изучении края. Дмитрий Иринархович досконально изучил Забайкальский край. «... Долгое время, до назначения и прибытия весьма медленно назначаемых служащих, он безвозмездно исполнял должность офицера генерального штаба по съёмкам и составлению карт путей сообщения, по составлению плана города; должность землемера, по распланировке города и отводу земель, архитектора по постройке казённых зданий, медика по надзору за тифозными госпиталями, оказывал пособие жителям собственными лекарственными средствами; советника, мирового посредника, учителя и пр.». Чиновники пользовались его указаниями. Кроме того, он занимался в Чите садоводством, выписывал семена, руководства по изготовлению простейших машин, для сельских детей приобретал учебники и пособия, много разных полезных книг, вёл обширную переписку с товарищами. В своём собственном доме он открыл школу. Помогал жителям в случае болезни, для чего выписывал медикаменты, выращивал целебные травы. Д. И. Завалишин принимал живейшее участие в делах по устройству вновь образованной Забайкальской области, в разработке «Проекта областного города Читы Забайкальской области», сам выполнял топографические съёмки на местности. Проект обустройства города Читы был утверждён Александром II в 1862 году. Дмитрий Иринархович был в курсе всех дел администрации и видел злоупотребления местных чиновников и самого генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва-Амурского.

В то время по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири началось освоение Амура. Жители Забайкалья, а более

всего казаки, переселялись на постоянное жительство на эти земли. При этом встречались факты насильственного переселения, неудачный выбор мест для постоянного проживания, а также воровство средств, отпускаемых переселенцам со стороны государственных чиновников и купцов. Все эти факты вызывали резкую критику демократически настроенных кругов и в Сибири, и в России. Нельзя было допустить, чтобы это так продолжалось, не рискуя безвозвратной гибелью края; вот почему, когда все уверения оказались тщетными, Завалишин, верный своим принципам чести «говорить всегда правду, не лицемерить, не уклоняться ни перед кем», решил раскрыть в печати настоящее положение дел на Амуре и в Забайкалье.

Тогда-то Завалишин пишет ряд статей обличительного характера и выдвигает новый для феодально-помещичьей России – капиталистический путь освоения богатств амурского края. После амнистии 26 августа 1856 года он очень серьёзно занялся изучением Восточной Сибири, лично участвовал в исследовании бассейнов рек Ингоды, Онона и Шилки, но в большей степени Амура. В 1857–1861 годах Завалишин опубликовал статьи в «Морском сборнике», где раскритиковал то, как идёт освоение новых территорий.

«Грузы не доходили до Амура, растаскивались чиновниками, а частью до Амура замерзали во льду. В поселениях по Амуру свирепствовали болезни и цинготная в особенности, – это строчки из статьи Завалишина в «Морском сборнике». Подробно разбирая навигацию на Амуре, а также неудачные попытки торговли и хозяйственной деятельности заселения Амурского края он пишет: «Суetu мертвящую выдаём за плодотворную деятельность, эффекты – за сущность дела, из-за количества произведённого как-нибудь искажаем качественность действия, механическую перестановку выдаём за органическое развитие, истощаем самый капитал, чтобы высказать огромность временно приносимых процентов». Весьма безотрадная картина складывается из статей и высказываний Завалишина. Переселенцы и солдаты испытывали огромные лишения, голодали, мёрзли, болели и умирали. А те, кто ведал освоением Амура, наживали себе состояния и получали награды.

Д. И. Завалишин оставался в Чите до 1863 года, был женат на Аполлинарии Семёновне Смольяниновой (1812 – 1847), дочери местного горного чиновника, она похоронена в Чите. От вышеупомянутого первого брака и второго брака с Зинаидой Павловной Сергеевой (ум. в 1890 г.) родились дети: Иринарх, Мария, Вера, Дмитрий, Зинаида, Екатерина.

Во время пребывания на поселении Завалишин активно занимался публицистикой, печатал статьи, разоблачающие злоупотребления местной администрации, не только в «Морском сборнике», но и в «Вестнике промышленности». Вскоре публикация его статей была запрещена. Власти сочли его статьи и само пребывание в Забайкалье опасным. По представлению генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва-Амурского и высочайшему повелению в августе 1863 года Д. И. Завалишин был принудительно выслан из Читы в Казань «под бдительный полицейский надзор» за обличительные статьи. Однако в Казани местный генерал-губернатор отказал ему в жительстве, и Завалишин проследовал в Москву, куда он прибыл уже в октябре того же года. Единственный, уникальный в отечественной истории случай дважды сосланного человека, он был выслан сначала из Европы в Сибирь, а затем из Сибири в Европейскую часть России.

Последние три десятилетия Д. И. Завалишин прожил в Москве под надзором полиции. По возвращении в 1863 году в Москву из ссылки он стал заведовать учреждением «Общество воспитательниц и учительниц». Являясь сотрудником нескольких газет, написал ряд статей по вопросам воспитания. Его статьи и воспоминания опубликованы в таких известных изданиях, как «Московские ведомости», «Русский вестник», «Русская старина», «Исторический вестник» и других газетах и журналах. Им написано несколько работ о Восточной Сибири, Дальнему Востоку и Русской Америке, а также книга о жизни декабристов в ссылке «Записки декабриста».

Завалишин скончался 5 февраля 1892 года в возрасте 88 лет, похоронен в Даниловом монастыре рядом с могилой Н. В. Гоголя.

Он занимал довольно видное место в Общественной жизни России второй половины XIX века, тем не менее, являл собою очень редкий тип «одинокого волка». Склонный к отвлечённым

наукам, человек энциклопедического ума, железной воли и невероятной трудоспособности, фанатик строгих принципов, крайне честолюбивый, самоуверенный, нетерпимый к любым компромиссам, он без всякого стеснения описывает свои заслуги и чужие грехи, ополчаясь, причем вполне обоснованно, и на правительство, и на декабристов, и на самодержавие, и на либерализм.

В другой стране или в других условиях он стал бы адмиралом, министром или народным трибуном, а в России оказался не-прикаянным, опороченным «лишним человеком», и даже его интереснейшие мемуары, которыми восхищался сам Лев Толстой и считал их «самыми важными из Записок декабристов», традиционно замалчивались и не переиздавались целых сто лет. Впервые «Записки декабриста Д. И. Завалишина» были изданы лишь после его смерти в 1904 году в Мюнхене, а затем в 1906 году – в Санкт-Петербурге. Его «Записки» содержат, несомненно, важные, хотя и не лишенные тенденциозности, сведения о жизни декабристов в Сибири и представляют собой большую ценность для характеристики всего движения в целом, отдельных декабристов, воссоздают историю эпохи середины XIX века. «Мы первые явились в Сибирь людьми из высшего сословия, вполне доступные и притом с правилами, совершенно противоположными тем, какие жители привыкли видеть в высших себя и начальниках: они видели участие и делаемое добро вместо насилия и вымогательства из собственного добра. Оттого от нас никто ничего не таил, и русский, и инородец, и старожил, и поселенец, и казак, и раскольник открывали нам то, чего никогда не открыли бы правительству. Оттого-то нам и можно было изучать край в действительной его истине», – пишет Завалишин в своих «Записках».

Из всех показаний и свидетельств, относящихся к событиям 14 декабря 1825 года, и последующих лет пребывания в Сибири, можно заключить, что мысли и действия Д. И. Завалишина всегда были честными, прогрессивными, направленными на служение Отечеству. Ведущим мотивом его деятельности, как всех революционеров того времени, была любовь к своей Родине, её многострадальному народу. Общее настроение неудовлетворённости внутренним положением в России и желание сделать, как можно больше хорошего для своей Родины всегда владели Завалишиным.

Ниже следующие резюме писем адресованы Надежде Львовне Завалишиной, урождённой Толстой. Она приходилась мачехой Дмитрию Иринарховичу, о которой он всегда вспоминал с большой нежностью. Приведённые письма написаны рукой М. Н. Волконской по поручению и доверию семьи Завалишиных, так как сами декабристы были лишены права переписки¹.

Эти письма сохранялись Марией Николаевной в специальной тетради с Résumé, где она фиксировала краткое содержание писем, написанных ею и отправленных в города Центральной России. Данные письма датированы 1829 годом, то есть временем пребывания декабристов в Читинском остроге до их перехода в Петровский каземат.

**Письма из тетради с Résumés M. Н. Волконской,
хранящейся в краевом краеведческом музее имени А. К.
Кузнецова г. Читы**

25 Mai Надежде Львовне Завалишиной

Réponse à sa lettre à moi et à son fils du 19 Mars. Désir que j'ai de pouvoir être utile et prière qu'elle se dissuade qu'en m'écrivant elle m'est à charge. Contentement de son fils de la savoir à la campagne près de Mme Ivaschoff.** Combien son fils, entouré de ses envois, tenant tout de votre tendresse, ayant votre portrait – pense sans cesse à elle. Remerciements pour l'envoi de livres et les difficultés qu'elle éprouve pour les trouver. Il voit qu'elle n'a pas oublié qu'il aime l'occupation et y consacre autant de temps que lui permet sa position. Bonheur d'avoir des nouvelles de son frère Nicolas,*** quoique peiné de ce qu'il ne puisse pas passer l'été à la campagne ce qu'il avait cru nécessaire à sa santé. Tendresse pour elle, pour sa soeur.*** Hipo-lite**** se porte bien en fait de santé. Politesse de ma part.

25 мая Надежде Львовне Завалишиной

Ответ на её письмо мне и её сыну от 19 марта. Желание быть полезной и просьба разубедиться в том, что переписка с ней мне в тягость. Удовлетворенность её сына тем, что она находится

---

¹ См. «Переводчик» № 5, 2005 с. 119 и далее (прим. переводчика).

в деревне рядом с госпожой Ивашевой.** Насколько её сын, окружённый посылками, её нежностью, хранящий её портрет – постоянно думает о ней. Благодарность за посылку с книгами и за преодоление тех трудностей, которые она испытывала, чтобы найти их. Он видит, что она не забыла, что он любит это занятие, и посвящает ему столько времени, сколько позволяет его положение. Счастье иметь новости о его брате Николае,*** хотя он огорчен тем, что брат не смог провести лето в деревне, что было бы необходимо для его здоровья. Выражение нежности ей и сестре.*** Ипполит**** чувствует себя хорошо в плане здоровья. Выражение вежливости с моей стороны.

M-me Zavalischin

25 Octobre 1829

Réception par son fils de sa lettre avec les portraits des enfant(s) Melgonoff, lettre doublement consolante xxxxxxxx. Resemblance de la plus jeune à sa mère, désir d'avoir le portrait de celle-ci fait au crayon par Mlle sa soeur.*** Avoir l'image de ceux qui lui sont chers et des quels il est séparé à jamais, est une consolation que vous ne refuserez pas à lui donner. Demande pour les livres pour son frère déjà faite, demande de la grammaire anglaise par Cobbet, de la bible française et du linge pour Ипполит Иринархович*** et de gants pour tous les deux. Pour И.И. Сводь русскихъ летописей Арцибашева. Respects à Mme Lvoff, tendresse à sa fille, regret de ne pas avoir des nouvelles de ses frères. Дмитрий Иринархович dit milles tendresses à Mlle sa soeur *** et la remercie des peines qu'elle s'est donné pour lui. Mme Fon-Vizin***** lui a écrit dernièrement. Remerciement à Софья Тихоновна и Лукерья Леонтьевна de leur souvenir.

Assurances de ma part.

Мадам Завалишиной

25 октября 1829

Получение её сыном письма с портретами детей Мелгон-нофф, письма вдвойне утешительного xxxxxxxx. Схожесть самой младшей с матерью, желание иметь её портрет, выполненный карандашом его сестрой.*** Иметь изображение тех, кто ему дорог и с кем он разлучён навеки – это то утешение, в котором вы не сможете ему отказать. Просьба о книгах для его брата, которые

уже были заказаны, просьба об английской грамматике Cobbet, французской библии и белья для Ипполита Иринарховича****, — и перчатки для них обоих. Для И.И. Свод русских летописей Арцибашева. Поклон мадам Львовой, нежности её дочке, сожаление о том, что нет никаких новостей от её братьев. Дмитрий Иринархович передаёт тысячи нежностей своей сестре*** и благодарит её за работу, которую она проделала для него. Мадам Фон-Визина***** ей написала недавно. Благодарности Софье Тихоновне и Лукерье Леонтьевне за их сувенир.

Заверения от меня.

M-me Zavalischin

21 Novembre 1829

Préambule d'excuse sur le contenu de ma lettre, mon désir n'aurait été que de lui donner des consolations; repugnance que j'ai à me mêler d'affaire de famille, mais devoir que j'ai envers elle et, d'après son autorisation et la confiance qu'elle accorde à Д. И[ринархович], de lui commun... qu'il m'a prié de vous être comme....xxxxx

Vos désirs sont autant d'ordres pour lui, il tâche d'y mettre dans leur exécution autant de persévérance et de zèle qu'il en est capable. Mais il ne se reconnaît pas capable de servir de guide, lui, qui a commis lui-même des fautes. Il ne croit point pouvoir donner des conseils avec autorité, les seuls qu'il trouve convenables à un homme censé plus par faiblesse de raisonnement que par faiblesse de sentiment. Ils ne peuvent venir avec fruit que de vous, et c'est à cette fin qu'avant maintenant et à l'avenir il tâchera vous tenir au courant de l'état moral de son frère.....

Мадам Завалишиной

21 ноября 1829

Преамбула извинений по содержанию моего письма, моё желание заключалось лишь в том, чтобы выразить утешения; отвращение из-за необходимости вмешиваться в семейные дела, обязательства, которые я имею перед ней, и, согласно разрешению и доверию, которое она оказывает Д-- Иринарховичу, который меня попросил быть вам как ...xxxxx

Ваши желания являются для него приказом, он старается их исполнить с таким терпением и рвением, на которые он только способен. Но он не признаёт себя способным быть проводником, он, кто сам сделал столько ошибок. Он нисколько не считает себя вправе давать авторитетные советы, единственное, что он находит подходящим человеку, полагаемому более умственно слабым, чем слабым в чувствах. Равно как до сего момента, так и в будущем, он постарается держать её в курсе морального состояния его брата...(не окончено)

*Рылеев Кондратий Фёдорович (1795 – 1826) – отставной подпоручик. Воспитывался в Первом Кадетском Корпусе. Участник заграничного похода 1814 года. В 1821–1824 г.г. являлся заседателем от дворянства петербургской палаты Уголовного суда, затем – правителем канцелярии Российско-Американской компании. С 1823 г. вместе с декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским издавал Альманах «Полярная Звезда», который выражал взгляды будущих декабристов и объединял все прогрессивные силы русской литературы. Поэт, автор «Дум», поэм и од на гражданские темы. Вождь Северного общества, главный организатор восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Поставленный вне разрядов, К. Ф. Рылеев был повешен 13/26 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости.

** Речь идёт о матери декабриста, члена Южного общества, Василии Петровиче Иващеве (1797 – 1840). В семье симбирского помещика генерала П. Н. Иващева гувернанткой его дочерей служила Мария Петровна. Вместе с ней в семье жила её дочь, девушка по имени Камилла, урождённая Ле-Дантю. Отцом Камиллы был французский эмигрант-республиканец, бежавший в Россию от Наполеона. Она стала невестой Василия Петровича. После продолжительных хлопот девушка получила официальное разрешение на отъезд в Сибирь к своему жениху, декабристу В. П. Иващеву. Осенью 1831 года приехала в Петровский Завод, там же состоялась их свадьба. Камилла Петровна Иващева (1803 – 1839) разделила со своим мужем изгнание и тяжкое бремя каторжанина, умерла на поселении в Туринске от родов. «Камилла Иващева ... скончалась на поселении, и ей совсем молодая; муж скоро последовал за нею, и её мать, приезжавшая к ним для свидания, увезла их сирот в Россию». (М. Н. Волконская).

*** У Дмитрия Иринарховича Завалишина было три брата: Ипполит, Николай, Александр и две сестры: Екатерина и Надежда.

**** **Ипполит Иринархович** (1809 – 1879) – родной младший брат Дмитрия Иринарховича Завалишина. Считается, что он был доносчиком. После раскрытия существования польских тайных обществ в 1828 году был подсажен царским правительством к осуждённым в качестве провокатора. «Почётную» обязанность исполнял изрядно. Втёршись в доверие к инициаторам создания оренбургского тайного общества, он, тогда 19-летний, сыграл в нём роковую роль доносчика и провокатора – виновника всех бед участников кружка, их трагической судьбы. Однако после ареста руководителей и наиболее активных членов сообщества вместе с ними военному суду был предан и Ипполит Завалишин, подписи которого оказались под важными документами, им же инспирированными. Его судили как одного из «главных злоумышленников бунта», приговорив первоначально к колесованию, а затем сослав в Сибирь. Каторгу первоначально отбывал в Зерентуе. После огласки его провокационной деятельности среди поляков по настоянию старшего брата и при помощи С. Р. Лепарского,***** коменданта Нерчинских рудников, а затем Читинского и Петровского острогов, переведён отбывать каторгу вместе с братом.

***** **Фонвизина Наталья Дмитриевна** (1805 – 1869) – жена декабриста генерал-майора Михаила Александровича Фонвизина (1787 – 1854), члена Северного общества, осуждённого по IV разряду; последовала за мужем в Сибирь в 1828 году, оставив двух малолетних детей. В 1848 году во время эпидемии холеры в Тобольске вместе с другими поселёнными там декабристами, рискуя жизнью, ухаживала за больными, снабжала их медикаментами. Когда в Тобольск прибыли петрашевцы, направлявшиеся к местам назначенных им каторжных работ, Н. Д. Фонвизина добилась разрешения навещать Ф. М. Достоевского в пересыльном замке. Она обеспечила его всем необходимым и оказывала помощь в дальнейшем. В 1853 году Фонвизины получили разрешение возвратиться на родину и жить в с. Марьине Бронницкого уезда Московской губернии. После смерти мужа, последовавшей в 1854 году, в 1857 году Наталья Дмитриевна вторично вышла замуж за декабриста И. И. Пущина. Умерла в Москве.

***** **Лепарский Станислав Романович** (1754 – 1837) – генерал, одно из доверенных лиц Николая I. С 1827 года комендант

Нерчинских рудников, а затем Читинского и Петровского острогов. К декабристам и их жёнам относился гуманно, что отмечают почти все декабристы в своих мемуарах и жёны декабристов в своих письмах. Благожелательное отношение Лепарского к декабристам может быть объяснено следующими причинами: во-первых, это, очевидно, влияние знатной родни декабристов, а, во-вторых, понимание самим Лепарским, что его роль как тюремщика декабристов должна получить оценку не только со стороны современников, но и потомков.

Литература:

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы./ Т. II. С. 153.
2. Декабристы и Сибирь.// авторы-составители: М. Д. Сергеев, Н. Н. З. Гончарова, А. Ф. Серебряков./ Изд-во: Советская Россия, 1988 г. С.264.
3. Записки декабриста Д.И. Завалишина. М., 1906.
4. Письма из тетради с Résumés М.Н.Волконской, хранящейся в краевом краеведческом музее имени А. К. Кузнецова г. Читы.

Уголок поэтов. «Остались женщины святые на нашей матушке-Руси»

Георгий Рудольфович Граубин (1929 – 2011)

В солнечные майские дни не стало Георгия Рудольфовича Граубина – одного из самых известных и любимых забайкальских писателей – автора более 50 книг, журналиста, общественного деятеля, почетного гражданина Читинской области, кавалера ордена «Знак Почета», заслуженного работника культуры РСФСР, члена Союза писателей СССР, делегата шести съездов СПР.

Георгий Граубин – инициатор многих славных дел на забайкальской земле. Он явился одним из организаторов проведения семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока (1965), традиционных, ставших любимыми нашими земляками праздников книги «Забайкальская осень» и Дня города.

На протяжении многих десятилетий этот светлый, несущий добрую энергию человек, радовал нас своими замечательными стихами и прозой, статьями и очерками. Среди самых известных книг «Четырехэтажная тайга», «На берегах таинственной Силькари», «Серебряный капкан», «Прежде, чем грянет выстрел», поэтические сборники последних лет – «Куда бегут тропинки», «Светлая любовь моя».

Движимый искренней любовью к людям труда, Георгий Граубин подготовил большую серию радиопередач, из которых наши земляки узнавали о знатных людях родного края. Его красивый, энергичный, неповторимый по тембру голос, который невозможно было с кем-либо спутать, звучал в каждом доме. Сотни встреч в школах, трудовых коллективах, на полевых станах и в колхозных клубах – Граубину было чем поделиться со своими читателями, и они отвечали ему такой же неподдельной и преданной любовью. Обаяние его личности обладало здоровой притягательной силой, которой Георгий Рудольфович щедро делился со всеми.

Наш земляк гордо носил высокий статус детского писателя, он до конца жизни не разучился удивляться чудесам и заинтересованно рассказывать об этом свои маленьkim читателям.

25 марта 2011 года в ЗабГПУ на факультете иностранных языков под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России проводился традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков. На перевод с русского языка организаторами конкурса была предложена любовная лирика Георгия Граубина. Молодые переводчики переводили на иностранные языки исповедальные стихи¹ из книги писателя «Светлая любовь моя»¹, выпущенной читинским издательством в 2009 году. Книга посвящена любимой жене и верному другу писателя – Галине Григорьевне, которая к тому времени уже безвременно ушла из жизни.

Мы предлагаем читателям еще несколько стихотворений Георгия Граубина из этой книги.

*****

Когда к Читинке вышел я на берег,
Мне показался черным светлый день:
Там, где когда-то был весёлый скверик,
Увидел я засохшую сирень.

Она как будто плакала от боли
И, как врача, садовника ждала.
Я посмотрел на кустик и невольно
Себе представил, как она росла.

...Счастливою весеннею порою
Цвет набирала пышная сирень,
Прозрачною прохладною росою
Встречая начинающийся день.

---

¹ См. раздел «Конкурсы, конкурсы, конкурсы...!!! (CC. 224-227).

И расцвела...Не трогали морозы
Её ночной холодною порой.
И гневно громыхающие грозы
Пройти старались стороной.

Она была на божество похожа.
Но ей другой удел назначен был:
Увидев куст, весенним днём проходящий
Себе на память ветку отломил.

Затем другой взял стволик в руки-крюки.
Услышав хруст, а не мольбу и стон,
На вечные страдания и муки
Изломанным тот куст оставит он.

Пройдёт зима, и снова ручейками
Весна о новой жизни запоёт.
Одна сирень под вешними лучами
Уж больше никогда не расцветёт...

Увидел я вот этот куст сирени,
Изломанный жестокою рукой,
И потому я в этот день весенний
Наполнился печалью и тоской.

Весеннее исчезло настроенье.
Я, не стыдясь, заплакал потому,
Что этот куст изломанной сирени
Во всём подобен сердцу моему.

*****

И гуны были, и батыи.
Но всё же, Господи еси,
Остались женщины святые
На нашей матушке-Руси.

Они любые примут муки,
Хоть в рай готовые, хоть в ад.
Не предадут мужей в разлуке,
Уладят ссоры и разлад.

Мне трудно выразить словами,
Что было с Вами в жизни той.
Я преклоняюсь перед вами
И вашей мудрой чистотой.

*****

Умру, и друзья осторожно
Глаза мне закроют, скорбя...
Со смертью смириться бы можно,
Да я потеряю тебя...

Уже никогда не услышу
Тебя ни вблизи, ни вдали:
Мне сделают прочную крышу
Из пахнущей тленом земли.

Нет, нет – не хочу, не желаю,
Немного ещё поживу,
И нервы врагам помотаю,
И к чарке друзей позову.

А главное – надо тебя мне
Обнять и в глаза посмотреть.
Сниму вот с души эти камни,
Тогда и готов умереть.

Умру, и друзья осторожно
Глаза мне закроют, скорбя...
Но это никак невозможно –
Чтоб больше не видеть тебя!

Мираж

Не мешай, отойди от меня!
Так преследовать просто жестоко:
Ты еще мне ни дня, ни полдня
Не дала посидеть одиноко.

От хмельной городской суеты
Я уехал в глухое зимовье.
Но незримо явилась и ты,
Молча села в моё изголовье.

И пошло, и пошло, и пошло!
Ты всё время приходишь незримо,
Проверяешь, чтоб было тепло,
Чтобы я не задохся от дыма.

Чтобы я не замерз на снегу,
Чтобы я не сорвался с обрыва.
Ты уходишь со мною в тайгу
И обратно идешь молчаливо.

Отойди от меня, отойди,
Приставаний твоих не желаю! ...
Ты уходишь? Постой, погоди,
Возвратись, я тебя умоляю!

На дворе уже поздняя ночь,
Под обрывом глубокая майна.
Только голову мне не морочь,
Что ты тут совершенно случайно...

*****

Мне неба голубого просинь
Видна из узкого окна.
Летит листва... Да, это осень!
Но для меня она весна.

Пускай слетают листья клена
И блекнет зелень – все равно
Весь мир просторным и зеленым
Сегодня вижу я в окно.

*****

Без тебя черёмуха цветет,
И кукушки без тебя кукуют.
Без тебя они теперь тоскуют,
И такое будет каждый год.

О себе я лучше умолчу:
Жить мне без тебя такая мука,
Это значит – вечная разлука,
А в разлуке жить я не хочу.

Вспоминаю по сто раз на дню,
Что была порой ты молчалива
И к дурацким шуткам терпелива,
И во всем себя теперь виню.

Если бы всю жизнь начать с нуля!
Было бы все это по-другому,
Я бежал бы радостнее к дому
И быстрей, чем вертится Земля.

Господи, за всё меня прости!
Всё могло бы быть хоть чуть иначе,
И зимой черёмуха на даче
Для тебя могла бы расцвести.

Я к себе, как видишь, очень строг:
Поздней самокритикой болею,
И себя при этом не жалею.
Да ведь я, прости, не педагог.

Лексикография

АВ
СД

Словари в помощь переводчику

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель Нина Маркова

РУССКИЙ

АНГЛИЙСКИЙ

ЛАТИНСКИЙ

Дд

давалия	hare's-foot fern	Davallia Smith. (Polypodiaceae)
дакридиум	huon pine	Dacrydium Soland. (Taxaceae)
далматская ромашка (нижма цинерариеви- стная, пиретрум цине- рапиелистный)	Dalmatian pyrethrum, pyrethrum	Pyrethrum cinerarie- folium (Tanacetum cinerariefolium)
даммаровое дерево	dammara	Dammara spp.
даная ветвистая (взду- топлодник, пузырёсес- мянник)	Alexandrian laurel	Danaë racemosa All. (Liliaceae)
дантония	danthonia, wild oat- grass	Danthonia DC. (Gramineae)
датиска	bastard -hemp	Datisca L. (Datisca- ceae)
датиска коноплёвая дающий столоны, под- земные побеги	bastard hemp stoloniferous	Datisca cannabina stoloniferus
двойчатка	bifora	Bifora Hoffm. (Um- belliferae)
двукисточник тростни- к	reed canary grass	Phalaris arundinacea

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009., СС. 185–206.

ковый			L. (Digraphis Trin.) (Gramineae)
двукисточник япон- ский	Japan canary grass		Phalaroides japonica (Steud.) Czerep.
двулепестник (цирцея)	enchanter's night- shade	dipeta-	Circaeа L. (Ona- graceae)
двулепестный (двули- стный)	two-leaved, lous	dipeta-	dipetalus
двулистный (двуле- стный)	two-leaved, lous	dipeta-	dipetalus
двусеменник	hutchinsia		Hutchinsia (Cruciferae)
«девица в зелени» (чернушка, нигелла)	love-in-a-mist		Nigella gen.
девичий цветок (ро- машка аптечная, ро- машка лекарственная, ромашка ободранная)	German camomile, wild camomile, ma- tricary		Chamomilla recutita (Matricaria chamo- milla, Matricaria re- cutita)
девясила	elecampane		Inula L. (Composi- tae)
девясила высокий	elf dock, yellow star- wort, elfwort, ele- campane inula		Inula helenium
девясила японский	Japanese elecampane		Inula japonica
делоникс	peacock-flower		Delonix gen.
дельфиниум (живо- кость, шпорник)	Delphinium, larkspur		Delphinium gen.
демазерия	spike-grass		Demazeria
дендробиум	dendrobium		Dendrobium
дендрокаламус	giant bamboo		Dendrocalamus Nees. (Graminae)
дербенник	lythrum, loosestrife		Lythrum L. (Ly- thraceae)
дербенник иволистный (плакун-трава)	purple loosestrife		Lythrum salicaria L. (Lythraceae)
дербенка	saw-fern		Blechnum L. (Poly- podiaceae)
деревей (тысячелист- ник)	yarrow		Achillea L. (Compo- sitae)
дерево	tree		arbor
дерево козо (хагения)	kusso tree		Hagenia abyssinica

абиссинская)			
дерево симарубо (квас- сия горькая)	bitterwood, quassia, quassia	bitter Surinam	<i>Quassia amara</i>
дерево путешественни- ков	traveller's tree		<i>Ravenala madagas- cariensis</i>
дереза	box-thorn, matri- mony-vine		<i>Lycium L.</i> (<i>Solanaceae</i>)
дереза китайская	Chinese wolfberry, China box-thorn, China matrimony vine		<i>Lycium chinense</i>
дёрен	dogwood, pigeon- berry		<i>Cornus L.</i> (<i>Corna- ceae</i>)
дёрен белый (кизил бе- лый)	white cornelian cherry, white dog- wood		<i>Cornus alba</i>
держи-дерево	Christ's-thorn, Jerusa- lem-thorn		<i>Paliurus spina-Christi</i> Mill. (<i>Rhamnaceae</i>)
дерновина (кочка)	tussock		<i>caespes</i>
дескурайния	flixweed		<i>Descurainia Sophia</i> Webb et Berth. (<i>Cru- ciferae</i>)
десмодиум	telegraph-plant		<i>Desmodium Desv.</i> (<i>Leguminosae</i>)
джакаранда	jacaranda		<i>Jacaranda spp.</i>
джамбоза (помароза)	jaboticaba		<i>Jambosa vulgare</i> (<i>Syzygium jambos</i>)
джамболан (евгения ямболана, яванская слива, ямболан)	jambolan, jambolan plum, Java plum		<i>Eugenia cumini</i> (<i>Eugenia jambolana</i> , <i>Syzygium cumini</i>)
джекфрут (восточноин- дийское хлебное дере- во)	jack		<i>Artocarpus hetero- phyllus</i>
джефферсония	twin-leaf		<i>Jeffersonia Bart.</i> (<i>Berberidaceae</i>)
джефферсония сомни- тельная	doubtful twin-leaf		<i>Jeffersonia dubia</i>
Джонсонова трава (коп- то алеппское, гумай)	Johnson grass, Aleppo grass		<i>Sorghum halepense</i> Pers. (<i>Andropogon</i> <i>halepensis</i> Brot., <i>Holcus halepensis</i> L.)

			(Gramineae)
джузгун	calligonum		<i>Calligonum</i> L. (Polygonaceae)
джут	jute		<i>Corchorus</i> L. (Tiliaceae).
джут длинноплодный	long-fruited jute, pot-herb jute, Jew's-mallow		<i>Corchorus olitorius</i>
дивала однолетняя	knawel		<i>Scleranthus annuus</i> L. (Caryophyllaceae)
диви-диви	divi-divi		<i>Caesalpinia coriaria</i>
дигиталис (наперстянка)	digitalis		Digitalis gen.
диервилла	weigela		<i>Diervilla</i> Adans. (Caprifoliaceae)
дикая горчица	charlock, wild mustard		<i>Sinapis arvensis</i>
дикая маслина (лох узколистный)	oleaster, silverberry Russian olive		<i>Elaeagnus angustifolia</i>
дикая слива (слива растопыренная, алыча)	cherry plum, myrobalan plum		<i>Prunus divaricata</i> Led. (<i>Prunus cerasifera</i> Ehrh.) (Rosaceae)
дикая яблоня	crab, wild apple tree		<i>Malus silvestris</i>
дикий виноград (ампелопсис)	ampelopsis		Ampelopsis gen.
дикий	spontaneous		spontaneus
дикий крыжовник	dog-bramble		<i>Rubus cynosbati</i>
дикий лук	wild leek		<i>Allium ferus</i>
дикий розмарин (багульник болотный)	swamp ledum , crystal tea ledum, marsh tea		<i>Ledum palustre</i>
дикий цикламен	sow-bread		<i>Cyclamen europaeum</i>
дикий чеснок	moly		<i>Allium moly</i>
дикий шафран	distaff thistle		<i>Carthamus lanatus</i>
дикорастущий	spontaneous		spontaneous, ferus
дилления	dillenia		Dilleniaceae fam.
дионея	Venus fly-trap		<i>Dionaea</i> Ellis. (Droseraceae)
диоскорея (ямс)	yam		<i>Dioscorea</i> Decne. (Dioscoreaceae)
диоскорея бататная (ямс китайский)	batat yam, Chinese potato		<i>Dioscorea batatas</i>

диптерикс	tonka-bean	Dipteryx Schreb. (Leguminosae)
диптерикс душистый	tonka bean, Dutch tonka bean	Coumarouna odorata (Dipteryx odorata)
дирка	leather-wood	Dirca L. (Thymelaeaceae).
диффенбахия	dumb cane	Dieffenbachia Schott. (Araceae)
дланевидный (лапчайский)	pedate, palmate	palmatus palmiformis
дланенадрезной	palmatifid, palmatipartite	palmatifidus
додекатон	American cowslip	Dodecatheon L. (Primulaceae)
дождевик	puff-ball	Lycoperdon Pers. (Lycoperdaceae)
долихос обыкновенный (гиациントовые лобия)	hyacinth bобы, bonavist, black bean	dolichos, Dolichos lablab
донник	sweet clover	Melilotus L. (Leguminosae)
донник аптечный (донник ароматный, донник лекарственный)	yellow sweet-clover, plaster clover	Melilotus officinalis
донник ароматный (донник аптечный, донник лекарственный)	yellow sweet-clover, plaster clover	Melilotus officinalis, Melilotus suaveolens Ledeb.
донник белый	Arctic clover, white sweet clover	Melilotus albus
донник высокий	tall melilot	Melilotus altissimus
донник лекарственный (донник аптечный, донник ароматный)	yellow sweet-clover, plaster clover	Melilotus officinalis, Melilotus suaveolens Ledeb.
дорема аммиачная	ammoniac plant, ammoniac sumbul, Bombay sumbul	Dorema ammoniacum D. Don. (Umbelliferae)
дориантес	spear-lily	Doryanthes Correa (Amaryllidaceae)
дорикниум	dorycnium	Dorycnium L. (Leguminosae)
дороникум	leopard's bane	Doronicum L. (Com-

			positae)
драконник (драконовое дерево, драцена)	dragon tree, dragon's blood tree	Dracaena (Draemonorops draco) L. (Liliaceae)	Draco
драконовое дерево (драконник, драцена)	dragon tree, dragon's blood tree	Dracaeno (Draemonorops draco) L. (Liliaceae)	Draco
драцена (драконовое дерево, драконник)	dragon-tree, dragon's blood tree	Dracaena (Liliaceae)	Draco L.
драцена южная (кордиллина)	dracena	Cordyline (Liliaceae)	Royen.
древовидный папоротник	tree-fern	Alsophila	
древокорень	mangrove	Rhizophora mangle L. (Rhizophoraceae)	
1. дрёма	1. campion	1. Melandrium	
2. дрёма (кукушкин цвет)	2. cuckoo -flower	Roehl. (Caryophyllaceae)	2. Lychnis floscululi
дрёма белая (смолёвка белая)	evening campion, white campion, snakeflower	Melandrium album (Silene alba)	
дрёма ночная (смолёвка ночецветная)	night campion, night-flowering campion, night-flowering silene, clammy cockle	Melandrium noctiflorum (Silene noctiflora)	
дремлик	epipactis	Epipactis Sw. (Orchidaceae)	
дриада (трава куропаточья)	dryad	Dryas L. (Rosaceae)	
дринария ползучая (папоротник ползучий)	creeping drynaria	Drynaria serpyllum	
дрок	broom, genista, green weed	Genista L. (Leguminosae)	
дрок красильный (жёлтый красильный цветок)	dyer's greenweed, tinctorial broom, base broom	Genista tinctoria	
дряква (цикламен)	sowbread	Cyclamen L. (Primulaceae)	
дряква европейская (цикламен европейский)	European cyclomen, red cyclamen	Cyclamen europaeum (Cyclamen	

ский, цикламен пур- пурный)		purpurascens)
дуб	oak	<i>Quercus</i> L. (Fagaceae)
дуб белый	white oak	<i>Quercus alba</i>
дуб виргинский	live-oak	<i>Quercus virginiana</i>
дуб каменный	holly, holm oak	<i>Quercus ilex</i> L. (Fagaceae)
дуб карликовый	bear oak	<i>Quercus ilicifolia</i>
дуб красильный	dyer's oak	<i>Quercus velutina</i>
дуб лировидный	swamp-oak	<i>Quercus lyrata</i>
дуб лузитанский	Lusitanic oak	<i>Quercus lusitanica</i> L. (Fagaceae)
дуб северный	northern oak, red oak	<i>Quercus borealis</i>
дуб сидячецветный (дуб скальный)	durmast oak, sessile oak	<i>Quercus petraea</i> (Quercus sessiliflora)
дуб скальный (дуб си- дячецветный)	durmast, durmast oak, sessile oak	<i>Quercus petraea</i> (Quercus sessiliflora)
дуб черешчатый	petiolate oak, English oak	<i>Quercus robur</i> (Quercus pedunculata)
дубильный орешек (галл, чернильный орешек)	gall, gallnut	<i>Galla tinctoria</i>
дубник	hawkbit	<i>Leontodon hispidus</i>
дубница (живучка)	bugle-weed	<i>Ajuga</i> L. (Labiatae)
дубовик	lurid boletus	<i>Boletus luridus</i> Fr. (Boletaceae)
дубровка (лапчатка прямостоячая, калган)	1. tormentil 2. bugle	1. <i>Potentilla erecta</i> Neck (Potentilla silvestris Neck, <i>Potentilla tormentilla</i> Neck.) (Rosaceae) 2. <i>Ajuga</i> gen. <i>Teucrium</i> L. (Labiatae).
дубровник	germander	
дубровник лесной (дубровник шалфей- ный)	wood germander	<i>Teucrium scorodonia</i>
дубровник обыкновен- ный	wall germander, <i>chamaedrys</i> german- der	<i>Teucrium chamaedrys</i>

дубровник пурпуровый (растигор)	wild germander	<i>Teucrium hamaedrys</i> L. (<i>Labiatae</i>)
дубровник шалфейный (дубровник лесной)	wood germander	<i>Teucrium scorodonia</i>
дугласова пихта	red fir	<i>Abies magnifica</i>
дудник	angelica, archangel	<i>Angelica</i> L. (<i>Umbelliferae</i>)
дудник даурский	<i>Dahuric angelica</i>	<i>Angelica dahurica</i>
дудник корейский	<i>Korean angelica</i>	<i>Angelica koreana</i>
дудник лекарственный (дудник садовый, дягиль)	cultivated angelica, <i>garden angelica</i>	<i>Angelica archangelica</i> (<i>Angelica officinalis</i> , <i>Archangelica officinalis</i>)
дудник лесной	wild angelica, wood- land angelica	<i>Angelica sylvestris</i>
дудник садовый (дудник лекарственный, дягиль)	cultivated angelica, <i>garden angelica</i>	<i>Angelica archangelica</i> (<i>Angelica officinalis</i> , <i>Archangelica officinalis</i>)
дурман	stramony, datura	<i>Datura</i> L. (<i>Solanaceae</i>).
дурман безвредный	innoxious stramony	<i>Datura arborea</i>
дурман вонючий (дурман обыкновенный)	thorn apple, stramonium, Jimson weed, Jim(p)son-weed, Jimson-weed datura, devil's apple, mad-apple, thorn-apple	<i>Datura stramonium</i> L. (<i>Solanaceae</i>).
дурман древовинный	arbuscular fireweed, floripondio datura	<i>Datura arborea</i>
дурман обыкновенный (дурман вонючий)	thorn apple, stramonium, Jimson weed, Jimson-weed datura, devil's apple	<i>Datura stramonium</i> L. (<i>Solanaceae</i>)
дурнишник	cocklebur, clite, clotbur	<i>Xanthium</i> L. (<i>Compositae</i>)
дурнишник колючий	spiny clotbur, spiny cocklebur	<i>Xanthium spinosum</i>
дурнишник обыкновенный	common clotbur, common cocklebur	<i>Xanthium strumarium</i>
душевик	calamint	<i>Calamintha</i> Moench.

			(Labiatae)
душевик аптечный	calamint savory	Calamintha officinalis	
душевка (щебрушка)	basil thyme	Acinos Moench.	(Labiatae)
душистый горошек	sweet pea	Lathyrus odoratus	
душистый орех (мускатное дерево, мускатный орех, мускатник)	common nutmeg	Myristica fragrans	(Myristica officinalis)
душица (майоран)	marjoram	Origanum majorana L. (Majorana Mill.)	(Labiatae)
душица критская (критский тимьян, испанский хмель)	Cretan marjoram	Majorana onites	(Origanum onites)
душица обыкновенная	origanum, common origanum, pot marjoram, wild marjoram	Origanum vulgare	
дымянка лекарственная (дымовая трава)	fumitory, common fumitory, drug fumitory	Fumaria officinalis L. (Papaveraceae).	
дымовая трава (дымянка лекарственная)	common fumitory, drug fumitory	Fumaria officinalis L. (Papaveraceae)	
дымянка алтечная	fumitory	Fumaria officinalis	
дынная груша (пепино)	pepino	Solanum muricatum	
дынное дерево	papaw, papaya	Carica papaya L. (Caricaceae)	
дыня	melon, muskmelon	Cucumis melo L. (Cucurbitaceae)	
дыня сетчатая	netted melon	Cucumis melo var. reticulata (Cucumis reticulata)	
дыня цукатная	orange melon	Cucumis melo chito	
дягиль	garden angelica	Archangelica Hoffm. (Umbelliferae)	
дягиль лесной (ангелика)	angelica	Angelica hirsuta	

Ее

евгения ямболана (ям- jambolan, jambolan Eugenia cumini

болан, джамболан, яванская слива)	plum, Java plum	(<i>Eugenia jambolana</i> , <i>Syzygium cumini</i>)
ежа	cock's foot	<i>Dactylis</i> L. (Gramineae).
ежа сборная	orchard-grass, grass	<i>Dactylis glomerata</i> L. (Gramineae)
ежевика (ожина)	dew-berry	<i>Rubus caesius</i> L. (Rosaceae)
ежевика кустистая	European blackberry, dewberry	<i>Rubus fruticosus</i>
ежевика поручейная	water dewberry	<i>Rubus rivularis</i>
ежеголовник	bur-reed, bur-flag	<i>Sparganium</i> L. (Sparganiaceae)
ежовик	satyr's beard	<i>Hydnnum</i> Fr. (Hydnaceae)
ежовник (просо петушиное)	barnyard grass, Japanese barnyard millet	<i>Echinochloa crus-galli</i> P.B. (<i>Panicum crus-galli</i> L.) (Gramineae)
ель	spruce, fir	<i>Picea</i> Dietr. (Pinaceae)
ель обыкновенная	Norway spruce	<i>Picea excelsa</i> Link. (Pinaceae)
ель сибирская	Siberian spruce	<i>Picea obovata</i> Ledeb. <i>Picea A.</i> Dier. (Pinaceae)

Ёё

ёжа сборная	cock's foot, cocks-foot, orchard grass	<i>Dactylis glomerata</i>
ёжик	prickly-thrift	<i>Acanthmon</i> Boiss (Plumbaginacea)

Жж

жабник	cotton weed, cudweed	<i>Filago</i> L. (Compositae).
жабрей	bastard hemp	<i>Galeopsis tetrahit</i> L. (Labitae)
жабрица	meadow saxifrage	<i>Seseli</i> L. (Um-

			belliferae).
жарновец метельчатый	green broom, Scotch broom	<i>Cytisus scoparius</i> (<i>Sarothamnus scoparius</i>)	
жасмин	jasmine, jessamine	<i>Jasminum</i> L. (<i>Oleaceae</i>)	
жасмин аптечный (жасмин лекарственный) жасмин жёлтый (гель- земиум вечнозелёный, гельземиум живородя- щий)	common jessamine, common jasmine, jasmine of poetry	<i>Jasminum officinale</i>	
жасмин лекарственный (жасмин аптечный)	Carolina Jessamine, yellow jessamine	<i>Gelsemium sempervirens</i>	
жгун-корень аянский	common Jessamine,	<i>Jasminum officinale</i>	
жгун-корень Монье	common jasmine,		
жгучая крапива	jasmine of poetry		
железница (сидеритис)	Ajanic cnidium	<i>Cnidium ajanese</i>	
железное дерево	Monier's cnidium	<i>Cnidium selinum</i>	
железняк	stinging nettle	Urtica gen.	
желтокорень (гидра- стис)	Ironwort	<i>Sideritis</i> L. (<i>Labiatae</i>)	
желтокорень канадский (гидрастис канадский)	golden-seal	<i>Argania sideroxylon</i>	
желтокорень канадский (гидрастис канадский), золотая печать)	goldenseal, orange- root, turmeric root, puccoon	<i>Parrotia</i> L. (<i>Hammelidaceae</i>)	
жёлтолоз (ива пурпур- ровая)	purple willow, rose willow	<i>Hydrastis</i> Ellis. (<i>Ranunculaceae</i>)	
жёлтофиоль (лакфиоль)	wallflower	<i>Hydrastis canadensis</i>	
жёлтофиоль садовая	wallflower, gilly- flower	<i>Salix purpurea</i> L. (<i>Salicaceae</i>)	
желтушник	treacle mustard	<i>Cheiranthus</i> L. (<i>Cruciferae</i>)	
желтушник амурский	Amur treacle mustard	<i>Erysimum</i> L. (<i>Cruciferae</i>)	
желтушник левкойный	treacle erysimum, treacle mustard	<i>Erysimum amurense</i> Kitag.	
		<i>Erysimum cheiranthoides</i>	

женский цветок	female flower, pistil-	flos feminus
женьшень	ginseng, Chinese gin-	Panax ginseng
	seng, Asiatic ginseng,	(Panax shin-seng)
	man-plant	L. (Araliaceae)
жерардия	field madder	Sherardia Dill.
		(Rubiaceae)
жеруха аптечная (же-	water-cress	Nasturtium officinale
руха водная, кресс во-		R. Br. (Cruciferae)
дяной)		
жеруха водная (жеруха	water-cress	Nasturtium officinale
аптечная, кресс водя-		R. Br. (Cruciferae)
ной)		
жёлтая слива	magnus bonum	Magnum bonum
жёлтофиоль	wallflower	Cheiranthus L. (Cru-
(лакфиоль)		ciferae)
жёлтофиоль садовая	wallflower, gilly-	Cheiranthus cheiri L.
	flower	(Cruciferae)
жёлтый жасмин (гель-	Carolina Jessamine,	Gelsemium semper-
земиум вечнозелёный,	yellow jessamine	virens
гельземиум живоро-		
дящий)		
жёлтый имбирь (кур-	common turmeric	Curcuma longa (Cur-
кума длинная)		cuma domestica)
жёлтый красильный	dyer's greenweed,	Genista tinctoria
цветок (дрок красиль-	tinctorial broom, base	
ный)	broom	
жёлтый нарцисс	lent-lily	Narcissus pseudonar-
		cissus
жёлудь	acorn	glans
жёстпер слабительный	common buckthorn,	Rhamnus catharticus
(жостер слабительный,	purging buckthorn	
крушина слабительная)		
жёсткоколосница (тро-	hard-grass	Sclerochloa P.B.
стянка)		(Gramineae)
жёсткомятлик	hard meadow-grass	Scleropoa Griseb.
		(Gramineae)
живокость (шпорник,	larkspur, delphinium	Delphinium L.
дельфиниум)		(Ranunculaceae)
живокость высокая	bee larkspur, candle	Delphinium elatum
	larkspur	

живокость полевая (со- кирки, василёк рога- тый)	branching larkspur, forking larkspur, field larkspur	<i>Delphinium consolida</i> L. (Ranunculaceae)
живокость спутанная	entangled larkspur	<i>Delphinium confusum</i>
живучка (дубница)	bugle-weed	<i>Ajuga</i> L. (Labiatae)
жилка листа (нервюра)	Nervure, vein, rib	vena, nervus
жилкование	veining, venation, nervation	venation, nervatio
жилковатый	nervate, veined, ribbed	nervatus, nervasus, venosus
1. живучка (дубница)	1. bugle-weed	1. <i>Ajuga</i> L. (Labiatae)
2. живучка	2. aye-green	2. <i>Sempervivum</i> gen.
жимолость	honeysuckle, wood- bine, capryfoil	<i>Lonicera</i> L. (Caprifoliaceae)
жимолость душистая (каприфоль)	garden woodbine	<i>Lonicera caprifolium</i> L. (Caprifoliaceae)
жимолость лесная	fly honeysuckle	<i>Lonicera xylosteum</i> L. (Caprifoliaceae)
жимолость Палласа	Pallas honeysuckle	<i>Lonicera pallasii</i> Le- deb.
жимолость японская	Japanese honey- suckle, Japanese woodbine, Japanese button tree	<i>Lonicera japonica</i>
жирянка	butterwort	<i>Pinguicula</i> L. (Lentibulariaceae)
жирянка альпийская (жирянка обыкновен- ная, жирянка синяя)	mountain butterwort, bog violet	<i>Pinguicula vulgaris</i>
жирянка обыкновен- ная, жирянка синяя, жирянка альпийская)	mountain butterwort, bog violet	<i>Pinguicula vulgaris</i>
жирянка синяя (жирян- ка альпийская, жирян- ка обыкновенная)	mountain butterwort, bog violet	<i>Pinguicula vulgaris</i>
жостер (крушина сла- бительная, жёстер сла- бительный)	purging buckthorn, common buckthorn	<i>Rhamnus cathartica</i> L. (Rhamnaceae)
жостер даурский	Dahurian buckthorn	<i>Rhamnus davurica</i>

		Pall.
журавельник (аистник)	heron's-bill	<i>Erodium</i> L'Herit. (<i>Geraniaceae</i>)
журавельник цикутный (аистник обыкновен- ный, грабельки)	alfilaria, heron's bill, pin grass, stork's-bill, hemlock stork's-bill	<i>Erodium cicutarium</i> (L.)

Зз

завязь	ovary	ovarium
завязь	germ	germen
завязь (семяпочка)	ovule, seedbud	ovulum
зайцехвост	hare's-tail-grass, rab- bit-tail grass	<i>Lagurus</i> L. (<i>Gramineae</i>).
закруглённый назад	revolute	
или вниз		
западная тuya	northern white cedar	<i>Thuja occidentalis</i>
замия	coontie	<i>Zamia</i> L. (<i>Cycada- ceae</i>)
занникеллия	horned pondweed	<i>Zannichellia</i> Mich. (<i>Naiadaceae</i>)
западноавстралийский	jarrah	<i>Eucalyptus marginata</i>
эвкалипт		
зараза водяная (чума водяная)	water-weed, ditch- moss	<i>Elodea</i> Rich. (<i>Hy- drocharitaceae</i>)
заразиха	broom-rape	<i>Orobanche</i> L. (<i>Oro- banchaceae</i>)
засушливый (ксеро- фильный)	xerophilous	xerophilus
заячьи лапки (клевер пашенный)	field trefoil, hare's-foot	<i>Trifolium arvense</i> L. (<i>Leguminosae</i>)
заячья капуста (кисли- ца обыкновенная)	stubwort, wood sorrel, wood-sour, sourtrefoil	<i>Oxalis acetosella</i>
заячья капуста (очиток)	stone-crop, orpine, crassula	<i>Oxalis</i>
звездовик (земляная звёздочка)	earth-star	<i>Sedum</i> L. (<i>Crassu- laceae</i>)
звездовка (астранция)	masterwort	<i>Geaster</i> gen.
звездоплодник часту- ховидный	star-fruit, thrumwort	<i>Astrantia</i> L. (<i>Um- belliferae</i>)
		<i>Damasonium alisma</i> Mill. (<i>Alismaceae</i>)

звёздочка	водяная	water starwort	Callitrichie L. (Calitrichaceae)
(красноволоска, болотник)			
звездчатка		starwort	Stellaria L. (Caryophyllaceae)
звездчатка даурская		Dahurian starwort	Stellaria dahurica Willd. ex Schlehd. (Caryophyllaceae)
звездчатка жестколистная (звездчатка ланцетовидная)		great starwort, Easter-bell starwort, Easter bell, greater stitchwort	Stellaria holostea
звездчатка ланцетовидная (звездчатка жестколистная)		great starwort, Easter-bell starwort, Easter bell, greater stitchwort	Stellaria holostea
звездчатка (звездчатка мокрица)	средняя полевая,	common chickweed, winterweed	Stellaria media
звездчатка (звездчатка мокрица)	полевая	common chickweed, Stellaria media	
звездчатка средняя,	winterweed		
зверобой		Saint-John's-wort, John's wood	Hypericum L. (Guttiferae)
зверобой альпийский		mountain Saint-John's wort	Hypericum alpestre
зверобой Геблера	Gebler	Saint-John's-wort	Hypericum gebleri Ledeb.
зверобой обыкновенный (зверобой продырявленный, зверобой пронзённолистный)		common Sain-John's wort	Hypericum perforatum
зверобой продырявленный (зверобой пронзённолистный,	common	Saint-John's wort	Hypericum perforatum
зверобой обыкновенный)			
зверобой пронзённолистный (зверобой обыкновенный, зверобой продырявленный)	common	Sain-John's wort	Hypericum perforatum

«звёздное яблоко»	star-apple		
зелёнка	yellow wort, yellow centaury	Blakstonia (Chlora L.)	Huds. (Gentianaceae)
зелёные водоросли	green algae		Chlorophyceae
зелёный горошек	green pea		Pisum sativum
зелёный лук (лук-перо)	green onion		Allium
зеленушка	starry agaric		Tricholoma equestris Fr. Quel. (Agaricaceae)
зеленчук	weasel-snout		Galeobdolon Adans. (Labiatae)
зельква	water-elm		Planera J.F. Gmel. (Zelkova Spach) (Ulmaceae)
земляная груша (топи- намбур)	American artichoke, Jerusalem artichoke, Brazilian artichoke, girasol, girasole		Helianthus tuberosus L. (Compositae)
земляная звёздочка (звездовик)	earth-star		Geaster gen.
земляника (клубника)	strawberry	Fragaria	L. (Rosaceae)
земляника лесная	wild strawberry, European strawberry, European wood strawberry	Fragaria vesca	
земляничник (земля-ничное дерево, мадро-нья)	strawberry tree, arbutus, madrona, madrone, madrono	Arbutus unedo	L. (Ericaceae)
земляничное дерево (земляничник)	1. strawberry tree, arbutus, 2. fish-wood	1. Arbutus unedo L. (Ericaceae) 2. <i>Evonymus americanus</i>	
земляной миндаль (сыть съедобная, чуфа)	chufa, chufa flat sedge, rush nut, yellow nut sedge	Cyperus esculentus	
земляной орех (apaxic подземный)	groundnut, peanut, earth-nut	Arachis hypogaea	
зерно	grain, kernel	Granum	
зерновые	cereals	Cerealia	
		Zephyranthes	Herb.

зефирантес	zephyrlily		
зигаденус	fly poison	Zygadenus	Rich.
(Liliaceae)			
зигесбекия блестящая	shining siegesbeckia, shining St.-Paul's- wort	Siegesbeckia	gla- brescens
зимовник (геллеборус, морозник)	hellebore, bear's-foot, Christmas rose	Helleborus.	
зимолюбка	wintergreen, pipsis- sewa	Chimaphila	Pursh.
(Pyrolaceae)			
зимолюбка зонтичная	common pipsissewa, prince's pine, umbel- late wintergreen	Chimaphila	
		umbellata	
злаки	kidney vetch	Anthyllis	vulneraria
златоглав (аптечный	grasses	Gramineae	
клевер, язвенник круп- ноголовый, язвенник	kidney vetch	Anthyllis	vulneraria
многолистный, язвен- ник обыкновенный)			
златоок (златоцветник, царские кудри)	asphodel	Asphodelus	gen.
златоцвет (пиретрум)	1. buddle 2. golden feather	1. Chrysanthemum segetum 2. Pyrethrum	gen. gen.
златоцветник (златоок, царские кудри)	asphodel	Asphodelus	gen.
злая трава (тапсия)	deadly carrot	Thapsia	
змеевик (горлец, рако- вые шейки, горец	snakeweed, European bistort	Polygonum	bistorta
змеиный)		L.	(Polygonaceae)
змееголовник	dragonhead, dragon's head	Dracocephalum	L.
(Лabiatae)			
змееголовник молдав- ский	Moldavian dragonhead	Dracocephalum	mold- avicium L. (Labia- tae)
змеиный корень (го- рец змеиный, раковые шейки)	European snakeweed	Bistorta	major (Poly- gonum bistorta)
золотарник	goldenrod	Solidago	L. (Compo- sitae)
золотарник гигантский	giant goldenrod, No-	Solidago	gigantean

(золотарник поздний)	vember goldenrod	(<i>Solidago serotina</i>)
золотарник канадский	Canadian goldenrod	<i>Solidago canadensis</i>
золотарник обыкно- венный (золотая розга)	European goldenrod	<i>Solidago virgaurea</i>
золотарник поздний (золотарник гигант- ский)	giant goldenrod, No- vember goldenrod	<i>Solidago gigantean</i> (<i>Solidago serotina</i>).
«золотая печать» (жел- токорень канадский)	golden-seal, orange- root, goldenseal, tur- meric root, puccoon	<i>Hydrastis canadensis</i>
золотая розга (золотар- ник)	European goldenrod	<i>Solidago virgaurea</i> L. (<i>Compositae</i>)
золотобородник	scented grass	<i>Chrysopogon</i> Trin. (<i>Gramineae</i>)
золотое дерево	aucuba	<i>Aucuba japonica</i>
золотой дождь	1. golden-chain, bean- tree 2. golden shower	1. <i>Laburnum</i> Medic (<i>Cytisus laburnum</i> L. (<i>Leguminosae</i>) 2. <i>Cassia fistula</i>
золототысячник	centaury	<i>Centaurium</i> Hill. (<i>Gentianaceae</i>)
золототысячник зонтич- ный (золототысячник обыкновенный)	common centaury, drug centaury	<i>Centaurium erythraea</i> (<i>Centaurium minus</i> , <i>Centaurium umbella-</i> <i>tum</i> , <i>Erythraea cen-</i> <i>taurium</i>)
золототысячник обык- новенный (золототы- сячник зонтичный)	common centaury, drug centaury	<i>Centaurium erythraea</i> (<i>Centaurium umbel-</i> <i>latum</i> , <i>Erythraea cen-</i> <i>taurium</i>)
зольник (солянка рус- ская, поташник, курай)	Russian thistle	<i>Salsola ruthenica</i> Il- jin (<i>Salsola kali</i> L.) (<i>Chenopodiaceae</i>)
зопник	Jerusalem-sage	<i>Phlomis</i> L. (<i>Labia-</i> <i>tae</i>)
зостера (морская трава)	eel-grass	<i>Zostera marina</i>
зорька (лихнис халце- донский, лихнис татар- ское мыло)	Jerusalem cross, Mal- tese cross campion, fireballs	<i>Lychnis chalcedonica</i> L. (<i>Caryophyllaceae</i>)
зоря (любисток)	lovage	<i>Levisticum</i> Hill. (<i>Umbelliferae</i>)

зубной корень (анациклус аптечный, немецкая ромашка, римская ромашка)	German pellitory, pellitory-of-Spain	<i>Anacyclus officinarum</i>
зубровка душистая (чапоность, лядник душистый)	holy-grass, sweet-scented grass	<i>Hierochloë odorata</i> Wahlb. (Gramineae)
зубчатка	odontites	<i>Odontites</i> Zinn. (Scrophulariceae)
зубянка	toothwort	<i>Dentaria</i> L. (Cruciferae)
зубянка девятивилистная	nine-leaved toothwort	<i>Cardamine enneaphyllos</i> (Dentaria enneaphyllos)
зубянка клубненосная	coralwort	<i>Dentaria bulbifera</i>
зюзник	water hoarhound	<i>Lycopus</i> L. (Labiatae)
зюзник блестящий	shining hoarhound	<i>Lycopus lucidus</i>
зюзник виргинский	Virginia hoarhound	<i>Lycopus virginicus</i>
зюзник европейский	European bugleweed, marsh hoarhound, water hoarhound, Gipsy-wort	<i>Lycopus europaeus</i>
зябра (пикульник красивый)	bee nettle	<i>Galeopsis speciosa</i> Mill. (<i>Galeopsis versicolor</i> Curt.) (Labiatae)

**АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЯ¹**

Составители: Лидия Загайнова, Ольга Стельмак

BLACK

be in the black	вести дело прибыльно, получать доход
black and blue	в синяках
black and tan	1. терьер жарг. смесь портера с элем
the Black and Tans	ист. «черно-пегие» (англ. карательные отряды, принят. участие в 1920 г. в подавлении ирл. движения шинфейниров)
(the) black art	черная магия, чернокнижие
(as) black as coals	черные как угольки (о глазах)
black as a crow	черный как сажа
(as) black as hades	бездостный, беспросветный; в темном свете
(as) black as hell	тьма кромешная; хоть глаз выколи
(as) black as night	мрачнее тучи, туча-тучей
(as) black as thunder	хмуриться; быть мрачнее тучи
black beast	ненавистный человек, предмет ненависти и отвращения
black box	черный ящик
black coat	священник
black comedy	черная комедия
the Black Death	«черная смерть», эпидемия чумы в Европе
black diamonds	«черное золото», каменный уголь
(the) black dog	плохое настроение, уныние, хандра, ипохондрия; печаль
black eye	фонарь под глазом; сильный удар по престижу, репутации

¹ ФЕ отбирались из Большого Англо-русского словаря фразеологических единиц. (А. В. Кунин. М.: Русский язык, 1984. ~ 944 с.), др. англо-русских словарей.

black flag	пиратский черный флаг
black Friday	«черная пятница»
black frost	холода без инея и снега, бесснежная зима
the black gang	«черная бригада» (кочегары, рабочие, грузящие уголь)
the Black Hole	«губа» гауптвахта, карцер, одиночка
black ice	гололедица
black ingratitude	черная неблагодарность
black ivory	черная слоновая кость (работорговцы так называли негров, рабов)
black letter	старинный английский готический шрифт
black-letter day	трагический день
black list	черный список
black look	хмурый, злобный взгляд
black magic	черная магия
the black man	злой дух, дьявол, сатана
black Maria	«Черная Мария» – тюремная карета, фургон
black market	черный рынок
black (blue) Monday	1-й день занятий после каникул
black money	«черные деньги», теневой капитал
black or white	черное или белое
the black sheep (of the family)	«паршивая овца», позор семьи; в семье не без урода
black ship	судно, которое портовые рабочие отказываются разгружать (в знак солидарности с бастующими)
black shirt	чернорубашечник, фашист
black swan	«черный лебедь», т.е. большая редкость
call white black	называть белое черным, утверждать что-то вопреки очевидности
climb (get или go) into the black	(начать) давать прибыль, стать рентабельным
in black and white	черным по белому, т.е. в написанном или напечатанном виде
the kettle calls the pot black	оба хороши, горшок над котелком смеется, а оба черны
like the Black hole of Calcutta	палящий зной, сильная жара

look on the black side (of things)	смотреть на жизнь пессимистично, безрадостно
not so black as one is painted	быть не таким плохим человеком, как другие пытаются представить
paint smb black	стараться очернить к.-л.; клеветать на к.-л.
paint smth in black	сгущать краски
prove (swear) that black is white	пытаться выдать черное за белое, говорить заведомую ложь
put up a black	жарг. допустить промах, бестактность; сделать ляпсус
the other side of the black stump	австрал.; разг. на том свете
things look black	дела плохи, дело принимает неважный оборот
two blacks do not make a white	посл. чужим грехом своего не искупишь
wash a black moor	заниматься безнадежным делом, пытаться сделать невозможное

BLUE

the Blue and the Gray	ист. «синие и серые» (армии сев. и южн. штатов в гражданской войне в США 1861-65 гг)
the blue blanket	синева небес, небо
the Blue book	синяя книга
the blue-eyed boy	любимчик
blue blood	аристократическое происхождение; голубая кровь
blue devils	уныние, тоска, хандра, белая горячка
blue fear (funk)	жарг. паническое состояние, паника; сильный испуг, жуткий страх
blue fit	удар, потрясение
the Blue Grass State	кукурузный штат Кентукки
the Blue Hen State	штат голубой курочки (штат Делавэр)
blue murder	шум, полная неразбериха
blue noses	«посиневшие носы»
the Blue Peter	флаг отплытия
blue print	наметка, проект, предварительный план

blue ruin	гибель, падение; джин плохого качества
the blue-sky law	закон, регулирующий выпуск и продажу акций и ценных бумаг
(a) blue stocking	«синий чулок»
blue streak	все время, без конца, непрерывно
blue water	открытое море
the boys (men) in blue	моряки, полицейские
by all that's blue	редк. разг. клянусь чем угодно! черт возьми!
cry blue murder	кричать караул, кричать не своим голосом
the dark blues	«синие» спорт. команды Оксфорда
disappear into the blue	как в воду канул, как сквозь землю провалился
drink till all's blue	допиться до белой горячки, до «зеленого змия»
fly the blue pigeon	бросать диплом
like blue murder	со всех ног, сломя голову
the light blues	«голубые» спорт. команды Кембриджа
make (turn) the air blue	ругаться, сквернословить
once in a blue moon	в кой-то веки, раз в год по обещанию
out of the blue	как гром среди ясного неба, как снег на голову
run like a blue streak	нестись во всю мочь, бежать со всех ног, во весь опор, во весь дух
till all was blue	до предела, вовсю; до бесконечности

BROWN

brown shirt	коричневорубашечник, нацист
do brown	обмануть, обработать, обчистить; быть на высоте
in a brown study	в мрачном раздумии, в глубокой задумчивости

GREEN

be not as green as one is cabbage-looking	разг. ишутл. быть не таким уж глупым, как может показаться
the board of green cloth	бильярдный стол

do you see any green in my eyes?	неужели я кажусь вам таким легко-верным, таким простаком?
the grass is always greener on the other side of the fence	посл. хорошо там, где нас нет
(as) green as gooseberry	не знающий жизни
(as) green as grass	зеленый, как трава
green light	«зеленая улица», разрешение
the Green mountain State	штат зеленых гор (штат Вермонт)
green old age	счастливая бодрая старость
green power	власть зеленых банкнот
green stuff	овощи
green with envy	позеленевший от зависти
Gretna Green	Гретна-Грин (назв. деревни на границе с Шотландией, где убежавшие влюбленные могли обвенчаться без представления соответствующих документов)
have green fingers	разг. иметь хорошие руки (об опытных садоводах)
keep the bones green	сохранить хорошее здоровье
the long green	амер. жарг. доллары, деньги
persuade smb. that the moon is made of green cheese	убеждать кого-либо, что луна сделана из молодого сыра, доказывать явную нелепость
wings on the green	горячая дискуссия, потасовка, драка

GREY

grey hairs	старость
the grey mare	женщина, держащая мужа под каблучком
grey matter	«серое вещество», мозговые извилины, мозг

PINK

be tickled pink	быть в восторге
get the pink slip	получить увольнение
in the pink (of health)	разг. в прекрасном состоянии (о здоровье)
the pink of perfection	верх совершенства

PURPLE

a purple patch лучшее место (в литературном произведении)

RED

agony in red	ярко-красный костюм (шутка)
be (go, turn) as red as a beet-root	покраснеть, стать красным как свекла
be in red	иметь долги перед банком, жить в кредит
cut the red tape	уладить формальности
drag a red herring across the path	сбивать с толку
like a red rag to bull	словно красное покрывало для быка, т.е. рискованное дело
look on the wine when it is red	подвыпить, хватить лишнего
look red about the gills	иметь здоровый вид, выглядеть здоровым
paint smth red	представить в яркой сенсационной форме; сделать так, чтобы что-л. бросалось в глаза
paint the town red	предаваться веселью, кутить
red alert	состояние готовности перед лицом опасности
red as blood	кроваво-красный, красный как кровь
(as) red as a cherry (as a rose)	румяный; кровь с молоком
(as) red as a lobster	красный как рак
(as) red as a turkey-cock	красный как индюк
red Book	красная книга
not have a red cent	быть очень бедным; не иметь ни гроша
red blood	физическая сила, мужество
red cent	медный грош
red dog	покер
red hat	кардинал
red herring	отвлекающий маневр
red ink	дешевое красное вино
red lane	горло, горлышко
red man	краснокожий, индеец

red meat	мясо
red tape	волокита, бюрократизм
roll out the red carpet for smb	устроить кому-либо торжественную встречу
(to) see red	прийти в ярость, быть ослепленным яростью, рассвирепеть
see the red light	видеть, подозревать опасность
someone's face is red	покраснеть до кончиков ушей
the red cock will crow in his house	ему пустят «красного петуха» – его подожгут
thin red line	оборона малыми силами
without a red cent	остаться ни с чем, обнищать

Rosy

look at life through rosy spectacles	видеть все в розовом цвете, смотреть на мир сквозь розовые очки

White

be white about the gills	плохо выглядеть, быть не в настроении
bleed smb. white	обескровить, сделать бессильным кого-либо, выжимать все соки из кого-либо бездумно транжириТЬ деньги
buy a white horse	называть белое черным, утверждать что-то вопреки очевидности
call white black	заметить у кого-л. признаки трусости, малодушия
find a white feather in smb's tail	сдавать позиции, капитулировать, прекращать сопротивление
hand out the white flag	иметь чистую совесть, незапятнанную репутацию
(to) have white hands	публично каяться
put a white sheet	признавать себя побежденным, выбрасывать (или поднимать) белый флаг
show the white flag	«Великий Белый путь» «барашки» (белые гребни бурунов)
the Great White Way	белый как мел
white caps (horses)	трус, трусость
(as) white as chalk	
white feather	

(as) white as ghost (sheet, as ashes, as death, as the driven snow)	бледный как полотно; смертельно бледный
(as) a white heat white horse	в бешенстве, в ярости трусость, малодушие
(as) white as milk white at the lips	белый как снег, белоснежный белый от злости
a white-collar slave	раб в белом воротничке
a white collar worker	«белый воротничок», служащий
white day	счастливый день; белая полоса (в жизни)
white elephant	обузда, обременительное, разорительное имущество, подарок, от которого не знаешь, как избавиться
white envy	«белая зависть» – желание, не сопровождаемое злобой обладать тем, что имеется у другого
white frost	иней, изморозь
white harvest	уборка урожая после заморозков
a white lie	невинная ложь
white magic	волшебство, чародейство с помощью божественных сил, белая магия
a white man	прекрасный, порядочный, честный человек
white meat	белое мясо
the white scourge	туберкулез
white squall	тропический шквал при безоблачном небе
a white witch	добрая фея, волшебница

Yellow

yellow alert (warning)	воен. сигнал воздушной тревоги
yellow(~)boy	золотой, золотая монета, гинея
yellow journalist	папарацци, журналист бульварной прессы
yellow leg	подлый, трусливый человек; презренное существо
yellow-livered	трусливо, мерзко, низко, подло
yellow press	желтая пресса
yellow rag (sheet)	бульварная газета, бульварный листок

КОНКУРСЫ! КОНКУРСЫ! КОНКУРСЫ!!!

Итоги конкурса молодых поэтов-переводчиков 2011 года Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

Ежегодно весной на факультете иностранных языков ЗабГГПУ по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России проходит традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья. В этом году конкурс состоялся 35 марта 2011 года. География участников конкурса расширилась благодаря Ивон Пёрцген, преподавателю из Германии, которая успешно справилась с переводами лирики забайкальского поэта Георгия Граубина с русского языка на немецкий.

Призеры: (с английского) Юлия Мусорина, Софья Симатова, Маргарита Ходакова, Людмила Панкратьева, Анна Василенко, Ольга Шустова, Лилия Григорьева, Елена Баженова, Анастасия Халимова, Олеся Волгина; (с немецкого) Лилия Краус, Наталья Полякова; (с испанского) Дарья Игнатьева, Ксения Филинова, Елизавета Быкова; (с китайского) Софья Симатова, Антон Сластин; (с русского на английский) Екатерина Коржова, Полина Сапунова, Людмила Панкратьева, Евгения Петрова, Анна Райдун; (с русского на немецкий) Анастасия Жеребцова, Ивон Пёрцген (преподаватель университета г. Бремен (Германия)).

С английского

Emilie Dickinson (1830 – 1886)
Эмили Дикинсон

Heart, we will forget him

Heart, we will forget him.
You and I, tonight!
You must forget the warmth he gave,
I will forget the light.

Перевод Юлии Мусориной
(учитель английского языка Заб.
Краевой гимназии-интерната)

*****

Сердце, мы его забудем
На исходе дня!
Ты тепла его не помни.
Я – его огня!

When you have done pray tell me,
Then I, my thoughts, will dim.
Haste! "lest while you are lagging
I may remember him!"

**Перевод Симатовой Софьи
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

*****

Милое сердце, забудем его
Сегодня же вечером вместе с тобою.
Ты позабудешь былое тепло,
Я – огонек, что был рядом со мною.

Тебе удалось? Я молю, сообщи,
Мысли о нем тогда вмиг потускнеют.
Скорее, скорее! Прошу, не молчи,
Иначе забыть я его не сумею.

**Перевод Ходаковой Маргариты
(ЧитГУ)**

*****

Мы забудем его, сердце,
На исходе дня.
Ты с теплом его простишься,
Свет забуду я.

И когда ты справишься,
Мне подай сигнал.
Поспеши, пока он снова
Мильям мне не стал.

**Перевод Баженовой Елены
(ЧитГУ)**

*****

Ах, сердечко мое, мы забудем его,
Ты и я в эту лунную ночь.
И тепло, и тот свет, что он нам подарил,
Мы забудем, изгнав память прочь.

И, как только ты, сердце, забудешь о нем,
Его образ растает, как дым.
Поспеши! Ведь пока не торопишься ты,
Буду помнить того, кто любим!

Коль сумеешь, дай мне знать.
Все мечтанья – прочь.
А помедлишь, не смогу я
Чувства превозмочь!

**Перевод Василенко Анны
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

*****

Во мне и в сердце для него
Сегодня места нет.
Забудь тепло, что он дарил,
А я забуду свет.

Молю, забудешь, дай мне знать,
Чтоб образ начал угасать.
Чем больше будешь медлить ты,
Тем дольше буду вспоминать!

**Перевод Шустовой Ольги
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

*****

Сердце, мы забудем его этой ночью,
Этой ночью забудем о нем!
Ты забудешь тепло, что дарил он,
Я забуду о свете, что в нем.

Когда это исполнишь, скажи мне,
Вместе мысли навечно сотрем.
Поспеши! Ведь пока забываешь,
Я могу снова вспомнить о нем!

**Перевод Халимовой Анастасии
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

*****

С тобой его забудем, сердце!
Сегодня мы должны забыть,
Что он когда-то дал согреться,
Что он умел светить.

Прошу, скажи, когда забудешь –
Мысли мои уйдут во тьму.
Поторопись! Коль медлить будешь,
Я вспомнить вновь его смогу!

Sara Teasdale (1884 – 1933)
Сара Тисдейл

Joy

I am wild, I will sing to the trees,
I will sing to the stars in the sky,
I love, I am loved, he is mine,
Now at last I can die!

I am sandaled with wind and with flame,
I have heart-fire and singing to give,
I can tread on the grass or the stars,
Now at last I can live!

Перевод Шустовой Ольги
(ФИЯ ЗабГГПУ)

Радость

Я, как дикарь, и созвездиям млечным,
И рощам, деревьям мне хочется петь,
Что любима, люблю, что он мой будет
вечно,

И что, наконец, я могу умереть!

У ног моих жаркое пламя и ветры,
А в сердце – огонь. Я пою, чтоб дарить,
Я пою, что ступаю на звездные недра,
Что, наконец, я могу долго жить!

Перевод Ходаковой Маргариты
(ЧитГУ)

Восторг

Неистовая, дикая – готова петь деревьям!
Я небу пропою и звездной круговерти:
Люблю, любима – он лишь мой!
Теперь готова к смерти!

С ветром братаяюсь, горю я огнем,
Песню мою всем готова дарить!
Бегу по звездам и по траве,
Теперь я готова жить!

Перевод Волгиной Олеси
(СОШ 33, 9 класс, «Прогресс» (ФИЯ))

*****

В восторге буду петь деревьям,
Я буду звездам в небе петь.
Я люблю и любима – он мой,
Теперь, наконец, я могу умереть!

Меня может ветер и пламень объять,
Поющее сердце – огонь подарить.
По травам и звездам могу я ступить.
Теперь, наконец-то, могу я жить!

Hilaire Belloc (1870 – 1953)
Хилари Белок

On Noman: A Guest

Dear Mr Noman, does it ever strike you,
The more we see of you, the less we like you?

**Перевод Василенко Анны
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

Номану (гостю)

Почтенный мистер Номан, удивит ли это Вас,
Чем чаще мы Вас видим, тем меньше любим Вас.

*****

Почтенный мистер Номан, Вас это удивляет?
Чем чаще мы Вас видим, тем менее к Вам тянет!

Ernest Dowson (1867 – 1900)
Эрнест Доусон

Перевод Мусориной Юлии
(учитель английского языка Заб.
Краевой гимназии-интерната)

Envoy

They are not long, the weeping and the laughter,
Love and desire and hate;
I think they have no portion in us after
We pass the gate.

They are not long, the days of wine and roses;
Out of a misty dream
Our path emerges for a while, then closes
Within a dream.

Послание

Недолго все же счастье длится,
Любовь и ненависть, и смех.
Не остается и крупицы
От прожитых волнений тех.

Не вечны праздника сюжеты;
Вне тихих грез дорога чуть видна.
Возникнет так незримо где-то
И лишь в мечтах проявится она.

Перевод Халимовой Анастасии
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Перевод Григорьевой Лилии
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Послание

Не делятся долго плач и звонкий смех,
Любовь и ненависть или мечта.
Они в нас потерянятся навек,
Когда пройдем сквозь Вечности врата.

Послание

Ничто не вечно, смех то или слезы.
Нет, ни любовью, страстью и враждой,
Наполнены до края наши грэзы
Там, за чертой.

Не длиятся долго дни цветов, вина.
Туман мечты на время тает –
Дорога нам становится видна,
И снова в том тумане исчезает.

И лишь в мечтах своих границ не знают,
Дни праздников, веселья и вина...
И путь наш, чуть открывшись, исчезает
В объятьях сна.

Перевод Панкратьевой Людмилы
(ЧитГУ)

Послание

И плач, и смех не могут длиться вечно,
Как, впрочем, и любовный приворот –
Их время тем сильнее скоротечно,
Чем ближе створки Вечности ворот.

Цветами и вином сопровожденный,
Недолг день, пришедший из мечты;
Когда к мечте подходишь, изможденный,
Она скрывает вновь свои черты...

Leigh Hunt (1784 – 1859)
Ли Хант

Перевод Юлии Мусориной
(учитель английского языка,
Заб. Краевая гимназия-интернат)

Jenny Kiss'd Me

Jenny kiss'd me when we met,
Jumping from the chair she sat in;
Time, you thief, who love to get
Sweets into your list, put that in!

Say I'm weary, say I'm sad,
Say that health and wealth have miss'd
me,
Say I'm growing old, but add,
Jenny kiss'd me.

Дженни меня поцеловала

Дженни со стула вспорхнула,
Меня поцелуем сразив.
И время мне снова вернуло
Утраченной песни мотив.

Я беден, печали тревожат,
Былого огня уж не стало.
Старею, но помнится все же,
Как Дженни поцеловала.

Перевод Панкратьевой Людмилы
(ЧитГУ)

Поцелуй Дженнини

С кресла вспорхнув, Дженнини вмиг
Поцелуй мне подарила.
Время! В старый свой дневник
Укради момент тот милый.

Расскажи, чем был богат –
Все с годами миновало...
Но добавь: тому я рад,
Что она поцеловала.

Mary Elizabeth Coleridge (1861 – 1907)

Мэри Элизабет Кольридж

Come Home!

When wintry winds are no more heard,
And joy's in every bosom,
When summer sings in every bird,
And shines in every blossom,
When happy twilight hours are long,
Come home, my love, and think no wrong!

When berries gleam above the stream
And half the fields are yellow,
Come back to me, my joyous dream,
The world hath not thy fellow!
And I will make thee Queen among
The Queens of summer and of song.

Перевод Симатовой Софьи (ФИЯ, ЗабГГПУ)

Вернись ко мне!

Когда уйдет время холодных ветров,
И в сердце вдруг радость поселятся,
Когда будет солнцем обласкан цветок,
И песнями мир наш согреется,
Когда сумерки вновь овладеют землей,
Ко мне ты вернись и останься со мной!

Когда спелых ягод настанет пора,
И золото землю покроет,
Вернись ко мне, близкая сердцу мечта,
С другим не найдешь ты покоя!
Ты королевой будешь моей,
Королевой мелодий и солнечных дней.

С испанского

Antonio Machado (1875 – 1939)

Антонио Мачадо

*****

La calle en sombra. Ocultan los altos caserones
el sol que muere; hay ecos de luz en los balcones.
¿No ves, en el encanto del mirador florido,
óvalo rosado de un rostro conocido?
La imagen, tras el vidrio de equívoco reflejo,
surge o se apaga como daguerrotipo viejo.
Suena en la calle sólo el ruido de tu paso;
se extinguen lentamente los ecos del ocaso.
¡Oh, angustia! Pesa y duele el corazón ... ¿Es ella?
No puede ser... Camina... En el azul, la estrella.

Перевод Игнатьевой Дарьи (ФФ, ЗабГГПУ)

*****

На улице тень. Высокие зданья скрывают
Солнце, что гаснет. А свет на балконах мерцаet.

Разве не видишь ты в чарах цветущей террасы
Лица розоватый овал, знакомый, прекрасный?
И образ там, за стеклом, в отражении мнимом
То явится, то пропадет вдруг, как выцветший снимок.
На улице только шагов твоих звук раздается.
Медленно тают лучи заходящего солнца.
О, грусть! Сердце ранит, сжимает... Это она?
Нет... быть не может... Сияет в лазури звезда.

Перевод Быковой Елизаветы
(ФФ, ЗабГГПУ)

*****

Улица в тени. Солнце умирает.
На балконах отблески света догорают.
Разве ты не видишь в магии окна
Розовый овал знакомого лица?
Образ за стеклом, в неясности картинок,
Появляясь, гаснет, как поблекший снимок.
На улице звучат лишь твои шаги,
Медленно стихают отзвуки зари.
О, тоска! Боль на сердце и печаль... Это она?
Не может быть... Идет... В синеве звезда.

Seguidilla

El amor de los hombres
Es como el vaso,
Que al menor movimiento
Se hace pedazos.

Y es evidente
Que el más fino se quiebra
Más facilmente.

Перевод Филиновой Ксении
(ФФ, ЗабГГПУ)

Мужская любовь
На вазу похожа.
От слабого ветра
Рассыпаться может.

И та, что изящней,
Что тоньше, конечно,
В куски разлетится быстрее и легче.

С немецкого

Heinrich Heine (1797 – 1856)

Die Sonne spricht:

Was gehn dich meine Blicke an?
Das ist der Sonne gutes Recht,
Sie strahlt auf den Herrn wie auf den Knecht;
Ich strahle, weil ich nicht anders kann.

Перевод Краус Лилии
(учитель географии, СОШ 47)

Солнце молвило:

Что тебе до моих лучей?
Это Солнца доброе право
Освещать слуг, господ, богачей...
Не даётся другое мне, право.

Was gehn dich meine Blicke an?
Bedenke, was deine Pflichten sind,
Nimm dir ein Weib und mach ein Kind,
Und sei ein deutscher Biedermann.
Ich strahle, weil ich nicht anders kann,
Ich wandle am Himmel wohl auf, wohl ab,
Ass Langeweile guck ich hinab –
Was gehn dich meine Blicke an?

Heinrich Heine (1797 – 1856)

Die Nixen

Am einsamen Strande plätschert die Flut,
Der Mond ist aufgegangen,
Auf weißer Dünne der Ritter ruht,
Von bunten Träumen befangen.

Die schönen Nixen, im Schleiergewand,
Entsteigen der Meerestiefe.
Sie nahen sich leise dem jungen Fant,
Sie glaubten wahrhaftig, er schliefe....

Der Ritter ist klug, es fällt ihm nicht ein,
Die Augen öffnen zu müssen;
Er lässt sich ruhig im Mondenschein
Von schönen Nixen küssen.

Что лучи мои для тебя?
Ты о долгे своём не забудь.
Ты женись, народи дитя
И порядочным немцем будь.
Взад-вперёд я по небу хожу
И свечу. Дел других я не знаю.
Я со скучи на Землю гляжу...
Пусть тебя это не занимает.

Перевод Краус Лилии
(учитель географии, СОШ 47)

Русалки

Прилив на берег одинокий набегает,
Взошла луна, залив всё серебром,
На белой дюне рыцарь отдыхает,
Он там цветным охвачен сном.

В таинственных прекрасных одеяньях
Русалки из глубин морских выходят,
Крадутся тихо к юному созданью,
И кажется им, что уснул он, вроде.

Рыцарь умный глаз не открывает,
Словно не пришел еще в сознанье,
Он русалочкам прекрасным позволяет
Целовать себя при лунном сиянии.

Перевод Поляковой Натальи
(СОШ 38, 10 класс)

Русалки

На берег катится волна.
На дюне рыцарь отдыхает.
И лишь взошедшая луна
Его мечтания освещает.

Прекрасные нимфы из глубин
В вуалевых тонких платьях,
Решив, что юноша сном томим,
Его заключили в объятья.

Но рыцарь не глуп, не прошли чары с ним.
Как будто был сном окован –
Закрыты глаза, под луной недвижим,
Русалками был зацелован.

Ludwig Uhland (1787 – 1862)

Das Schloß am Meere

– Hast du das Schloß gesehen,
Das hohe Schloß am Meer?
Geldig und rosig wehen
Die Rosen drüber her.

Es möchte sich drüber neigen
In die spiegelklare Flut;
Es möchte streben und steigen
In der Abendwolken Glut.

– "Wohl hab' ich es gesehen,
Das hohe Schloß am Meer,
Und den Mond darüber stehen
Und Nebel weit umher."

Перевод Краус Лилии
(учитель географии, СОШ 47)

Замок у моря

Видел ты этот замок,
У моря высокий замок?
От роз, что зари алеет,
Сюда ароматы веют.

Всё это могло б опуститься
В прозрачно-зеркальный прилив,
Всё это могло б устремиться
В пламя вечерней зари.

Прекрасно, что увидал я
У моря замок высокий,
Луну, что над ним стояла,
И плотный туман далёкий.

С китайского

Ло Инь

Перевод Симатовой Софьи
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Пчела

Огромные усилия затрачены в пути,
И горы, и равнины остались позади.
Но, несмотря на тяжкий и бесконечный труд,
Все то, что было собрано, другие отберут.

Перевод Сластина Антона
(ЧИБГУЭП)

Пчелка

Облетает поля и вершины,
Все цветы навещает пчела.
И хотя отдает свои силы,
Сладость меда вкусит не она.

**Перевод Сластина Антона
(ЧИБГУЭП)**

Ван Чанмин

Ветер

Листву в сентябре отрывает
И может цветы распустить,
Он волны по рекам гоняет
И может бамбук наклонить.

Забайкальская поэзия. Георгий Граубин

С русского на английский язык

**Перевод Коржовой Екатерины
(магистрантка ФФ, ЗабГГПУ)**

*****

Я много раз себе твердил,
Что не живу, а существую.
Я про любовь читал святую,
Но только душу бередил.

I've urged myself at every pore,
That I don't live, but wither slowly.
I've read a lot that love is holy,
But just ripped up the wounds of yore.

Весь мир в свидетели зову:
Ты в перемене виновата.
Люблю искренне, и свято,
Не существую, а живу!

Entire world is to believe,
That you have caused the crucial changing.
I love you truly, like an angel,
I don't just wither, but I live!

С русского на немецкий язык

**Перевод Ивон Пёрцген
(преподаватель университета г. Бремен, Германия)**

*****

Ich hab' mir häufig klar gemacht:
Ich lebe nicht, ich exestiere.
Ich las von heil' ger Liebe, schiere
Verzweiflung hat's mir nur gebracht.

Mit aller Welt zum Zeugen geb'
Ich dir die Schuld am Wandel, weil ich
Dich liebe, aufrichtig und heilig.
Ich existiere nicht, ich leb'!

С русского на английский

*****

В душе бывает иногда
Такая боль, и грусть, и слякоть,
Что за бесцельные года
В подушку хочется поплакать.

Я в меланхолии тогда
Листаю память, как тетрадку,
И вижу прошлые года
Одною скучною загадкой.

И убеждаюсь: мир жесток,
Раз я не больше, чем пылинка,
Бреду по жизни без дорог,
Едва заметною тропинкой.

От той печали и тоски
Мне в десять раз больнее станет,
Когда я знаю, что руки
Никто на помощь не протянет.

Нет, не одни порывы ввысь
Даны в минуты вдохновенья –
Бывают грусть и срывы вниз,
На дно плохого настроенья.

Но что поделать я могу,
Раз представляться не умею:
Я никогда друзьям не лгу,
Себе тем более не смею.

*****

Смертельную дозу разлуки
Я принял за несколько дней.
Живу, но духовные муки
Увечья иного сильней.
Всё смутно, тревожно и зыбко,
Опять до утра не заснуть.
Лишь светлая ваша улыбка
Способна мне радость вернуть.

Перевод Коржовой Екатерины
(магистрантка ФФ, ЗабГГПУ)

*****

From time to time the poet's soul
Gets seized with pain, and grief, and mire,
So weeping out upon the whole
Is one and only my desire.

Then in despondency I take
My shabby book of bygone brooding,
My past that once could be awake,
But now is dull, unclear, moody.

I get convinced of cruel days.
If I'm not any more than mote,
I rove, devoid of all the ways,
As if along the scarce seen road.

I know, my sorrow and distress
Are getting ten times more tormenting,
When there's none I could address,
Nor helping hand one could be lending.

Don't think, I always strive for height
In minutes full of inspiration –
It happens that I'm not all right
And sink to bottom of depression.

But am I guilty, in the end,
If I just cannot be pretender:
I never lie to any friend,
And to myself – outright surrender.

Перевод Коржовой Екатерины
(магистрантка ФФ, ЗабГГПУ)

*****

The full lethal dose of wrench moments
I've taken for several days.
I live, but my soul's grievous torments
Can maim more than anything maims.
My life is so dim and unstable,
I can't fall asleep till the morn.
But your lucid smile's ever able
To make me as if newly born.

**Перевод Петровой Евгении
(ЧитГУ)**

*****

Подарите мне только час,
Чтобы мог приласкать я вас,
До глубин заглянуть в глаза,
Где бездонность и бирюза!

Will you give me only one hour
To show my sweet power,
To look into your beautiful eyes
So turquoise, and deep, and nice!

**Перевод Сапуновой Полины
(ЧитГУ)**

*****

Я совсем не Ромео, а ты не Джульетта.
Спать тоска не даёт мне по многу ночей.
И тогда ты несчастное сердце поэта
Лечишь словом прекраснее лучших врачей.
Я люблю тебя очень. Но жизнь скоротечна,
Срок придёт – и в другие миры я уйду.
Вот когда наши души сольются навечно:
Я по компасу сердца тебя там найду.

I'm not Romeo, you are not Juliet,
But pangs of love make me sleepless.
And only my poetry helps me forget
About my amorous weakness.
I love you. But love is finite –
I will be gone one day.
And then some time we'll unite,
My heart's compass'll show me the way.

**Перевод Коржовой Екатерины
(магистрантка ФФ, ЗабГГПУ)**

*****

I and thou are not lovers from great Bard of Avon.
Cruel anguish deprives me of sleep every night.
Then ill-starred poet's heart feels as though in a heaven,
Whence your word heals it swifter than best doctors' might.
Oh, my darling, I love you. But life's just illusion,
When it's time – to the worlds of beyond I'll depart.
Only then our souls will get blest for the fusion:
There I'll find you again with the compass of heart.

**Перевод Панкратьевой
Людмилы (ЧитГУ)**

*****

I cannot play Romeo and you
Have no likeness with sincere Juliet.
But when my dreadful grief by evening grew
You always were the only one to cure it.
I love you more and more from day to day.
Alas! From day to day the death is closer.
Our souls will unite. I beg to say:
My heart'll find you 'cause it feels, my dear.

Перевод с русского на немецкий язык

Перевод Анастасии Жеребцовой

(магистрантка ФФ, ЗабГГПУ)

*****

Ich bin kein Romeo und du gar nicht Julia
Lieg ein Stein mir am Herzen schon seit längerer Zeit
Und dann heilst du das unglückliche Herz dem Poeten
Mit dem Wort vielmals schöner als alle Arznei.
Ich liebe dich sehr. Doch das Leben ist flüchtig
Kommt die Zeit – in die andere Welt geh’ ich fort
Und wenn unsere Seelen nähern sich auf ewig
Nach dem Herzenskompaß find ich dort dich schnell vor.

Перевод Ивон Пёрцген

(преподаватель университета г. Бремен,
Германия)

*****

*****

Всё в тебе – моё одиночество,
Моя радость, моя беда.
У меня твоё имя-отчество
В сердце выжжено навсегда.

Alles ist in dir – meine Einsamkeit
Meine Freude und mein Pein
In mein Herz wird für alle Ewigkeit
Mir dein Name eingebrannt sein

Жизнь моя лишь тобою полнится.
Мне спокойно жить оттого –
Если сердце вдруг остановится,
Голос твой оживит его.

Ganz machst du das leben erst mir allein
Und so bin ich ruhig und nicht bang
Sollt' mein Herz des Schlagens mal müde sein –
Deine Stimme setzt's wieder in Gang

Я готов быть с тобой на полюсе,
У сжигающего огня.
За собой своим милым голосом
Ты, как Сольвейг, зовёшь меня.

Mit dir halte ich es am Nordpol aus
Am langsam verlöschenden Feuer
Ich folg', rufst du mich wie Solveig hinaus
Mit der Stimme, die mir so teuer

Переводчики НЕ шутят...

I.

Известная компания **General Motors** потерпела фиаско, пытаясь вывести на рынки Латинской Америки свой новый автомобиль *Chevrolet Nova*. Как вскорости выяснилось, *No va* по-испански означает «не может двигаться».

В США при рекламе пива **Coors** использовался слоган *Turn It Loose!* (примерное значение «Стань Свободным!»). Буквальный перевод слогана на испанский привел к появлению шедевра «Страдай от Понаса!».

Парфюмерная компания **Clairol** представила в Германии свои сухие дезодоранты, используя слоган *Mist Stick* (примерное значение «Туманный Дезодорант»). В Германии выяснилось, что слово *Mist* («туман») на немецком сленге означает «навоз».

Компания **Colgate-Palmolive** вывела на французский рынок свою новую зубную пасту *Cue*. Чуть позже американцы узнали, что именно такое название носит популярный французский порножурнал.

Компания **Coca-Cola** долгое время не могла подобрать свое название для продажи в Китае. Дело в том, что китайцы произносят название этого напитка как «Кекукела», что означает «Кусай Воскового Головастика». Компания была вынуждена перебрать 40 тысяч вариантов написания своей торговой марки, прежде чем было выбрано «Коку Коле», что означает «Счастье во Рту».

Компания **Pepsi** дословно перевела на китайский язык свой главный рекламный девиз «Живи с Поколением «Пепси» (*Come Alive With the Pepsi Generation*). Китайцы были шокированы: слоган приобрел неожиданное звучание «Пепси Заставит Ваших Предков Подняться из Могил».

Компания **Frank Purdue**, производящая курятину, в США использует слоган *It takes a strong man to make a tender chicken* (примерный перевод: «Чтобы приготовить нежного цыпленка,

требуется сильный мужчина»). В переводе на испанский эта фраза приобрела несколько иной смысл: «Нужен сексуально возбужденный мужчина, чтобы курица стала нежной».

Производитель канцелярских принадлежностей компания **Parker** также попыталась перевести свой слоган на испанский. Ее реклама ручки на английском звучит: *It won't leak in your pocket and embarrass you* (примерный перевод: «Она никогда не протечет в вашем кармане и не причинит вам неудобств»). Переводчик ошибся и спутал два испанских слова. В результате, рекламная кампания **Parker** в Мексике проходила под слоганом «Она никогда не протечет в вашем кармане и не сделает вас беременным».

Авиакомпания **American Airlines** установила в своих самолетах кожаные кресла и решила сообщить об этом мексиканским потребителям. На английском слоган звучал прекрасно: *Fly in Leather* («Летай в Коже!»). В буквальном переводе это выражение обрело иной смысл: «Летай Голым!».

Иностранные фирмы также не свободны от ошибок. Скандинавский производитель бытовой техники **Electrolux** вывел свои пылесосы на американский рынок, используя слоган *Nothing Sucks Like an Electrolux* – «Никто не сосет так, как Electrolux».

Ниже приводятся «перлы», произведенные нашими русскоговорящими соотечественниками:

Let it be	Давай съедим пчелу
Manicure	Деньги лечат
I have been there	У меня там фасоль
God only knows	Единственный нос бога
We are the champions	Мы – шампиньоны
To be or not to be?	Пчела или не пчела?
Just in case	Только в портфеле
I'm going to make you mine	Я иду копать тебе шахту
Finnish people	Конченые люди

Источник:

http://translations.web3.ru/reading/article/?act=full&id_article=294

II.

Drug store	Склад наркотиков
She is bold today!	Она сегодня лысая!
Coat of arms	Польта армии
John, dear!	Джон, олень!
Metal city choir	Хор г. Железногорска
Private pronouns	Личные местоимения
If we take language on the whole	Если мы запихаем язык в эту дырку...
By degrees	Под градусом
Whatever the case	Что бы в этом кейсе не было
Hungry like the wolf	Венгры любят волков (название песни)
By such lying of upper layer	Таким враньем верхнего слоя
Tea Room	Комната Чая
Pumps	Памперсы
Girl from the magazine cover	Девушка с магазинной обертки
Hello, duchess	Здравствуйте, дукеза
High school	Высокие скулы
Still Life with Crows	До сих пор живу с воронами
Still life with eggplant	Тихая жизнь с баклажаном
Truly yours	Ваш Трули
Watch Your back!	Посмотри на свою спину.
Flat question	Квартирный вопрос
No smoking!	1. Пиджаки не вешать! 2. Смокингов нет!
Sit down!	Садитесь, дауны!

Sistine Madonna	Шестнадцатая Мадонна
Click "End" to quit	Щелкните по Концу, чтобы выйти (инсталлятор игры)
Close to you	Закрыто для вас!
Ear soup	Уха (из меню киевского ресторана)
Real skin	Настоящая кожа (наклейка на перчатках)
Stop the violence!	Остановите скрипки, пусть скрипки помолчат!
General Electrics	Генералы-электрики
I'll give you a lift to the station	Я дам тебе лифт до станции
What, on earth, is that?	Это что, земля?
alarm watch	Часы с элементом тревоги
Shakespeare's play "The Taming of The Shrew"	Пьеса Шекспира «Укрощение Землеройки»
Factory marriage	Заводской брак
Showtime!!!	Покажи мне время!!!
I wish you came yesterday	Я надеюсь, ты зайдешь вчера
Oh, God!	Вот гад!
Downtown	Город даунов
I miss my town badly	Я девушка и живу в плохом городе
Notorious murderer	Нотариус-убийца
International furniture	Международная обстановка
Sea combs	Морские гребешки
The troops were marching	Трупы маршировали
We're a peaceful race!	Вот это гонка!
childless parents	бездетная пара

Источник: <http://www.freewebs.com/sined/pearls.htm>

Памятные даты

200 лет

Гарриет Бичер Стоу (1811 – 1896)

Американская писательница. Девочка, родившаяся в семье священника в городе Личфилде штата Коннектикут (США), была воспитана в духе строгих религиозных традиций. Члены ее семьи были убежденными противниками рабства. Литературная деятельность писательницы началась в 1830-е, когда ее первые рассказы, очерки, автобиографическая проза публиковались в популярном в то время «Дамском журнале Годи». Уже в ранних произведениях Г. Бичер-Стоу просматриваются две основные тенденции, характерные для всего ее творчества: склонность к морализаторству и интерес к истории края, жизни, быту и психологии жителей новоанглийских поселений.

В конце 1840-х проблема рабовладения в стране приобрела национальный характер. Откликом на нее явился самый знаменитый роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), благодаря которому она вошла в мировую литературу. История жизни и мученической смерти негра Тома потрясла умы и сердца многих читателей. Успех романа, воспринятого современниками как протест против попрания человеческих прав людей с любым цветом кожи, был огромен. Президент США Авраам Линкольн (1809–1865), выступавший против рабства, познакомившись с Г. Бичер-Стоу, воскликнул: «Так вот та самая маленькая женщина, которая развязала такую большую войну!» Он имел в виду Гражданскую войну 1861–1865 годов между Севером и Югом.

390 лет

Жан де Лафонтен (1621 – 1695)

Французский поэт. Великий баснописец. С детства его тянуло к творчеству. Однако сочинять Лафонтен начал, когда ему было уже тридцать три года. Он переработал комедию римского поэта Теренция (ок. 195–159 до н.э.) «Евнух» (1654). В период с 1658 по 1662 сочинял аллегорическую поэму «Сон в Во», которая принесла Лафонтену широкую известность, а также мадrigалы, послания, баллады. В 1669 Лафонтен создает галантную повесть «Любовь Психеи и Купидона», а затем – «Сказки и рассказы в списках» (1665–1685) – веселые, озорные обработки ренессансных сюжетов.

Главная заслуга Ж. де Лафонтена – разработка жанра стихотворной басни в европейской литературе, поскольку ранее считалось, что басня – «низкий жанр», непригодный для серьезного произведения. В 1668 были опубликованы первые «Басни Эзопа, переложенные в стихи Лафонтеном». С 1668 по 1694 они вышли в 12-ти книгах. В них Лафонтен опирается на народную мудрость и фольклорные традиции. Автор использовал и богатый опыт античных писателей – Эзопа (VI в. до н.э.) и Федра (ок. 15 до н.э. – 70 н.э.), а также произведения индийских баснописцев, традиции «животного эпоса». Однако Лафонтена никак нельзя назвать простым «подражателем»: он преодолел чрезмерную назидательность, значительно улучшил изобразительные возможности басни. Его опытом впоследствии воспользовался И.А. Крылов (1769–1844). А. С. Пушкин писал: «Лафонтен и Крылов – представители духа обоих народов».

195 лет

Шарлотта Бронте (1816 – 1855)

Сестры Бронте – Эмилия (1818–1948), Анна (1820–1849) и Шарлотта родились в семье провинциального пастора в Йоркшире. Все они позднее стали писательницами. Шарлотта училась в Бельгии в пансионе мисс Эгера, в которого страстно влюбилась. Эта «история любви» с некоторыми изменениями повторена во многих романах Ш. Бронте. Ее первый роман «Учитель» (1846) не был опубликован при жизни автора. Писательница любила романтические контрасты, преувеличения, необузданые эмоции, таинственные совпадения, при этом она склонна рассматривать каждый эпизод в романе с точки зрения борьбы греха и добродетели. Своими учителями в литературе Ш. Бронте называла Жорж Санд (1804–1876) и У. Теккерая, именно последнему она посвятила свой самый знаменитый роман «Джейн Эйр» (1847). Роман, как и все дальнейшее творчество писательницы, был воспринят читателями как своего рода манифест борьбы за права женщин.

Ко времени появления из печати романа «Шерли» (1849) вся Англия знала имя писателя Кэррера Белла – псевдоним, под которым Ш. Бронте выпустила «Джейн Эйр», уверенная в том, что буржуазная критика осудила бы ее произведения только за то, что они написаны женщиной. В последнем из завершенных романов Ш. Бронте – «Городок» (1853) – психологически точно воссоздана история романтической любви молодой девушки. Реалистические образы писательница трактует романтически.

130 лет Хуан Рамон Хименес (1881 – 1958)

Испанский поэт. «Поэзия всегда была сутью моей» – так писал о себе Х.Р. Хименес, на родине столь же значимый и чтимый, как в России А.С. Пушкин или М.Ю. Лермонтов. Хименес родился в Могурре (Андалусия). Уже в пятнадцатилетнем возрасте он начал публиковать свои стихи в журналах, а в 1900 вышли его первые книги «Души фиалок» и «Кувшинки». В ранний период творчества Хименес испытал сильное влияние модернизма. Большую роль в его творческой судьбе сыграла дружба с никарагуанским поэтом Р. Дарио (1867–1916). Среди поэтических сборников Хименеса этих лет – «Нимфы» (1901), «Грустные напевы» (1903), «Далекие сады» (1904), «Печальные арии» (1909), «Весенние баллады» (1910). С 1916 начался новый период его творчества. Он стремится к ясности и простоте, к максимальной выразительности: сборники «Дневник поэта-молодожена» (1917), «Духовные сонеты» (1917), «Вечные мгновения» (1918), «Камень и небо» (1919). В поисках новых поэтических форм он изучал японскую и индийскую поэзию. В 1920-е Хименес – уже общепризнанный мастер. Среди его учеников – Ф. Г. Лорка, Р. Альберти. В 1936–1942-е он создает поэтический цикл «На другом берегу», а в 1949 выходит его книга «Глубинное существо». В 1950-е поэт выпустил «Третью поэтическую антологию» (1957), куда вошли его лучшие стихотворения. В 1956 Хименес был удостоен Нобелевской премии.

290 лет Тобайас Джордж Смоллетт (1721 – 1771)

Английский писатель. Происходил сэр Смоллетт из знатной шотландской дворянской семьи, но вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь аптекарем, помощником судового врача, хирургом. Занимался и «литературной поденщиной». Смоллетт мрачно смотрел на мир, управляемый деньгами и унижающий тех, кто изначально лишен материальной поддержки. Его язвительный сарказм призван был вдохновлять читателя на борьбу с низменными и порочными наклонностями и вызывать благородное негодование по «отношению к подлому равнодушию» окружающих. Одно из первых произведений Смоллетта «Приключения Родерика Рэндома» (1748), по недоразумению опубликованное в России под именем писателя Г. Филдинга (1707–1754), обличает произвол властей и растленные нравы поместного дворянства. Следующее произведение «Приключения Перегрина Пикля» (1751, в русском переводе «Веселая книга, или Шалости че-

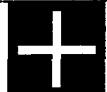
ловеческие») – мрачная ирония по поводу эгоистической морали главного героя. Книга «Приключения графа Фердинанда Фэтома» (1753) предвосхитила «готический роман» («роман ужасов»). «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771), по мнению критиков, самый совершенный роман Смоллетта, написан в эпистолярной форме. Комическая, гротескная манера повествования Т. Смоллетта оказала большое влияние на английскую литературу, в частности, на творчество В. Скотта, Л. Кэрролла (1832–1898) и Дж. Джойса (1882–1941).

225 лет

Вильгельм Гrimm (1786 –1859)

Немецкий филолог, писатель. Сказочник. Вильгельм Гrimm, как и его старший брат Якоб (1785–1863), родился в городе Ханау в семье чиновника. Они получили юридическое образование в Марбурге, но все свои творческие силы отдали изучению германских языков, литературы и народного творчества. Жизненные пути их тесно переплелись и теперь для большинства читателей они – неразрывное целое, замечательные сказочники «Братья Гrimm».

Вильгельм Гrimm был близок к группе гейдельбергских немецких романтиков. Однако он не очень увлекался сугубо теоретическими проблемами германистики, а был больше «художественнойатурой». В основном, он занимался собиранием, классификацией и изданием памятников древней германской поэзии. Увлеченные народным творчеством, братья начали собирать и издавать народные немецкие сказки и сказания. С 1812 по 1818 ими было собрано и выпущено два сборника: «Детские и семейные сказки» (1812–1814) и «Немецкие предания» (1816–1818). Братья Гrimm настаивали на точной записи текстов сказок, дали народным сказкам права гражданства в «серезной» литературе. В исследовании Вильгельма Гrimma «Германские героические сказания» (1829) были собраны средневековые свидетельства о германском героическом эпосе, о народной и куртуазной (любовной) поэзии. Вместе с братом Вильгельм является основоположником мифологической школы в фольклористике. Это направление нашло своих последователей как среди западноевропейских учёных, так и русских: Ф. И. Буслаев (1818–1897), А. И. Афанасьев.

Английский язык

J.L. McCreery

There is no Death

There is no death! The stars go down
To rise upon some other shore,
And bright in heaven's jewelled crown
They shine forevermore.

There is no death! The forest leaves
Convert to life the viewless air;
The rocks disorganize to feed
The hungry moss they bear.

There is no death! The dust we tread
Shall change, beneath the summer showers
To golden grain, or mellowed fruit,
Or rainbow-tinted flowers.

There is no death! The leaves may fall,
And flowers may fade and pass away –
They only wait, through wintry hours,
The warm, sweet breath of May.

There is no death! The choicest gifts
That heaven hath kindly lent to earth
Are ever first to seek again
The country of their birth.

And all things that for growth or joy
Are worthy of our love or care,
Whose loss has left us desolate,
Are safely garnered there.

Though life become a desert waste,
We know its fairest, sweetest flowers,

Transplanted into Paradise,
Adorn immortal bowers.

The voice of birdlike melody
That we have missed and mourned so long,
Now mingles with the angel choir
In everlasting song.

There is no death! Although we grieve
When beautiful, familiar forms
That we have learned to love are torn
From our embracing arms –

Although with bowed and breaking heart,
With sable garb and silent tread,
We bear their senseless dust to rest,
And say that they are "dead,"

They are not dead! They have but passed
Beyond the mists that blind us here
Into the new and larger life
Of that serener sphere.

They have but dropped their robe of clay
To put their shining raiment on;
They have not wandered far away –
They are not "lost" nor "gone."

Though disenthralled and glorified
They still are here and love us yet;
The dear ones they have left behind
They never can forget.

And sometimes, when our hearts grow faint
Amid temptations fierce and deep,
Or when the wildly raging waves
Of grief or passion sweep,

We feel upon our fevered brow
Their gentle touch, their breath of balm;
Their arms enfold us, and our hearts
Grow comforted and calm.

And ever near us, though unseen,
The dear, immortal spirits tread --
For all the boundless universe
Is Life -- there are no dead!

Christine Rossetti

At Home

When I was dead, my spirit turned
To seek the much-frequented house;
I passed the door, and saw my friends
Feasting beneath the green orange boughs;
From hand to hand they pushed the wine
They sucked the pulp of plum and peach;
They sang, they jested, and they laughed,
For each was loved of each.

I listened to their honest chat:
Said one: "To-morrow we shall be
Plod plod along the featureless sands
And coasting miles and miles of sea.
Said one: "Before the turn of tide
We will achieve the eyrie-seat."
Said one: "To-morrow shall be like
To-day, but much more sweet."

"To-morrow," said they, strong with hope,
And dwelt upon the pleasant way.
"To-morrow," cried they one and all,
While no one spoke of yesterday.
Their life stood full at blessed noon;
1, only 1, had passed away:
"To-morrow and to-day," they cried;
I was of yesterday.

I shivered comfortless, but cast
No chill across the tablecloth;
I all-forgotten shivered, sad
To stay and yet to part how loth:
I passed from the familiar room,
I who from love had passed away,
Like the remembrance of a guest
That tarrieth but a day.

Who hath despised the day of small things?
(before 1893)

As violets so be I recluse and sweet,
    Cheerful as daisies unaccounted rare,
Still sunward-gazing from a lowly seat,
    Still sweetening wintry air.
While half-awakened Spring lags incomplete,
    While lofty forest trees tower bleak and bare,
Daisies and violets own remotest heat
    And bloom and make them fair.

Paradise: In a Dream

Once in a dream I saw the flowers
    That bud and bloom in Paradise;
More fair they are than waking eyes
Have seen in all this world of ours.
And faint the perfume-bearing rose,
    And faint the lily on its stem,
And faint the perfect violet
    Compared with them.

I heard the songs of Paradise:
    Each bird sat singing in his place;
A tender song so full of grace
It soared like incense to the skies.
Each bird sat singing to his mate
    Soft cooing notes among the trees:
The nightingale herself were cold
    To such as these.

I saw the fourfold River flow,
    And deep it was, with golden sand;
It flowed between a mossy land
With murmured music grave and low.
It hath refreshment for all thirst,
    For fainting spirits strength and rest;
Earth holds not such a draught as this
    From east to west.

The Tree of Life stood budding there,
    Abundant with its twelvefold fruits;
Eternal sap sustains its roots,

Its shadowing branches fill the air.
Its leaves are healing for the world,
    Its fruit the hungry world can feed,
Sweeter than honey to the taste
    And balm indeed.

I saw the gate called Beautiful;
    And looked, but scarce could look within;
    I saw the golden streets begin,
And outskirts of the glassy pool.
Oh harps, oh crowns of plenteous stars,
    Oh green palm branches many-leaved –
Eye hath not seen, nor ear hath heard,
    Nor heart conceived.

I hope to see these things again,
    But not as once in dreams by night;
    To see them with my very sight,
And touch and handle and attain;
To have all Heaven beneath my feet
    For narrow way that once they trod;
To have my part with all the saints,
    And with my God.

Испанский язык

Luis Cernuda **Contigo**

¿Mi tierra?
Mi tierra eres tú.

¿Mi gente?
Mi gente eres tú.

El destierro y la muerte
para mi están adonde
no estés tú.

¿Y mi vida?
Dime, mi vida,
¿qué es, si no eres tú?

Deseo

Por el campo tranquilo de septiembre,
del álamo amarillo alguna hoja,
como una estrella rota,
girando al suelo viene.

Si así el alma inconsciente,
Señor de las estrellas y las hojas,
fuese, encendida sombra,
de la vida a la muerte.

Impresión de destierro

Fue la pasada primavera,
hace ahora casi un año,
En un salón del viejo Temple, en Londres,
Con viejos muebles. Las ventanas daban,
Tras edificios viejos, a lo lejos,
Entre la hierba el gris relámpago del río.
Todo era gris y estaba fatigado
Igual que el iris de una perla enferma.

Eran señores viejos, viejas damas,
En los sombreros plumas polvorrientas;
Un susurro de voces allá por los rincones,
Junto a mesas con tulipanes amarillos,
Retratos de familia y teteras vacías.
La sombra que caía
Con un olor a gato,
Despertaba ruidos en cocinas.

Un hombre silencioso estaba
Cerca de mí. Veía
La sombra de su largo perfil algunas veces
Asomarse abstraído al borde de la taza,
Con la misma fatiga
Del muerto que volviera
Desde la tumba a una fiesta mundana.

En los labios de alguno,
Allá por los rincones
Donde los viejos juntos susurraban,
Densa como una lágrima cayendo,
Brotó de pronto una palabra: España.

Un cansancio sin nombre
Rodaba en mi cabeza.
Encendieron las luces. Nos marchamos.

Tras largas escaleras casi a oscuras
Me hallé luego en la calle,
Y mi lado, al volverme,
Vi otra vez a aquel hombre silencioso,
Que habló indistinto algo
Con acento extranjero,
Un acento de niño en voz envejecida.

Andando me seguía
Como si fuera solo bajo un peso invisible,
Arrastrando la losa de su tumba;
Mas luego se detuvo.
«¿España?», dijo. «Un nombre.
España ha muerto.» Había
Una súbita esquina en la calleja.
Le vi borrarse entre la sombra húmeda.

Федор Бальдауф

*****

Ты хочешь, чтобы я мой слабый гений
От сна на время возбудил?
Готов; но где искать восторга песнопений,
Который некогда моим пером водил?
Я прежде пел лишь для одной забавы,
Свободу муз, покой любя,
Теперь пою я для тебя,
И мыслию далёк от славы [7].

Вечер на берегу Байкала (отрывок)

Я не забыл мечты,
Которые душа моя питала,
Средь грозных ужасов и дикой красоты
На берегу угремого Байкала.
Я живо помню их: оне
Унылого певца везде сопровождают
И в отдаленной стороне

Минуты скорби окрыляют.
 Был вечер – и кругом по дремлющим скалам
 Ночные тени расстилались;
 И небо и брега и одинокий храм¹
 В пучине зыбкой колебались...[9].

Казак

Казак стоит –
 Туманен взор;
 Казак молчит,
 И темный бор
 Над ним шумит;
 Знать друга ждет.
 Сивеет даль;
 Он к сердцу жмет
 Литую сталь.
 «Ты дубровушка зеленая.
 Ты зачем так расшумелася?
 Ветры злые, ветры буйные!
 Не бросайте листья желтые
 На трапу уединенную,
 Чтоб красавица в густом лесу
 Не замешкалась блуждаючи,
 Пел казак, поет, рыдаючи...» [13].

Баллада «Кузнец» (отрывок)

...Кузнец одинокий сидит на скамье
 И думает, тихо вздыхая:
 Ты юность игривую в чуждой семье
 Провел сиротой изнывая...
 В наследство остались тебе от родни
 Нужда, утомленье и голод,
 Да долгие, полные горестью дни,
 Работа и тягостный молот... [1, с. 14].

---

¹ Посольский монастырь

**Научно-художественный журнал «Переводчик»
/Статистика/**

***За 10 лет (2001 – 2011 гг) в нашем издании опубликованы
переводы с 18 иностранных языков
+ с русского языка на иностранные***

Английский язык

Армянский язык

Бурятский язык

Венгерский язык

Грузинский язык

Ивритский язык

Итальянский язык

Испанский язык

Китайский язык

Корейский язык

Мальтийский язык

Монгольский язык

Немецкий язык

Польский язык

Русский язык

Французский язык

Хорватский язык

Якутский язык

Японский язык

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ДИПЛОМ ЛАУРЕАТА

Первого краевого фестиваля
«Забайкальская книга – 2009/2010»

В НОМИНАЦИИ

«Журнал года»

НАГРАЖДАЕТСЯ

научно-художественный журнал

«Переводчик»

Забайкальского государственного гуманитарно-
педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского

Председатель жюри:

Г.П. Сыроватка

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 11

**Главный редактор О. В. Стельмак
Обложка и оформление О. Н. Терешина
Корректор И. Н. Силицкая**

**Подписано в печать 28.05.11. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Способ печати оперативный. Усл.печ.л. 16,9. Уч.-изд.л. 14,8.
Заказ № 09011. Тираж 300 экз.**

**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129**

**Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России
Факультет иностранных языков
Контактный телефон 8-(302)2-26-86-55
E-Mail stelmak@pochtamt.ru**